КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

СЕНТЯБРЬ

1896 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою Кіевъ 18 сентября 1896 года.

СЕРБЫ ВЪ ГЕТМАНЩИНѢ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ [1]).

XVII.

Прошло лѣто, прошла и осень 1756 года, а дѣло „о разбоѣ дому козака Михайла Мармуты“ покоилось въ глубинѣ канцелярскихъ ящиковъ, потому что Хорватъ не присылалъ Ивана Требинскаго въ Глуховъ, а генеральная войсковая канцелярія и генеральный судъ не настаивали на присылкѣ гусарина. Тогда Михайло Мармута, по совѣту Рубана, предпринялъ рѣшительный шагъ: онъ послалъ жалобу гетману и „просилъ онъ, нижайшій, дабы тое дѣло его повелѣно было разсмотрѣть и рѣшить“. Жалоба писалась у Рубана—въ Ирклѣевѣ. Возвратившись домой, Мармута сообщилъ женѣ, что онъ послалъ гетману *жалобливое доношеніе.*

— „Щось воно зъ того та буде, кому-сь галушка стане поперекъ горла!“ сказалъ Мармута.

Мармутова галушка попала прежде всего въ горло самихъ генеральныхъ судей.

Гетманъ Разумовскій былъ уже недоволенъ на судей—Мировича, Бальневича и Діаковскаго: получивъ множество жалобъ на этихъ господъ и убѣдившись въ справедливости жалобъ, онъ уже подумывалъ о смѣнѣ судей; ему уже надоѣла эта постоянная возня съ докучливыми козацкими челобитными, а

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1896 г., № 7 и 8.

тутъ выплыла просьба еще одного козака—Михайла Мармуты. Въ прошеніи Мармуты излагалось такое вопіющее дѣло, что гетманъ Разумовскій немедленно предписалъ генеральной канцеляріи, дабы составъ генеральнаго суда былъ измѣненъ и назначены были судьями люди надежные, которые рѣшали бы дѣло безъ замедленія, лицепріятія и какъ слѣдуетъ—по правамъ малороссійскимъ.

Согласно этому предписанію, генеральными судьями назначены были: генеральный бунчучный Оболонскій, Петръ Горленко и Илія Журманъ—бунчуковые товарищи. Новые судьи принялись за разборъ запущенныхъ и неправильно рѣшенныхъ тяжбъ и прежде всего хватились за дѣло Мармуты, какъ наиболѣе громкое и вопіющее; къ тому-же, Оболонскій былъ заклятый врагъ Данила Требинскаго—и теперь представлялся случай упечь сего Данила.

Начали съ того, что написали генералъ-маіору Хорвату довольно грозное посланіе: „по предписанію гетмана графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго имъ велѣно рѣшить неотложно дѣло о разбои дому козака Михайла Мармуты; а какъ по оному дѣлу оговоренъ капралъ Новой Сербіи гусаринъ Иванъ Требинскій, то генералъ-маіоръ имѣетъ немедленно прислать упомянутаго Требинскаго въ генеральный судъ для допроса; о таковой присылкѣ уже многажды писано было, и ежели на сей разъ не послѣдуетъ удовлетворенія генеральному суду, то оный доложитъ гетману, что онъ, генералъ-маіоръ, такъ долго задерживаетъ Ивана Требинскаго“.

Затѣмъ, въ ожиданіи Ивана Требинскаго, занялись разсмотрѣніемъ дѣла „объ арештованіи его имѣнія“. Здѣсь все было ясно, какъ божій день. Лубенская коммиссія нашла хуторъ Ивана Требинскаго впустѣ,—тамъ не оказалось ничего того, что Булябашъ занесъ въ опись и передалъ Боровку да Москаленку; имѣлись свидѣтельскія показанія и о томъ, какъ Боровко и Москаленко были побиты, обруганы и выгнаны изъ Иржавскаго хутора.

Николаю Требинскому генеральный судъ не могъ опредѣлить наказанія, ибо онъ не состоялъ въ его вѣдѣніи. Данилу-же

предстояло, по мнѣнію суда, выполнить то, что значилось „в правѣ малороссійскомъ, въ книгѣ роздѣлѣ 13, артикулѣ 4, пунктѣ 30“; а здѣсь значилось такое: „за причиненой отъ кого-либо гвалтъ (грабежъ) следуетъ заплатить триста рублѣй денегъ, а имущество забранное удвое возвратить“. Своевременно увѣдомили Данила о томъ, что дѣется въ генеральномъ судѣ, и совѣтовали помириться съ Мармутой. Но Данило и слышать не хотѣлъ о мировой; онъ добылъ крючкотвора, и этотъ началъ строчить доношеніе объ отводѣ генеральнаго судьи Оболонскаго отъ разсмотрѣнія жалобъ Мармуты, Боровка и Москаленка; но въ эту пору случилось обстоятельство, которое поворотило намѣренія Данила въ другую сторону.

XVIII.

Во дворъ Данила Требинскаго явился верховецъ и вручилъ ему письмо отъ Хорвата. Хорватъ писалъ, „что генеральный судъ настоятельно требуетъ всенепремѣнной присылки вицекапрала Ивана Требинскаго; сей вице-капралъ обличается въ такихъ продерзостныхъ дѣлахъ, которыя, если доказаны будутъ, то опозоренъ будетъ гусарскій полкъ и самъ онъ, командиръ полка: ибо правительство призвало ихъ, Сербовъ, и поселило у себя для искорененія разбойниковъ и грабителей, чтобы они въ семъ отношеніи подавали добрый примѣръ козакамъ и запорожцамъ; что же правительство подумаетъ, когда и въ Сербскомъ полку оказываются воры, грабители и разбойники?“ И совѣтовалъ Хорватъ, чтобы Данило помирился съ Мармутой и его товарищами—потушилъ бы это гадкое дѣло; а если онъ, Данило, яко родной братъ, не приложитъ попеченія о своемъ братѣ и не потушитъ объявленныхъ за нимъ злодѣяній, то онъ Хорватъ вынужденъ будетъ по вышеобъявленнымъ причинамъ поступить такъ, чтобы вицекапралъ Иванъ Требинскій былъ подвергнутъ смертной казни. Такое письмо навело ужасъ на Данила: онъ зналъ, что Хорватъ крайне упоренъ въ своихъ намѣреніяхъ и даже за маловажные проступки, вѣдомые только ему, наказываетъ крайне жестоко, безпощадно.

Данило отвѣтилъ Хорвату, что приложитъ всевозможныя старанія для мировой сдѣлки съ Мармутой.

Немедленно къ Михайлу Семеновичу Мармутѣ былъ отправленъ повѣренный съ предложеніемъ мира.

А въ Каневцахъ уже торжествовали, предвкушая побѣду надъ Требинскими: Мармута бѣгалъ по сосѣдямъ и хвалился, что по его доношенію самъ гетманъ взялся за дѣло, смѣнилъ генеральныхъ судей и приказалъ новымъ судьямъ рѣшить дѣло во удовольствіе ему—Мармутѣ; теперь уже Требинскимъ не сдобровать,—„онъ возьметъ ихъ за бока и утретъ имъ носы". Но оповѣщеніемъ сосѣдей Мармута не удовольствовался,—его такъ и подмывало раструбить подальше о своихъ Глуховскихъ трофеяхъ; прежде всего онъ вознамѣрился сбѣгать въ Ирклѣевъ, уже и коня велѣлъ осѣдлать, какъ вотъ влетѣлъ во дворъ повѣренный Требинскихъ. Пріѣздъ его нѣсколько озадачилъ Мармуту и въ недоумѣніи онъ спросилъ:—„чи зъ добромъ, чи зъ худомъ?"...

— Зачимъ зъ худомъ!.. Добра та здоровья почтенному Михайлу Семеновичу! сказалъ хитрый крючекъ.

— Бачъ, вже й Михайло Семеновичъ, та ще и поштенный!... А въ Глухови такъ и дывытьця не хотивъ!...

Крючекъ хотѣлъ что-то говорить, но Мармута поспѣшилъ пригласить его въ хату.

— Кэ лышень у кимнàту! та тамечки послухаемо вашои речи,—сказалъ Мармута. Вошли. Гость обратился къ хозяйкѣ съ привѣтствіемъ.

— Чого-жъ оце вы прыйихали? спросилъ Мармута.

— А насчетъ того дѣла; то дѣло уже третій годъ продолжается, издержекъ много понесено, а еще и больше того предвидится,—прійдется подавать апеляцѣи на генеральнаго суда сентенціи; а по сихъ несостоявшихся сентенціяхъ зновъ пойдетъ разсмотрѣніе дѣла, и буде воспослѣдуетъ неправильная сатисфакція, то зновъ воспослѣдуетъ апеляція,—и такъ дѣло можетъ продолжиться чрезъ многіе годы, и вамъ убыточно будетъ, Михайло Семеновичъ!—запускалъ крючекъ такую пыль,

— Все.те, що вы кажете, якъ ваше имня-очество, все те чортъ зна що! Вже дилу кинець, а вы плещете, буцимъ-то воно все починатьця буде!... сказалъ Мармута.

— Э, Михайло Семеновичъ, не надійтесь,—скоро казка кажется, та не скоро дило робытьця, якъ кажуть! отвѣтилъ собесѣдникъ.

— И я колысь такъ казавъ, якъ треба було; теперички зовсимъ друга писня!

— А ще лучча писня була-бъ, якъ бы вы, Михайло Семеновичъ, помырылись съ Даниломъ Петровичемъ! сказалъ крючекъ.—Чи вы согласни булы-бъ?

— Чомъ не буть? хай тильки Данило Требинській роспережитьця, та кишеню розвяже—той согласни будемо! отвѣтилъ Мармута.

Послѣдовало молчаніе.

— Какъ же, што жъ мнѣ довѣрителю сказать? спросилъ крючекъ.

— Я жъ кажу, якъ хоче мыровой, хай самъ прыйидыть, та побалакаемо, та порадимося, то може й согласни будемъ,—сказалъ Мармута, зѣвнувъ во весь ротъ.

— А какъ они не захотятъ ѣхать—и мировая пропала! жалѣть будете, Михайло Семеновичъ! Ой, какъ жалѣть будете!—соболѣзновалъ крючекъ.

Михайло Семеновичъ засмѣялся и сказалъ: То вже вы, якъ ваше имня-очество, будете жалкувать, а намъ ни объ чомъ жалкувать, не буде Галя, буде другàя!

— Какая другая? спросилъ крючекъ, не понявъ, къ чему эта „галя“ относилась.

— А та, що у Глухови ось якъ невидно заспивае! пояснилъ Мармута.

— Э, Михайло Семеновичъ, на те не потурайте,—те ще выламы пысано!

— Выламы пысане, та гарнійшъ, якъ вашымы пирьями, якъ ваше имня-очество.

— Надійтесь, надійтесь! А жалкувать будете! сказалъ уязвленный крючекъ и поспѣшилъ убраться восвояси.

Выпроводивъ непрошеннаго гостя, Мармута сейчасъ же поспѣшилъ въ Ирклѣевъ.

XIX.

Уже до пріѣзда повѣреннаго Мармута былъ въ хорошемъ расположеніи духа; а по отъѣздѣ повѣреннаго, поспѣшая въ Ирклѣевъ, онъ сіялъ отъ удовольствія и вполголоса напѣвалъ пѣсенку.

Въ Ирклѣевѣ Мармута таки порядкомъ умаялся: сообщилъ Рубану о томъ, что совершается въ Глуховѣ по ихнему дѣлу, сообщилъ о пріѣздѣ повѣреннаго отъ Требинскаго; посѣтилъ Штепу и Сезоненка, повѣдавъ имъ о томъ же; съ радостными вѣстями метнулся къ остальнымъ своимъ знакомымъ и заглянулъ въ сотенную канцелярію. Разсказывая всѣмъ одно и то же, всѣхъ просилъ собраться къ Рубану, дабы всѣмъ вмѣстѣ „порадытьця“ о томъ, какъ дѣло „довести до ума“.

У атамана Рубана собралась довольно большая компанія и здѣсь „радылысь“.

Долго судили и рядили, какъ быть съ Даниломъ Требинскимъ: заключать ли съ нимъ мировую, или не заключать. Мнѣнія были различныя: одни говорили, что когда самъ Данило Требинскій проситъ мира, то и пойти съ нимъ на миръ, „завзявши“ съ него „багацько грошей и прочого добра“; другіе совѣтовали не поддаваться просьбамъ Данила, ибо онъ хитрый, какъ лисица: „претензіи“ не отдастъ, а будетъ только водить за носъ; и тѣмъ временемъ, заручившись мировою, дѣло въ судѣ „скрутитъ“.

Мармута въ этой разноголосицѣ растерялся, не зналъ, какому бы совѣту отдать предпочтеніе. Выспрашивая по нѣскольку разъ то того, то другаго, онъ обратился наконецъ, къ Штепѣ, все время молчавшему.

— Хочъ бы вже ты що-небудь сказавъ!... якъ ще тоби здаетьця?

— Що мени здаетьця?

— Мени здаетьця, що якось краще сыныця въ рукахъ, нижъ въ неби журавель! отъ що!... ляпнулъ Штепа, пріосаниваясь и расправляя свои длинные усы.

— Бачите! обозвался кто-то: отъ розумне слово—такъ-тàкъ!

— Поки ще ти суды прысудять, воно само у ротъ лизе!... прибавилъ Сезоненко.

Эге-жъ, тильки треба уміючи піймать!... сказалъ Штепа.

— Отъ добре слово—такъ-тàкъ! подхватилъ Сезоненко, а за нимъ и другіе.

— Эге! сказалъ Мармута и обратился къ Рубану: що намъ атаманъ скаже? Послухаемо, люде добри! Якъ, Хведоръ Ивановичъ, цёму усёму буть?

— А якъ буть?... колы робыть мырову зъ Требинськимъ, такъ заразъ тутечки, на столи, у тебе, у хати хай и выклада усю претензію, та ще щобъ и сторонни люды булы, ось якъ! заключилъ Рубанъ.

— Отъ розумна ричъ! сказали.

— И я жъ казавъ соби и думавъ, що мабуть грóши и де-яку худобу хай Требинській тутечки у мене выклада, тоди й мырова буде!

— А чого-жъ бо й клопотавсь такъ довго? обозвался Штепа.

— Э, клопотавсь!.. Треба и людей було поспытатысь, що воны скажуть, зъ своимъ умомъ сикатысь у такее дило якось не годытьця!—Спасыби вамъ, добри люде, за добрый совитъ, та за добри речи! теперечки знатыму, що робыть и якъ робыть!

Такими словами напутствовалъ Мармута совѣтниковъ, удалявшихся во-свояси.

Черезъ два дня Михайло Семеновичъ имѣлъ новое удовольствіе: предъ нимъ предсталъ тотъ же самый крючекъ съ изъявленіемъ дружбы и мира, предлагаемаго паномъ Даниломъ.

— Чы не передумалы, Михайло Семеновичъ?

— Ни, якъ ваше имня-очество, не передумалы! Одно казатыму и кажу: хай самъ Требинській прыйиздыть до мене; то може и дійдетьця до мыровои.

И Мармута стоялъ на своемъ, сколько его ни урезонивалъ повѣренный ѣхать до Требинскаго. Тогда повѣренный нашелся

вынужденнымъ сказать, что, пожалуй, Данило Требинскій пріѣдетъ въ воскресенье въ Каневцы—не велика бѣда!

Выпроводивъ повѣреннаго, Мармута отъ удовольствія только руки потиралъ, да самъ себѣ приговаривалъ: „адже що-сь та буде!.. журавля ухопимъ!“ И первымъ дѣломъ, на радостяхъ, шмыгнулъ въ погребъ до куфы съ медомъ.—„Трошки выпыть, та заразъ и за дило братысь!“—приговаривалъ онъ, выпивая кружку меду.

Сейчасъ же и взялся за дѣло: отправилъ верховцевъ къ Рубану, Боровку и Москаленку—съ оповѣщеніемъ, чтобы они пріѣхали къ нему въ воскресенье „спозаранку на мирову“ съ Требинскимъ. Самъ же пошелъ по знакомымъ; нѣкоторыхъ просилъ къ себѣ „на недилю“ и изъяснялъ всѣмъ, что „въ недилю“ для заключенія мировой пріѣдетъ къ нему самъ бунчуковый товарищъ, Данило Требинскій.

XX.

Въ воскресенье, съ ранняго утра, въ домъ Михайла Семеновича Мармуты начали сходиться гости. Пріѣхали Рубанъ, Штепа, Сезоненко, Боровко и Москаленко; не доставало только Данила Требинскаго. Въ ожиданіи его, любезный хозяинъ занялся угощеніемъ—и все приговаривалъ, что, „лучче мырову зробыть, нижъ по судамъ тягатысь“. Одни соглашались съ его мнѣніемъ, а другіе нѣтъ. Завязался жаркій споръ. Разговорились до того, что не замѣтили, какъ въ хату вошелъ незнакомецъ,—это былъ челядинецъ Данила Требинскаго. Онъ оповѣстилъ, что панъ по нездоровью своему не можетъ пріѣхать; а коли угодно Мармутѣ потолковать о мировой, то онъ, панъ, будетъ завтра дожидаться его въ Чутовкѣ. Мармута и Рубанъ сначала были противъ поѣздки въ Чутовку, полагая, что въ этомъ приглашеніи кроется какая-нибудь уловка; но тотъ же Штепа и теперь одержалъ верхъ; онъ подѣйствовалъ, какъ и прежде, весьма простымъ доводомъ.

— А чому бо и не пойихаты? сказалъ онъ,—хиба волосся облизе, чи що?

Почти всѣ гости были того мнѣнія, что поѣхать въ Чутовку—не бѣда.

— Вы кажете—побачытысь зъ Требинскимъ, та поспытатысь, що зъ того выйде?—обратился Мармута къ Штепѣ, Сезоненку и прочимъ.

— Эге-жъ, кажемо! сказали они.

— А якъ по вашему, Хведиръ Ивановичъ, чы йихаты, чы ни? спросилъ Мармута Рубана.

— Якъ люды кажуть йихаты, то й йихаты, отвѣтилъ Рубанъ.

— Такъ и буть! Пойидьмо! Побачимо, що зъ того буде! сказалъ Мармута, махнувъ рукой; и объявилъ свое рѣшеніе посланцу Данила.

Утромъ, въ понедѣльникъ, вся компанія отправилась въ Чутовку на свиданіе съ Даниломъ Требинскимъ.

Свиданіе произошло въ опустѣлой усадьбѣ Ивановой. Данило Требинскій принялъ козаковъ съ притворной любезностью, какъ какой-нибудь закадычный другъ и пріятель; онъ даже съ Мармутой и Рубаномъ облобызался, причемъ, какъ-бы шутя, замѣтилъ:—„много-жъ васъ наѣхало“!

— Та вже такички, якось воно, якъ зъ людьмы, якось неначе веселійше... побалакаты чи объ дили, чи объ чимъ! отвѣтилъ Мармута.

— Побалакаемъ, побалакаемъ! сказалъ любезный хозяинъ.

Немедленно же и начали „балакать“ о дѣлѣ. Балаканье это продолжилось далеко за полдень; все никакъ не могли сойтись; Мармута слишкомъ много „правилъ“: заломилъ девятьсотъ рублей деньгами, требовалъ выдачи доходовъ съ имущества, попавшаго въ опись, да десяти паръ воловъ, пятидесяти овецъ, пяти коровъ, шести лошадей да два стожка сѣна. Данило же давалъ слишкомъ мало: всего двѣсти рублей, три пары воловъ, два десятка овечекъ, а на стожки и вовсе не соглашался. Послѣ долгихъ преній, Мармута сбавилъ двѣ сотни и четыре пары воловъ и затѣмъ стоялъ на своемъ; а въ заключеніе, на всѣ убѣжденія Даниловы, сказалъ: „нема чого тутъ балакаты! мабуть, добри люде, йидьмо до дому!“ Добрымъ людямъ надоѣла нескон-

чаемая болтовня, и они поторопились убраться изъ апартаментовъ Данила.

Едва козаки выѣхали со двора, какъ Данило поспѣшилъ воротить ихъ, и мировая была заключена.

По пріѣздѣ Мармуты домой, жена метнулась въ комору—и явился баклажекъ съ горѣлкой. Угощаясь „горилкою", съ пріятелями своими—Рубаномъ, Штепою и Сезоненкомъ, Михайло Семеновичъ изъяснялъ своей женѣ условія мировой:—воливъ шисть паръ визьмемъ, овечокъ десяткивъ зъ пъять, добрыхъ стижкивъ сина зо два, коней заберемо шестеро, та симъ сотень рубливъ, отъ що буде, жинко!

— Колы-жъ воно це все буде?—спросила она. Ей сказали, что все это будетъ завтра же.

Раненько утромъ Мармута со Штепою и Сезоненкомъ отправились за полученіемъ претензіи. Претензія отъ Данила Требинскаго была получена, и въ сотенной канцеляріи актъ о томъ совершенъ.

Наполнивъ свой дворъ Чутовскимъ добромъ, Мармута и его жена начали готовиться къ пріему добрыхъ людей. Готовились цѣлую недѣлю: наварили меду, напекли хлѣба и сластей, закололи „кабанця", не пожалѣли и валашка; хату вымазали и выбѣлили хорошенько, образа убрали новыми рушниками. Гостей напрошено было довольно; въ числѣ первыхъ былъ приглашенъ приходской священникъ о. Игнатій; просить его ходилъ Мармута „съ паляницею" и въ новой одеждѣ.

XXI.

Въ воскресенье, съ ранняго утра, уже начали собираться гости къ Мармутѣ. До прихода священника, они занимались „бесѣдою"—все толковали о томъ, какъ это Мармута умудрился заключить мировую съ такимъ господиномъ, какъ Данило Требинскій. Наконецъ пришелъ о. Игнатій съ домочадцами: женою и дѣтьми; съ нимъ прибыли: дьячекъ съ молодою женою и пономарь тоже съ домочадцами. Первымъ дѣломъ отправили молебенъ; по окончаніи молебна о. Игнатій окропилъ

святою водою вновь пріобрѣтенное имущество. Послѣ того любезные хозяева предложили гостямъ яствіе и питіе: „жаренаго и варенаго“ на столахъ было въ изобиліи; красовались „глечики“ съ медомъ и „пляшки“ съ горилкою, на каковыя дьякъ уже давно запускалъ свои очи. Его вниманіе къ симъ предметамъ было замѣчено нѣкоторыми еще во время молебна, и они, подталкивая другъ друга—шептали: „дывысь, дякъ вже облызуетьця!“

За столы усѣлись по порядку: о. Игнатія посадили „на покути“, направо отъ него усѣлись жена и дѣти; налѣво расположилась остальная духовная братія, а дальше прочіе гости, начиная съ атамана Рубана, помѣстившагося ближе всѣхъ къ священнику. Началось „частуванье“. На о. Игнатія „не налегали“, ибо онъ „горилки“ не уважалъ, а лишь изрѣдка, и то понемногу, пивалъ медъ или наливку. Хозяева такъ усердно и любезно припрашивали, что черезъ какіе нибудь полчаса гости порядкомъ развеселились, а дьякъ уже былъ на второмъ взводѣ; но это ничего не значило,—ибо обыкновенно третій для него наступалъ очень нескоро. Батюшка тоже зарумянился и началъ было заговаривать съ дьячихой, пріятно и нѣжно ей улыбаясь; но дальнѣйшаго ему не позволили: ревнивая и ненавидѣвшая дьячиху матушка сначала исподтишка подергивала мужа за рясу; а когда это не помогло, она снялась изъ-за стола, потянувъ за собою батюшку, который обыкновенно не сопротивлялся ей. Сколько хозяева ни упрашивали, матушка осталась непреклонной и бойко отговаривалась, батюшка же былъ безмолвенъ и только бороду свою поглаживалъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что хозяева уважили доводамъ находчивой попадьи и отпустили ее домой такъ, какъ то полагалось по обычаю: „почастувались на дорожку“. Мармута далъ батюшкѣ три серебряныхъ рубля, а хозяйка надавала матушкѣ кое-чего: три десятка яичекъ, маку, гуску, пару курей, нѣсколько аршинъ холста, клубокъ пряжи и добрую четвертину сала сунула въ мѣшокъ.

По уходѣ батюшки содержаніе рѣчей было пока то же; превозносили гетмана, похваляли Рубана и Мармуту, смѣялись надъ Требинскими. Хозяину такія рѣчи были по душѣ, онъ

увлекся и расхвастался: онъ, дескать, водилъ за чубы канцеляристовъ, смѣнилъ генеральныхъ судей и такого перцу задалъ, что самъ генеральный обозный хватался за голову и извиненія просилъ у него—Мармуты. Сезоненко доказывалъ, что онъ да Штепа помогли Мармутѣ довести дѣло до такого удачнаго окончанія, и въ Глуховѣ они ловко дѣло „оброблювали". Боровко и Москаленко напомнили о своихъ дѣяніяхъ.

— Вси дружно робылы и бралысь за Требинськихъ! А бильшъ усихъ зробывъ гетьманъ, легенько ёму згадаетьця! Це винъ такъ дило прызвивъ, що Требинськимъ дуже круто стало та треба було братысь за мырову!" объявилъ Рубанъ.

Напоминаніе о гетманѣ воспламенило компанію, и сразу нѣсколько голосовъ гаркнуло:

— Добра душа! Це вже винъ добре взявсь за старшину! Це вже винъ буде стояты за нашого брата!

— Буде, буде! бо самъ лыхо зна! воскликнули другіе.

Всѣ встали и чокаясь чарками приговаривали: „на здоровьячко пану гетьману и братови ёго! щобъ видъ ихъ та й намъ добре було!" Только дьякъ и Штепа нѣсколько опоздали съ отвѣтомъ на тостъ. Они вообще не принимали участія во всемъ томъ, что говорилось и дѣлалось возлѣ нихъ: они сидѣли одинъ противъ другого и угощались, причемъ большею частью молчали и смотрѣли другъ на дружку посоловѣлыми глазами; лишь повременамъ глаза ихъ оживлялись, и дьякъ отпускалъ короткія фразы.

— Все сотворено на потребу человѣка!—говорилъ дьякъ, чокаясь со Штепою, и сотворенное посылалось въ утробу.

— Эге! бормоталъ ему Штепа.

Послѣ нѣкоторой паузы, готовясь снова выпить, дьякъ говорилъ: „не то, што въ уста, а што изъ устъ—оскверняетъ человѣка!

— Эге! Будьмо здорови!—говорилъ Штепа, поднося поставецъ къ устамъ.

Но чаще дьякъ повторялъ излюбленную свою фразу: „у нашей хозяйки сердце—камень дорогой, наливай-ка по другой!" Штепа улыбался и говорилъ на этотъ разъ подлиннѣе:—„якъ

есть добра ричъ!.. Послѣ этой рѣчи наливали и выпивали. Дальше счетъ не шелъ, все выпивали по „другой“.

Развеселившіеся гости не замѣтили, какъ наступилъ вечеръ. Нежданно, негаданно появилась „музыка“—бандура и бубенъ; для большаго эффекта артисты ударили сразу при входѣ въ хату. Первый не вытерпѣлъ Сезоненко: онъ молодцовато соскочилъ съ ослона и давай отдѣлывать „козачка“. Дьячиху тоже передернуло, она снялась съ мѣста и передъ Сезоненкомъ начала граціозно ломаться; Сезоненко сначала гусакомъ вертѣлся возлѣ дьячихи, а потомъ пустился вокругъ нея въ присядку, хватаясь руками то за голову, то за бока. Обое пришли въ экстазъ и стали присказывать.

— Ой, бувъ, та й нема! начала дьячиха.

— Та й пойихавъ до млына! отвѣтилъ плясунъ.

— А у млыни на камини... продолжала дьячиха.

— Тамъ вона, тамъ вона! продолжалъ плясунъ, разводя руками поближе къ плахтѣ.

— Не така-бъ я була... запѣвала дьячиха, рисуясь передъ молодцомъ.

— Не такый бы я бувъ!.. гудѣлъ молодецъ.

— Якъ бы маты виддала за такого козака...

— Якъ бы жинка була оттака, оттака...

— Щобъ ты зъ нею робывъ? припѣвала расходившаяся баба.

— У садокъ бы водывъ... зъ нею груши-бъ трусывъ... отвѣчалъ козакъ, отхватывая въ присядку и нѣжно затрогивая руками то плахту, то фартухъ у бабы.

Такой забористый плясъ подзадорилъ многихъ, и они одинъ за другимъ пустились ходить возлѣ дьячихи въ присядку. Уже она утомилась, но продолжала живописно позировать посреди нихъ. И въ то время, какъ вокругъ молодой бабы топтались удальцы-козаки, другіе, менѣе горячіе, отхватывали трепака въ одиночку, любуясь сами собой.

Такая потѣха длилась почти до полуночи. По временамъ наставали антракты: музыка умолкала, танцовавшіе угощали музыкантовъ, сами чокались и выпивали.

Душею развеселой компаніи была дьячиха: „немножко позволяя“, она бойкими рѣчами, развязными и кокетливыми манерами приводила всѣхъ въ восторгъ; даже старые козаки и тѣ воспламенялись, глядя на расходившуюся дьячиху: ерошили свои чубы, покручивали сѣдые усы, и огонекъ свѣтился въ ихъ очахъ поблекшихъ.

— Отто чортова баба! яка жъ вона смашна та жартовлыва! тилько чортъ-зна кому досталася, якому-сь дурневи!—говорили они, указывая на дьяка, который ничего того не замѣчалъ, ибо занятъ былъ питіемъ.

Послѣ третьяго или четвертаго антракта танцовали съ особеннымъ азартомъ: присказамъ не было конца, земля гудѣла; пускаясь въ присядку, выдѣлывали изумительныя и довольно не скоромныя фигуры; дьячиха переходила изъ рукъ въ руки, молодцы поочередно схватывали ее за мясистую талію и круговращали. На это послѣднее обстоятельство указано было дьяку, дабы онъ созерцалъ, какъ увиваются возлѣ дьячихи ребята. Но дьякъ уже мало что видѣлъ и сознавалъ,—онъ былъ на четвертомъ взводѣ; ему мерещилось что-то пляшущее и скачущее, и въ этой сутолокѣ образъ женщины только мелькалъ. Онъ поднялся, посмотрѣлъ-посмотрѣлъ... и торжественно произнесъ: „и се скачущая Иродіада... не упивайтеся виномъ, въ немъ бо есть блудъ“... Послѣ чего усѣлся, обнялъ Штепу и облобызалъ его, проговоривъ: не „упивайтеся виномъ, въ немъ бо есть блудъ!“

— Эге! пробормоталъ Штепа, вытирая усы, и послѣ нѣкотораго молчанія, сказалъ дьяку: „а тымъ часомъ по чарци!“

— По единой точію, оно приличествуетъ..., возгласилъ дьякъ, продолживъ: не то, кажу вамъ, що въ уста...

— Та ну бо вже по чарци, чи що! перебилъ его Штепа, и началось „по чарци“.

Въ концѣ концовъ дьякъ былъ отведенъ домой, въ сопровожденіи своей благовѣрной.

Остальные гости тоже уведены были „жинкàми“ до своихъ хатъ, а пріѣзжіе расположились „пбкотомъ“ въ половникѣ, въ коемъ улегся и самъ хозяинъ.

Послѣ пирушки все пошло у Мармуты обыденнымъ порядкомъ: жена „дбала“ полотно, „хустки“ и плахты, разводила куръ и прочую живность, а мужъ принялся за остальное хозяйство, которое пришло было въ упадокъ отъ судебныхъ расходовъ и частыхъ поѣздокъ то въ Глуховъ, то въ Переяславъ и другія мѣста.

Углубившись въ хозяйство, Мармута и не помышлялъ о такихъ долговременныхъ и далекихъ отлучкахъ, какъ напр.—въ Глуховъ; здѣсь онъ думалъ побывать лишь въ томъ случаѣ, если пріѣдетъ гетманъ, дабы посмотрѣть на него и полюбоваться имъ; но Мармутѣ нашему и раньше того пришлось помѣрять версты до Глухова.

XXII.

Данило Требинскій тоже ошибся въ своихъ ожиданіяхъ насчетъ выручки брата.

Раздѣлавшись съ Мармутой, онъ немедленно же началъ дѣйствовать: послалъ въ генеральный судъ „мировое доношеніе“, велерѣчиво составленное; отправился къ Хорвату, оповѣстилъ его и брата объ успѣшномъ окончаніи дѣла. Иванъ перекрестился, когда узналъ о мировой сдѣлкѣ, и похвалился вернуть добро, улетѣвшее въ руки козака: „какъ Богъ мене освободитъ“, сказалъ онъ брату, „я тое все одберу отъ Мармуты“.

Напрасно Иванъ считалъ дни и часы и все дожидался той вожделѣнной минуты, когда его выпустятъ на свободу.

Войсковой генеральный судъ, получивъ „мировое доношеніе“, не восхотѣлъ „поступиться“ съ учиненнымъ фактомъ—разбоемъ дому козака Мармуты. „Хотя оной Мармута“, говорится въ судебномъ постановленіи, „по претензіи его за загребленные у него имущества зъ братомъ гусара Ив. Требинскаго, Д. Требинскимъ, примирился и въ томъ удовольствованъ, однако безъ поступленія съ помянутымъ Ив. Требинскимъ и служителми его за тотъ учиненный ими разбой дому козака Мармуты въ силѣ высочайшихъ Ея И. В. указовъ и малороссійскихъ правъ оставить не должно“. И потому къ генералъ-лейтенанту

Хорвату посланно было требованіе, дабы онъ немедленно представилъ гусара Ив. Требинскаго въ генеральный судъ для допроса. Но Хорватъ не представлялъ своего вицекапрала, Ивана,—писалъ, что слѣдствіе по важному дѣлу надъ нимъ еще производится.

Наступилъ 1757 годъ. Еще два раза написали Хорвату о присылкѣ Ив. Треб. въ генеральный судъ. Хорватъ на эти оба посланія ничего уже не отвѣчалъ. Тогда генеральный судъ послалъ доношеніе „ясневелможному, високоповелителному господину Малой Россіи, обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ запорожскихъ гетману", графу Разумовскому. Въ доношеніи изъяснялись обстоятельства дѣла о разбоѣ дому козака Мих. Мармуты, что дѣлу этому и до сихъ поръ нельзя учинить надлежащаго рѣшенія: такъ какъ Новой Сербіи командиръ г. Хорватъ, не смотря на многократныя требованія, не присылаетъ Ив. Требинскаго въ судъ генеральный. „Того ради, о вишеписанномъ вашей ясневелможности судъ генералний представляетъ и покорно проситъ о немедлѣнной висилки въ судъ генералний означенного Івана Требинского".

У гетмана Кирилла Григорьевича Разумовскаго дѣла, какъ видно, дѣлались скоро: 11 апрѣля послали гетману упомянутое доношеніе, а 17 апрѣля уже „пущено было писаніе" къ Хорвату, въ коемъ предлагалось немедленно выполнить требованіе генеральнаго суда.

Хорватъ 7 мая „съ должнымъ предпочтеніемъ", получивъ это „писаніе", явился покорнымъ исполнителемъ велѣній знатнаго вельможи—графа Кир. Гр. Разумовскаго. Немедленно же онъ сталъ приготовлять своего гусара къ путешествію въ Глуховъ: послалъ курьера къ генералъ-аншефу Петру Семеновичу Салтыкову, начальнику украинской ландмилиціи, и просилъ его прислать „изъ ландмилицкихъ полковъ" капрала и трехъ человѣкъ рядовыхъ драгунъ. Разумѣется, изъяснено было Салтыкову, по чьему распоряженію и для чего надобна сія ландмилиція. Ландмилиція была прислана. Какъ это, при случаѣ, скоро все дѣлается! Къ 12 мая капралъ и три драгуна уже обрѣтались у

Хорвата, а 13-го гусаринъ Иванъ уже вывезенъ былъ въ путь-дороженьку.

Снаряжая гусарина своего въ далекій путь, Хорватъ вооружилъ его „пашпортомъ", коимъ „повелѣвалось", дабы „подъ отвозъ чрезъ Малую Россію до Глухова" для означенной въ ономъ персоны „взымаемы были обывателскіе подводы".

Потаскали бывшаго пана Людвика по горамъ и доламъ на свиданіе съ козацкими судьями. Онъ везенъ былъ на это свиданіе заклепанный въ ножные и ручные кандалы, и чрезъ каждые 20—30 верстъ пересаживали его съ одной обывательской подводы на другую; а капралъ и драгуны „слѣдовали на государевыхъ драгунскихъ лошадяхъ".

Обыватели, коимъ выпадала „черга" везти „колодника", только хватались за чубы свои, да почесывали затылки, ибо и себя, и лошадокъ приходилось отрывать отъ настоятельныхъ домашнихъ работъ: одному нужно было „полоть" огородъ, другому—лѣсу привезти для начатой хаты, третій собирался на ярмарку, четвертый—ради гусарина оставлялъ хворую жену.

XXIII.

Отправленный Хорватомъ въ Глуховъ, Ив. Требинскій предсталъ, наконецъ, предъ ясныя очи генеральныхъ судей.

Въ судилищѣ онъ велъ себя свободно и весело, говорилъ съ апломбомъ,—не даромъ же и практиковался онъ у Хорвата втеченіе двухъ лѣтъ. Предъявленное обвиненіе во всѣхъ его пунктахъ, съ начала до конца, Иванъ отрицалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. „Будучи добровольно допрашиванъ [1]), къ тѣмъ разбоямъ не винился", на всѣ вопросы судей отвѣчалъ бойко и не запинаясь; всѣ доказательства, выставляемые судомъ, разбивалъ въ пухъ и прахъ. Онъ, напр., говорилъ, что въ ночь съ 17 на 18 нояб. 1754 г. онъ и дома-то не былъ, а ѣздилъ въ Глуховъ; ѣдучи туда, на дорогѣ былъ настигнутъ Мармутою

[1]) Гусарина Ив. Треб., какъ военно[illegible]ый судъ не подвергалъ пыткѣ—не имѣлъ на то права.

и Рубаномъ, которые хотѣли въ смерть его забить, а онъ давай бѣжать,—говорилъ все то, что вытвердилъ у Хорвата.

Судьи только разводили руками, слушая этого оратора; изумлялись, глядя на эту физіономію, которая по временамъ то вспыхивала, выражая ожесточеніе и злобу, то притворялась невиннымъ ягненкомъ, ведомымъ на закланіе. Такая комедія повторялась въ судѣ три раза, и всякій разъ судьи слышали одно и тоже. Тогда на сцену выведены были еще два артиста, Литвиненко и Шкуренко.

Сначала Литвиненко и Шкуренко были допрошены по одиночкѣ; но къ немалому удивленію суда, они запѣли теперь не ту пѣсню: они самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицались отъ прежнихъ своихъ показаній. И вотъ ихъ поставили глазъ на глазъ съ Иваномъ Требинскимъ. Иванъ и глазомъ не моргнулъ, держалъ себя еще веселѣе и развязнѣе: онъ „снизывалъ плечами“, разводилъ ручищами своими и, величественно глядя на судейскій персоналъ, говорилъ, что онъ не знаетъ Литвиненка, въ первый разъ видитъ его; а если Литвиненко оговорилъ его, то лишь по наставленію Рубана и Мармуты.

Литвиненко и Шкуренко и „на очной ставкѣ во всемъ противъ прежде показуемаго *заперлись*. Василь Литвиненко показывалъ: яко бы онъ въ службѣ при Іванѣ Требинскомъ не находился и съ нимъ Требинскимъ да служителями его на разбоѣ реченного Мармути никогда не билъ, а показалъ о томъ на прежнихъ допросахъ—напрасно, съ одного подущенія и устращенія атамана ирклѣевскаго Ѳедора Рубана и козака Мармути“.

Иванъ Шкуренко показалъ: что онъ, слѣдуя въ Кіевъ для покупки сосновыхъ колодъ, отъ Василя Литвина никакихъ словъ не слыхалъ, а показывалъ о томъ, какъ въ сотенной горошинской канцеляріи, такъ и въ судѣ генеральномъ напрасно; да и о бытіи съ Иваномъ Требинскимъ и протчіими на разбои козака Мармути *не винился*. Литвиненка и Шкуренка подвергли пыткѣ; но и изъ-подъ кнута судьи слышали тоже самое запирательство.

Такого рода „допросныя рѣчи“ Требинскаго, Литвиненка и Шкуренка только запутывали дѣло; дабы распутать его, постановили: „сыскавъ атамана Рубана, Мармуту, такожъ и дру-

гихъ, по томужъ дѣлу въ слѣдствію подлежащихъ, допросить", а гусарина Ивана засадили въ Глуховскій острогъ до будущаго свиданія съ означенными лицами.

Пока сыскивали означенныхъ лицъ—наступили для суда „каникулярные дни", которые продолжались два мѣсяца—съ іюля до сентября.

Ив. Требинскій, дабы не сидѣть въ острогѣ во время каникулъ, послалъ гетману „нижайшое доношеніе", въ коемъ изображаетъ положеніе свое неприглядное: „въ оговору мене нижайшого содержачимся въ глуховскомъ острогѣ колодникомъ Василемъ Литвиненкомъ, по писму вашей ясневелможности, присланъ я отъ господина генерала лейтенанта Хорвата въ Глуховъ въ судъ генеральній, гдѣ сегожъ іюня 7 дня я и допрашеванъ, а по допросу безузнанія еще жадной моей вини отданъ въ острогъ между протчіихъ колодниковъ, гдѣ и по нынѣ тѣсняемъ нуждою без всякого далнего следствія нахожусь, винности же моей потому оговору я засобою бить не признаю; а понеже канѣкулярніе дни уже наближаются, въ которіе судебнихъ росправъ не бываетъ, и буди оное дѣло до наступленія канѣкулъ изслѣдовано не будетъ, я безвинно и въ здоровьи крайне разоритись могу: того ради вашей ясневелможности слезно прошу о скорейшомъ по обносному мене дѣлу изслѣдованіи високоповелителнимъ ордеромъ суду генералному предложить и о содержаніи мене въ иномъ местѣ, а не въ остроге, милостивого разсмотренія".

Получивъ сіе „доношеніе", гетманъ написалъ генеральному суду, дабы судъ не дѣлалъ излишнихъ проволочекъ въ дѣлѣ просителя—гусарина Ивана, дабы проситель сей не утѣсняемъ былъ въ острогѣ и, если возможно, былъ переведенъ въ иное какое мѣсто. Генеральный судъ почтительно доложилъ гетману, что обо всемъ томъ гусаръ Ив. Требинскій жалуется понапрасну: въ острогѣ получаетъ онъ достаточную пищу и питіе, содержится особо отъ прочихъ колодниковъ; къ скорѣйшему окончанію дѣла судъ прилагаетъ особое стараніе; но таковое окончаніе не могло воспослѣдовать, какъ по случаю наступившихъ вакаціонныхъ дней, такъ еще болѣе потому, что сами подсудимые стараются затянуть оное дѣло: гусаръ Ив. Требин-

скій совершенно отрицается отъ разбоя дому козака Мармуты, Литвиненко и Шкуренко тоже „заперлись во всемъ противу прежнихъ своихъ показаній“; каковымъ упорствомъ и противорѣчивыми показаніями наводятъ „*сумнительство*“ и вынуждаютъ судъ прибѣгнуть къ многосложному разслѣдованію—вызову болѣе чѣмъ тридцати свидѣтелей.

Вслѣдствіе такого отвѣта, гетманъ оставилъ просьбу Ивана безъ послѣдствій, и Ив. Требинскій и въ теченіе вакаціонныхъ дней вынужденъ былъ глотать острожный воздухъ; да потомъ уже, въ сентябрѣ, былъ переведенъ на гауптвахту.

Тѣмъ не менѣе, гусаринъ Иванъ употребилъ эти вакаціи, можно сказать, съ пользою для себя,—коли прямымъ путемъ не удалось высвободиться, такъ онъ пустился на хитрости и устроялъ суду препорядочную каверзу: подготовлялъ побѣгъ колодниковъ Литвиненка и Шкуренка. Въ первые же дни послѣ вакацій, когда судъ намѣревался приступить къ слушанію допросныхъ рѣчей, Шкуренко и Литвиненко „ночью противъ 5 сентября обще съ караульнымъ солдатомъ безвѣстно бѣжали“, о чемъ репортомъ доложилъ „говбвахтный оберъ-офицеръ“.

Въ то самое время, генеральному суду прислано было довольно важное донесеніе изъ полковой переяславской канцеляріи, что „сотнѣ ирклѣевской козаки Миронъ Болобанъ и Ѳедоръ Сушко, бывшіе въ командѣ въ заднѣпрскихъ мѣстахъ въ крѣпости св. Елисавети, въ сотенной ирклѣевской канцеляріи сказками показали, что съ обявленныхъ служителей гусара Ивана Требинскаго Тишко Каврайскій нынѣ находится въ Новой Сербіи въ услуженіи при порутчику Григорію Булацелю за прикажчика, котораго они, козаки, самоперсонально при урочищи рѣчки прозиваемой Виски видѣли“.

Съ полученіемъ такой вѣсти, генеральный судъ послалъ „покорное доношеніе“ ясневельможному графу Разумовскому, „чтобы о высылкѣ въ судъ генералній Тишка Каврайского подъ крѣпкимъ карауломъ писано было до командующого Новой Сербіи генерала“.

Одновременно съ этимъ посланіемъ и Иванъ „учинилъ писулю до гетмана: онъ, нижайшій, проситъ освободить его изъ-

подъ караула и жалуется, что его невиннаго и достаточно очистившагося содержуютъ до сихъ поръ подъ карауломъ съ крайнимъ утѣсненіемъ и поношеніемъ чести его и въ пропитаніи онъ терпитъ немалую нужду.

Гетманъ, зная, что слѣдствіе пріостановлено за отсутствіемъ надобныхъ къ тому лицъ, повелѣлъ: „Ив. Требинскаго отправить къ Хорвату, а буде Ив. Треб. понадобится, то тогда истребовать его отъ Ново-Сербскаго командира“.

Такое повелѣніе получено было въ ту пору, когда суду вѣдомы стали новыя, довольно темныя дѣла Ивана. Они выплыли наружу благодаря стараніямъ нѣкоего Гаврила Ѳирсова—сержанта владимірскаго пѣхотнаго полка. Онъ временно завѣдывалъ гауптвахтой, въ которой содержался Ив. Требинскій, и 23 октября подалъ въ судъ генеральный доношеніе. Въ доношеніи Ѳирсовъ показалъ, что нѣкоторый человѣкъ приходилъ на гауптвахту „къ содержачомусь тамо подъ карауломъ Ивану Требинскому“, звалъ себе „дядины его служителемъ“ и объявилъ ему, Требинскому, будто бѣжавшій колодникъ Литвиненко въ Ирклѣевѣ пойманъ и отведенъ въ полковую переясловскую канцелярію, гдѣ и по сію пору содержится; „тотъ же побѣгъ“, добавилъ Ѳирсовъ, „уповательно оние колодники возимѣли чрезъ служителя его, Требинскаго—Игната, которій въ тогдашнее время невѣдомо куда и дѣвался“. 24 октября тотъ же Ѳирсовъ „доношеніемъ представилъ“ суду болѣе интересныя подробности, именно: Иванъ Требинскій Василя Литвиненка и Ивана Шкуренка, бывшихъ съ нимъ купно на разбои, чрезъ человѣка своего Игната подговорилъ, дабы его во всемъ зговорили и съ онымъ его человѣкомъ побегъ учинили, чтобъ ему получить освобожденіе; да и Иванъ Требинскій по злодѣйственному своему умыслу, имѣя надежду освободиться сподъ караула, говорилъ сіи слова: когда мене мати Божая освободитъ, тоде я въ судіи генералного Оболонского въ Горошинѣ хотя и середъ дня въ гостѣ буду, дарма что у него имѣются компанѣйцѣ, я ихъ не боюсь; на мене ирклѣевскихъ козаковъ собралось было зо сто, да пуль ихъ не боялся, и знатиму за его господина судіи гоненіе и злобу якъ ему одомстить, яко де домъ мой по

близости его, господина судіи генеральнаго, въ полкужъ Лубенскомъ находится".

Донесеніе Θирсова представлено ясневельможному гетману „съ прошеніемъ высокой резолюцѣи", а Ив. Требинскаго выряди ли къ Хорвату. Хотя гусаринъ слѣдовалъ къ своему командиру при удвоенномъ конвоѣ, но это нисколько не смущало его,— напротивъ, онъ торжествовалъ: онъ смѣялся надъ генеральнымъ судомъ и учиненнымъ судебнымъ слѣдствіемъ, также какъ „пащековалъ", сидя на гауптвахтѣ.

XXIV.

Хорватъ получилъ своего буйнаго вице-капрала Требинскаго въ концѣ ноября и засадилъ его подъ стражу въ тѣхъ самыхъ „ланцюгахъ". О благополучномъ прибытіи сего господина Хорватъ увѣдомилъ Разумовскаго и генеральную войсковую канцелярію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Новосербскій командиръ приблиз. поставлялъ генеральному суду во извѣстіе", что по описаннымъ примѣтамъ, Тишка Каврайскаго у г. Булацеля никогда не было и нынѣ не имѣется. Хорватъ писалъ неправду: розысканій въ хуторѣ Булацеля онъ не чинилъ; а Тишко Каврайскій тамъ обрѣтался.

Литвиненко и Шкуренко, ушедшіе изъ Глуховскаго острога, исчезли безслѣдно; прочія личности, показанныя Литвиненкомъ, тоже не отыскивались. У генеральнаго суда не оказывалось матеріи для дальнѣйшаго слѣдствія. Къ тому же Мармута и Рубанъ съ товарищи долго не появлялись въ генеральный судъ. Они явились сюда лишь въ апрѣлѣ 1758 г.; къ этому времени сюда привезенъ былъ герой дѣла—Ив. Требинскій.

По прибытіи сего героя генеральный судъ приступилъ къ производству слѣдствія—къ слушанію *„допросныхъ рѣчей"*. Первую допросную рѣчь держалъ Михайло Мармута. Онъ, получившій „претензію" и заключившій „мировую" съ братомъ Ивана, давалъ такія показанія, на основаніи которыхъ Ив. Требинскій могъ выпутаться изъ бѣды. Мармута предъ судьями повторилъ лишь то, что онъ писалъ въ своихъ доношеніяхъ;

на вопросъ же суда, чинилъ ли Ив. Требинскій разбой въ его домѣ, доказательствъ и уликъ не представилъ; онъ говорилъ, что въ домѣ его „*поралисъ*“—вязали его и прочихъ и выбирали имущество трое человѣкъ, лицъ коихъ онъ не могъ замѣтить „спросонку“ и будучи въ испугѣ.

Рубанъ, Штепа, Сезоненко и прочіе, бывшіе въ командѣ Рубана, говорили только то, что относилось до вооруженнаго сопротивленія: о пальбѣ и немалыхъ бояхъ, имъ причиненныхъ Иваномъ Требинскимъ, о его ночномъ нападеніи на нихъ въ Чутовкѣ. Затѣмъ послѣдовали рѣчи изъ устъ Ив. Требинскаго. Онъ ораторствовалъ теперь еще лучше прежняго. Онъ отрицался отъ участія въ разбоѣ дому Мартуты, а касательно вооруженнаго сопротивленія козачьимъ властямъ говорилъ то же самое, что вытвердилъ на практикѣ у Хорвата.

На основаніи этого судебнаго разбирательства генеральный судъ нашелъ возможнымъ поставить только такое рѣшеніе: гусаръ Новой Сербіи Иванъ Требинскій виновенъ въ вооруженномъ сопротивленіи козачьимъ командамъ и въ вооруженномъ нападеніи на козачью команду въ Чутовкѣ; за каковыя вины подлежателенъ онъ, Иванъ Требинскій, наказанію, опредѣленному въ воинскомъ уставѣ.

На другой день, по окончаніи судебнаго процесса, Ив. Требинскій былъ отправленъ къ Хорвату. Хорватъ нашелъ неважнымъ и не заслуживающимъ вниманія то, что человѣкъ его команды сопротивлялся козачьимъ властямъ, а если онъ нападалъ на козачью команду, то, молъ, потому, что на него нападали. За дезертирство же и двойное сопротивленіе гусарскимъ командамъ разжаловалъ въ рядовые и рѣшилъ продержать „въ желѣзахъ“ еще два года.

Вотъ разжалованный гусаринъ Иванъ отсиживалъ подъ арестомъ послѣдній годъ, отсиживалъ съ радужными надеждами на будущее. Онъ радовался тому, что, вопреки желаніямъ Оболонскаго и козаковъ,—будетъ гулять на свободѣ; онъ мечталъ, что вотъ снова обзаведется пригожими молодками и отомститъ всѣмъ своимъ врагамъ. Мысль о мести особенно занимала Ивана:

на эту тему онъ, можно сказать, строилъ воздушные замки, на разные лады развивалъ планы будущаго отмщенія.

Выпущенный, наконецъ, на свободу, онъ безъ оглядки пустился въ Плеховъ.

Когда онъ пріѣхалъ въ Чутовку и намѣревался мстить врагамъ своимъ—Мармутѣ, Рубану и прочимъ, то братъ Данило не посовѣтовалъ ему дѣлать этого, а посовѣтовалъ заняться хозяйствомъ и устроеніемъ своего разореннаго хуторка. Иванъ, наученный все-же горькимъ опытомъ, послушался добраго совѣта. Вотъ онъ и кликнулъ кличъ „на людей“ двоякимъ способомъ: служителя своего послалъ зазывать людей на пустые грунты, обѣщая имъ заманчивыя льготы; на всѣхъ пунктахъ своей земли поставилъ большіе деревянные кресты, на коихъ были написаны тѣ льготы и имѣлись шесть проверченныхъ дырочекъ. Сіи дырочки неграмотнымъ давали знать, что льготы обѣщаются на шесть лѣтъ. Въ теченіе шести лѣтъ каждый, поселившійся у Ивана Требинскаго, будетъ пользоваться тремя десятинами пахатной земли, одною десятиной сѣнокосной, очеретомъ и лѣсомъ на хозяйственныя надобности; а отбывать господскія работы по 18 дней въ теченіе каждаго года.

Тѣмъ не менѣе, и на такія льготы нашлось охотниковъ совсѣмъ мало: прошелъ мѣсяцъ, а пришло на новоселье всего пять семействъ, да глашатай привелъ троихъ; притомъ, скоро и это количество умалилось: три мужика, усмотрѣвъ, что панъ уже успѣлъ завести съ ихъ женами амуры, въ одну прекрасную ночь снялись съ мѣста, оставили хаты „впустѣ“ и исчезли невѣдомо куда.

Ив. Требинскій, не смотря на это, все еще не терялъ надежды на новыхъ „приходьковъ“, со дня на день ждалъ, что вотъ люди явятся къ нему на жительство; но люди не являлись. Они не являлись по двумъ причинамъ: недобрая молва ходила въ гетманщинѣ о Требинскихъ—Данилѣ, Иванѣ и Николаѣ; въ Каневцахъ, Оржицѣ, Горошинѣ и другихъ мѣстахъ, близкихъ къ Плехову и Чутовкѣ, произошло особаго рода движеніе, когда пронеслась вѣсть, что гусаринъ Ив. Требинскій появился и живетъ въ своей слободкѣ. Многихъ объялъ ужасъ: ибо вблизи

ихъ снова находился тотъ гусаринъ, котораго и „куля не бере“. Жители упомянутыхъ селъ собирались кучками и трактовали о томъ, какъ бы общими силами защититься отъ имѣющихъ быть нападеній на ихъ поля, табуны, скотъ и прочее имущество; жители однихъ селъ ѣздили въ другія для совѣщаній о томъ же; разъѣздныя козачьи команды были умножены и стали дѣйствовать неусыпно, не только ночью, но и днемъ. Гусаринъ Иванъ очутился въ какомъ то осадномъ положеніи, что его коробило и злило; къ тому-же и люди на жительство къ нему не шли. Тогда въ головѣ его блеснула оригинальная мысль—отправиться въ Кіевъ и тамъ навербовать бездомныхъ сиромахъ, они будутъ ему нести двойную службу: будутъ исполнять всякія хозяйственныя работы и всякій разъ, когда это надобно будетъ, преобразятся въ отважныхъ воиновъ. Кромѣ того, въ Кіевѣ можно будетъ подъискать подходящую красавицу. Осѣненный такими восхитительными мыслями, Ив. Требинскій помчался на всѣхъ парусахъ въ Кіевъ.

XXV.

Въ Кіевѣ дѣла гусарина Ивана пошли довольно успѣшно: въ теченіе какихъ-нибудь трехъ недѣль онъ навербовалъ три десятка добрыхъ молодцевъ и пріискалъ пригожую молодушку. На слѣдъ этой новой пташки онъ не сразу набрелъ. Сначала ходилъ по знакомымъ домамъ и посредствомъ знакомыхъ втирался въ семейства, гдѣ не знали, что это за молодецъ; но такимъ манеромъ гусаринъ не раздобылъ женщины: однѣ ему отказывали, другія ему не нравились. Тогда онъ прибѣгнулъ къ экскурсіямъ по базарамъ и разнымъ кіевскимъ закоулкамъ; но и такъ не повезло,—пригожихъ и удобныхъ для похищенія бабъ не оказывалось; главная задача состояла въ томъ, чтобы подцѣпить хорошенькую и молоденькую—едва созрѣвшую розу, а такія розы не попадались на глаза.

Иванъ сообразилъ, что въ Кіевѣ есть женскіе монастыри, а въ тѣхъ монастыряхъ нерѣдко подъ черными мантіями таятся жгучія очи и тлѣютъ пылкія страсти. Съ нѣкоторымъ трепе-

таніемъ вступаетъ онъ въ церковь Флоровской женской обители. Стройное пѣніе раздается, нѣжными звонкими голосками молитвы произносятся,—гусаринъ почувствовалъ въ себѣ нѣкій бальзамъ; но когда онъ окинулъ однимъ взглядомъ молящихся,—чуть не запрыгалъ отъ удовольствія; все женскія личики, больше молодыя и хорошенькія, взгляды томные и нѣжные. Онъ сталъ разсматривать эти личики и растерялся, не зналъ какое избрать для своихъ амуровъ,—одно лучше другого; онъ разомъ всю женскую кучу захватилъ бы, еслибъ это можно было.

И на другой день онъ отправился въ туже обитель; теперь осматривалъ монашекъ съ бо́льшимъ спокойствіемъ и на одну изъ нихъ обратилъ особенное вниманіе. Ея черныя, полныя огня очи, розовый румянецъ на щекахъ, ея статный, крупныхъ размѣровъ бюстъ,—произвели такое сильное впечатлѣніе на соглядатая, что онъ началъ дрожать, какъ въ лихорадкѣ; но превозмогъ себя, успокоился и сталъ пристально глядѣть на нее; черница, наконецъ, оглянулась и бросила на незнакомца удивленный взглядъ; незнакомецъ продолжалъ упорно смотрѣть на нее; черница бросила на него вторичный взглядъ, нѣсколько кокетливый, гусаринъ воспользовался моментомъ, послалъ ей воздушный поцѣлуй; лицо красавицы зардѣлось, какъ маковый цвѣтъ, и она потомъ долго не оборачивалась въ его сторону; наконецъ, глянула на него—и полонъ нѣги былъ взглядъ ея. У гусарина помутилось въ головѣ, когда онъ уловилъ этотъ взглядъ. Тѣмъ не менѣе, и на этотъ разъ гусаринъ пришелъ домой неудовлетворенный собою, своимъ поведеніемъ; ему представлялось невозможнымъ овладѣть предметомъ своей внезапной любви. Долго думая объ этомъ, онъ нашелъ необходимымъ употребить въ дѣло своего вѣрнаго служителя—сербина Савву. Прежде всего господинъ повелъ Савву въ церковь и познакомилъ его съ физіономіей своей возлюбленной. Затѣмъ Савва принялъ образъ и подобіе нищаго и сталъ протягивать руку при входѣ въ монастырскую церковь. Чрезъ нѣсколько дней нищему и удалось выполнить порученіе: онъ воспользовался моментомъ, когда желанная черница выходила изъ церкви одна, и сунулъ ей въ руку записку. Въ запискѣ писалось, что панъ

Ив. Требинскій, владѣлецъ слободки Чутовки въ Горошинской сотнѣ Лубенскаго малороссійскаго полка, увидѣлъ черницу въ церкви и почувствовалъ къ ней такую любовь великую, что не можетъ ни спать, ни ѣсть, и желаетъ „сдѣлать ее своей законной женой“; если она „того хочетъ“, такъ пусть назначитъ время и мѣсто для того, чтобы можно было повидаться и переговорить“.

Такая писулька пришлась по сердцу молодой черницѣ. Это была круглая сирота, не знавшая отца и матери. Дочь козака, имѣвшаго жительство въ Черниговскомъ малороссійскомъ полку, она до восьми лѣтъ жила у своей тетки, старушки, которая отдала ее, свою племянницу, на воспитаніе въ монастырь. До шестнадцати лѣтъ ей хорошо и спокойно жилось въ стѣнахъ монастырскихъ, ее часто навѣщала тетушка, и дни этихъ свиданій были для нея такими радостными и праздничными. Но вотъ на шестнадцатомъ году случилась бѣда, измѣнившая внутреннюю жизнь дѣвушки. Богомольцы принесли ей изъ родины вѣсть, что тетушки уже нѣтъ на свѣтѣ, она покоится въ сырой землѣ. Сильно затосковала сиротка, лишившись единственнаго существа, къ которому она питала безграничную любовь; нѣкоторое утѣшеніе она нашла лишь въ томъ, что вотъ пойдетъ на родину и тамъ ороситъ могилу горючими слезами; но сиротинушкѣ не позволили и шагу сдѣлать за монастырскія стѣны, и она впервые возненавидѣла эти стѣны, почувствовала, что она, живой человѣкъ, находится какъ бы подъ гробовой крышкой.

Тоска по теткѣ и ненависть къ монастырской жизни были настолько велики, что черница нѣкоторое время проболѣла. Оправившись отъ болѣзни, она все таки грустила и грустила; ненависть къ монастырскимъ порядкамъ и занятіямъ въ ней возрастала, роль послушницы съ каждымъ днемъ становилась ей невыносимѣе и непригляднѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ невѣдомый міръ, что за монастырской оградой, казался ей такимъ загадочнымъ и заманчивымъ. О, какъ бы ей хотѣлось очутиться среди этого міра, раздѣлить его радость и горе! Навѣрное, въ томъ мірѣ она не испытывала бы той душевной тяготы, какую испытываетъ здѣсь, въ мрачной кельѣ; она тамъ была бы

свободной пташкой, нашла бы себѣ занятіе по желанію и нашла бы друга сердечнаго, который своею любовью замѣнилъ бы ей то, что утратила она со смертью тетки. Эта потребность любить и быть любимой становилась для тоскующей дѣвушки все неотразимѣе. Съ полученіемъ извѣстнаго письма въ ея кипучей дѣвственной натурѣ забушевали страсти. За чтеніе этого письма черница нѣсколько разъ принималась, все какъ бы не довѣряя своимъ очамъ. Она радовалась, что является возможность жить внѣ монастыря и быть любимой; но ее начала пугать мысль о томъ, что она оставляетъ монастырь и отдается, довѣряется невѣдомому человѣку; вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ человѣкъ понравился ей, она уже мечтала о немъ и въ этихъ мечтаніяхъ провела нѣсколько безпокойныхъ ночей. Страстное влеченіе къ этому человѣку, чувство радости и ощущеніе страха такъ смѣшались и перепутались, что Наташа (такъ звали героиню нашего разсказа) никакъ не могла рѣшить, которому изъ нихъ послѣдовать. Крайне взволнованная, она падаетъ на кровать и начинаетъ рыдать. Нарыдавшись, Наташа схватывается съ кровати, падаетъ на колѣни и молится. Долго она молилась, все прося Божію Матерь, дабы въ мірѣ ей ниспослано было счастье, и она, сиротка, не была бы обижена. Успокоенная молитвой, она начала мечтать о той новой жизни, о которой она сама же задумала уже давнымъ давно и выходъ въ которую теперь судьба устраиваетъ ей. Со сладкими мечтаніями она уснула.

На другой день, вечеромъ, во время богослуженія, въ одномъ изъ монастырскихъ закоулковъ Наташа очутилась въ объятіяхъ Ив. Требинскаго и получила отъ него первый поцѣлуй. Эти объятія и этотъ поцѣлуй произвели въ юной черницѣ такое сладостное ощущеніе, какого она еще не испытывала дотолѣ.

Въ ту же ночь Ив. Требинскій увезъ Наташу изъ города и благополучно прибылъ съ нею домой. Черезъ три дня Ив. Требинскій обвѣнчался съ Наташею сколько изъ любви къ ней, столько изъ-за боязни, чтобы она не улизнула отъ него обратно въ монастырь, ибо бракосочетаніе она поставила непремѣннымъ условіемъ сожительства. Такимъ то способомъ, сверхъ всякаго

чаянія, Ив. Требинскій сдѣлался женатымъ человѣкомъ,—обзавелся законною женою. Теперь жизнь его пошла иначе: воинственныя намѣренія были отложены на задній планъ и главное вниманіе обращено на женку и мирныя занятія.

Мирнымъ занятіямъ гусаринъ Иванъ предался съ особой энергіей, примѣтивъ, что дѣлаетъ братецъ Данило. А Данило вотъ-вотъ недавно поработалъ такъ, что шестерыхъ Оржицкихъ козаковъ обездолилъ и, что называется, въ трубу пустилъ: одни должны были за безцѣнокъ продать ему грунты свои и стать его подсусѣдками, другіе за долги должны были лишиться грунтовъ и пошли себѣ на всѣ четыре стороны.

Къ такой же работѣ неудержимо устремился и Иванъ, особенно съ той поры, когда ему удалось пріобрѣсти два сосѣднихъ небольшихъ козачьихъ хуторка,—онъ купилъ ихъ за весьма ничтожную цѣну, каковую козаки получивъ, поплелись съ сумою за плечами Богъ вѣсть куда. Сихъ козаковъ гусаринъ Иванъ обездолилъ двумя способами: одному чинилъ разные прижимки, запахивалъ межи и захватывалъ худобу, якобы за потравы; другому далъ на продажу двѣ куфы горячаго вина; продать всей водки не удалось, а уплатить за нее всѣ деньги пришлось; и такъ путался козакъ Добровеличко въ долгахъ до тѣхъ поръ, пока не пришлось отдать Требинскому часть грунта; а какъ забрался сюда Иванъ, то довелъ козака до того, что онъ перекрестился и уступилъ сербину остальную часть своей прадѣдовской земли.

Такого рода мирными занятіями Ив. Требинскій тѣмъ болѣе увлекся, что его законная жена оказалась умѣлой и неусыпной хозяюшкой. Не прошло и двухъ лѣтъ со времени бракосочетанія, какъ Иванъ имѣлъ удовольствіе созерцать въ своей усадьбѣ массу живности всякой и овощей. Сундуки у Ивана наполнились „сувоями самодѣлковаго холста“, а въ коморахъ лежали большіе свертки домашняго сукна, которое выдѣлывалось на собственной сукновальнѣ, устроенной въ мельницѣ по иниціативѣ жены; въ домѣ гусарина Ивана появились кружевницы, коверницы и золотошвеи, на коихъ гусаринъ искоса запускалъ свои огненные глаза и лучшихъ изъ нихъ,

въ удобные моменты, лавливалъ. Сіи продѣлки скоро замѣтила молодая жонка и попробовала было положить имъ конецъ разъ и навсегда; но это молодой женщинѣ не удалось: едва только она произнесла словечко, какъ муженекъ вызвѣрился и такъ взглядомъ пронизалъ жонку, что въ очахъ у нея помутилось и едва она не лишилась сознанія; но скоро пришла въ себя, расплакалась и дала обѣщаніе, что никогда ни единаго противнаго слова не вымолвитъ ему; къ счастью своему, она была не ревнивая и чрезвычайно мягкой души женщина.

Живя съ такою женщиной смирною, послушною и домовитою, Иванъ чувствовалъ себя на верху блаженства и вмѣстѣ съ нею „дбалъ добро". Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ постарался окружить себя воинственной челядью, такою, каковая всегда водилась у братца Данила: то были молодцы, не имѣющіе за плечами ни семьи, ни хаты; для каждаго изъ нихъ у гусарина имѣлся боевой нарядъ: лошадь, списъ, ружье, плеть, пистолетъ и сабля. Въ такомъ нарядѣ онъ выпускалъ команду на свои поля для береженія ихъ, съ командой въ такомъ нарядѣ онъ выѣзжалъ поохотиться на звѣря лѣсного; въ сопровожденіи ея совершалъ путешествія въ Плеховъ и къ родичамъ въ Ирклѣевъ. Въ такихъ экскурсіяхъ гусаринъ Иванъ, что называется, отводилъ свою душу: ибо у него была врожденная страсть къ боевымъ приключеніямъ; только теперь онъ обнаруживалъ ее такимъ, можно сказать, невиннымъ способомъ, ибо по-прежнему обнаруживать ее нельзя было: козачьи команды зорко слѣдили за Ив. Требинскимъ и держали его въ томъ же осадномъ положеніи; такъ что нанести вредъ Мармутѣ, Рубану, Боровку, генеральному бунчучному Оболонскому и прочимъ не представлялось никакой возможности. Слѣдить же зорко, такъ сказать, выуживать удобный случай для нападенія на упомянутыхъ лицъ—было весьма затрудительно; ибо, какъ мы знаемъ, гусаринъ Иванъ рьяно занялся двумя предметами—молодою домовитою женой и хозяйствомъ. Наконецъ, прежнія воинственныя продерзости нужно было оставить и для того, чтобы по истеченіи нѣкотораго времени имѣть возможность снова зачислиться на службу,—совѣстно же и обидно и для потомства вредно

остаться рядовымъ навсегда. А въ лицѣ сынка таковое потомство уже появилось на свѣтъ божій, и жонка тѣмъ настойчивѣе начала приставать къ муженьку о необходимости для него служебной карьеры.

Муженекъ зачислился въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ, въ коемъ со временемъ и дослужился до чина подполковника. Сдѣлавшись подполковникомъ, Ив. Требинскій еще въ большей степени предался любостяжанію: людей, проживших на его грунтахъ болѣе шести лѣтъ, началъ мало-по-малу утѣснять оброками и господскими работами; многіе не выдерживали „работизны“ и ударялись въ бѣгство; на мѣсто сбѣжавшихъ являлись новыя рабочія силы; видно, голытьбы въ то время много было въ Малороссіи, изобилующей водою, лѣсами, тучной почвой и прочими благами земными. Большая же часть людей съ адскимъ терпѣніемъ выносила иго — тажесть „работизны“,— жаль вѣдь было бросить на произволъ судьбы имущество, нажитое въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и неудобно съ малыми дѣтьми лишиться крова да идти Богъ вѣсть куда; убѣгать же съ нажитымъ имуществомъ невозможно было: для устраненія такихъ побѣговъ у господина подполковника имѣлась воинственная челядь.

Тяжелую руку Требинскаго Ивана чувствовали на себѣ и сосѣдніе козаки—обладатели хуторковъ. У одного изъ нихъ, Панаса Великохатька, онъ насильно отхватилъ кусокъ земли, объявилъ, якобы сей кусокъ показанъ на планѣ, учиненномъ при отводѣ земли родному дядѣ, Славую Требинскому. Возникла судебная тяжба, которая тянулась пять лѣтъ и окончилась тѣмъ, что межевая коммиссія, назначенная судомъ, будучи подкуплена Ив. Требинскимъ, утвердила за нимъ желанную землицу. Такимъ же манеромъ онъ отнялъ двѣ землицы еще у двухъ козаковъ—Гаврила Рудого и Василя Доброштана.

Братецъ Данило точно такъ же продолжалъ раскидывать свои сѣти въ Оржицѣ. Онъ изъ года въ годъ продолжалъ „скуплять“ козачьи грунты и довелъ сію куплю до такихъ размѣровъ, что Оржицкіе козаки увидѣли себя окруженными земельнымъ кольцомъ; „выбираться“ изъ этого кольца, хотя бы

украдкой, нельзя было: ибо оно было тщательно оберегаемо воинственной челядью господина бунчуковаго; и дабы не летать по воздуху за предѣлы этого кольца, а имѣть изъ него естественные и удобные выѣзды—вынуждены были козаки уступить Данилу Требинскому „въ его и дѣтей его вѣчное потомственное владѣніе балку съ лѣсомъ и ставомъ". Теперь Данило началъ мирно жить съ Оржицкими козаками, число коихъ онъ значительно поуменьшилъ и продолжалъ уменьшать.

Результатомъ таковой дѣятельности было то, что Требинскіе, Иванъ и Данило, значительно расширили предѣлы мѣстностей, оставшихся имъ отъ дядей Славуя и Алексѣя, обзавелись большимъ количествомъ „подданныхъ" и зажили настоящими панами, что называется—на всю губу.

Вотъ что творили Сербы въ гетманщинѣ: что хотѣли, то и дѣлали. Законнымъ козачьимъ командамъ противопоставляли свои домашнія команды; занимались вооруженными наѣздами на козачье добро. А когда нельзя стало долѣ предаваться этому ремеслу, занялись иного рода завоеваніями: стали практиковать такой разбой, на помощь которому являлась тогдашняя Малороссійская волокита, т. е. производили разбой легальнымъ способомъ; и этотъ способъ далъ такіе результаты, что въ Горошинской сотнѣ Лубенскаго полка значительное число козаковъ исчезло, и это исчезновеніе совершилось довольно скоро—въ два десятка лѣтъ.

А. Полицкій.

Смерть, погребеніе и загробная жизнь по понятіямъ и вѣрованію народа [1]).

I.

Почти съ каждымъ изъ такихъ важныхъ моментовъ въ человѣческомъ бытіи, какъ появленіе человѣка на свѣтъ или рожденіе, затѣмъ крещеніе, замужество или женитьба, и, наконецъ, послѣдній актъ въ человѣческомъ существованіи, его тѣлесная смерть,—въ понятіи и вѣрованіи народа связано много повѣрій, суевѣрій, обрядовъ и обычаевъ. Чѣмъ важнѣе событіе въ человѣческомъ бытіи, напр. рожденіе человѣка или смерть его,—тѣмъ болѣе оно имѣетъ народныхъ повѣрій, обрядовъ и обычаевъ. Но всѣ обряды и обычаи, касающіеся такого важнаго со-

[1]) Нѣкоторые матеріалы для изученія малорусскихъ похоронныхъ обрядовъ и представленій, связанныхъ со смертію, появлялись уже на страницахъ „Кіевской Старины“; таковы статьи: 1) Брайловскаго. Малорусская похоронная причеть и миѳическое ея значеніе. 1885, № 9, 73—84, 2) Васильева. Къ малорусскимъ похоронным обрядамъ, 1889, № 5—6, 635—637, и Малорусскіе похоронные обряды и повѣрья, 1890, № 8, 317—322, и 3) Ящуржинскаго. Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившихся въ малорусскомъ погребеніи, 1890, № 1, 130—132. Большой запасъ матеріала напечатанъ въ Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край. Т. IV, стр. 697—713. Основнымъ изслѣдованіемъ въ этой области, какъ по методу, такъ и по выводамъ, до сихъ поръ остается вышедшая въ 1868-мъ году диссертація А. А. Котляревскаго „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“. Важно было-бы сравнительное изученіе народныхъ похоронныхъ обычаевъ и тѣхъ археологическихъ данныхъ, которыя добыты въ новѣйшее время при раскопкахъ могилъ въ славянскихъ земляхъ (напр. раскопки В. Б. Антоновича въ странѣ Древлянъ, Радимичей и др.).—*Ред.*

бытія въ человѣческой жизни, какъ его рожденіе и крещеніе, уже собраны и записаны Х. П. Ящуржинскимъ, („Повѣрья и обрядности родинъ и крестинъ", отд. от. изъ „Кіев. Стар."); другое важное событіе въ человѣческой жизни,—женитьба или замужество,—однимъ словомъ,—свадьба,—этнографами-собирателями уже многое-множество разъ описаны, записаны, собраны и систематизированы; всѣмъ свадебнымъ обрядамъ очень много есть сборниковъ; не мало также есть и научно-разработанныхъ трудовъ, статей и сочиненій, касающихся втораго важнаго акта въ человѣческомъ бытіи — женитьбы или свадьбы у простаго народа (какъ напр.: „Религіозно-миѳическое значеніе малорусской свадьбы" Н. Ѳ. Сумцова).

Собранныхъ же въ извѣстной мѣстности, такъ сказать, во едино сгруппированныхъ и записанныхъ всѣхъ повѣрій, обычаевъ и обрядовъ, относящихся къ послѣднему акту въ бытіи человѣка—его тѣлесной смерти,—мнѣ не приходилось встрѣчать; между тѣмъ съ этимъ событіемъ связано очень много повѣрій, обрядовъ и обычаевъ, но самое главное то, что всѣ эти обряды и обычаи имѣютъ чисто-языческій характеръ, какъ остатокъ древняго язычества.

Настоящей моей замѣткой я имѣю цѣлью сгруппировать, собранныя прямо изъ народныхъ устъ, всѣ повѣрья, обряды и обычаи, относящіеся къ смерти человѣка и его погребенію, записанные мною въ староконстантиновскомъ и заславскомъ уѣздахъ волынской губ.

Безъ всякой и малѣйшей претензіи на научное значеніе моей статьи (такъ какъ для этого у меня нѣтъ ни времени, ни—самое главное—силъ)—я лишь, какъ этнографъ-любитель и собиратель, по мѣрѣ своихъ слабыхъ силъ и умѣнья хочу пополнить одинъ пробѣлъ въ малорусской этнографіи и собрать все,—насколько это возможно, относящееся къ смерти человѣка и его погребенію, собрать сырой матеріалъ, чтобы дать такимъ образомъ возможность этнографамъ-ученымъ этотъ матеріалъ, или правильнѣе вопросъ, разработать научно.

II.

Сновидѣнія, предвѣщающія смерть.

Прежде, чѣмъ говорить о смерти человѣка, я хочу сказать нѣсколько словъ о сновидѣніяхъ, предвѣщающихъ смерть, предзнаменованіяхъ и предчувствіи смерти, такъ какъ, по вѣрованію нашего народа, смерть почти каждаго человѣка—предупреждается или сновидѣніями тому лицу, или ближнимъ его, или предзнаменованіями, или предчувствіемъ близкой смерти.

Особенно сильно распространена въ простомъ народѣ вѣра въ пророческое значеніе сновъ вообще и въ сны, предвѣщающіе смерть, въ частности. Мужики еще не такъ слѣпо вѣрятъ въ сны и значеніе ихъ, но что касается бабъ, то тѣ положительно слѣпо, до глупости вѣрятъ въ пророческое значеніе сновъ.

Въ каждомъ селѣ можно найти не одного даже, а нѣсколько,—такъ сказать,—живыхъ „сонниковъ", снотолковательницъ, обыкновенно ветхихъ старухъ,—которыя, кому бы какой замысловатый сонъ ни приснился, объяснятъ, растолкуютъ его лучше и удачнѣе всякихъ „сонниковъ" Леухина, Манухина и друг. издат. Никольскаго рынка.

При этомъ эти снотолковательницы по времени когда, т. е. въ какую часть ночи снился сонъ, замѣчаютъ, опредѣляютъ, насколько важенъ онъ и когда онъ сбудется; такъ сонъ, снившійся съ вечера и до полуночи,—однимъ словомъ, сейчасъ, какъ заснуть,—никогда не сбывается, такъ какъ относится къ событіямъ уже прошедшимъ, т. е. знаменуетъ то, что уже прошло; сонъ, приснившійся въ полночь, или „коло пивночи",—сбудется не раньше 7—9 дней; сонъ, видѣнный „досвита, якъ уже пивни спиваютъ",—сбывается чрезъ 3 дня и, наконецъ, сонъ, видѣнный уже „билымъ днемъ", предъ-тѣмъ, какъ вставать, сбудется въ тотъ же день.

Сны же, снящіеся „съ субботы на недилю—ничого не значатъ", т. е. никогда не сбываются, и, что бы ни снилось, никакого значенія оно не имѣетъ.

Эти сельскіе снотолковательницы, по времени, когда видѣлся сонъ, даже какъ-то опредѣляютъ такіе сны, которые, по ихъ толкованію, должны исполниться лишь чрезъ двѣ недѣли.

Если однозначущія сновидѣнія (т. е. предвѣщающія одно и тоже) или видятся въ одну ночь сразу нѣсколькими лицами въ семьѣ, или видятся одному лицу три ночи къ ряду,—то предвѣщаемое тѣми сновидѣніями событіе обязательно исполнится и даже очень скоро.

Если видѣнное сновидѣніе всѣмъ разсказывать, что, вотъ молъ, мнѣ снилось то-то и то-то, то оно не сбудется; поэтому если приснится „дурной“ сонъ (предвѣщающій дурное), для того, чтобы онъ не исполнился, нужно разсказать его всѣмъ,—какъ можно большему числу лицъ; а о хорошемъ снѣ,—наоборотъ, молчать и никому не говорить (с. Молчаны, старокон. у. вол. губ.)

Но я слишкомъ увлекся снами вообще, хотя все сказанное мною имѣетъ соотношеніе и значеніе и къ снамъ, предвѣщающимъ смерть. А такихъ сновъ у нашего народа не мало.

Такъ если снится, что выпалъ зубъ—непремѣнно кто нибудь умретъ; при этомъ, если снится, что выпалъ зубъ и при томъ кровь и боль—умретъ кто-нибудь очень близкій, чья смерть будетъ тяжела; если зубъ выпалъ безъ крови и боли,—умретъ кто-нибудь, чья смерть не будетъ тяжела и чувствительна.

Если снится, что въ хатѣ печь развалилась, или потолокъ упалъ, или стѣна обрушилась,—тоже кто-нибудь умретъ.

Сонъ, что порвались сапоги, поотлетали подошвы,—тоже предвѣщаетъ чью-нибудь смерть.

Ѣхать (во снѣ) очень шибко на бѣлыхъ лошадяхъ, или вообще, на лошадяхъ, или быть въ одномъ, при томъ грязномъ бѣльѣ,—быть при смерти больнымъ.

Тонуть (тоже во снѣ) въ очень грязной и мутной водѣ—тоже быть смертельно больнымъ; при этомъ, если снится, что топулъ, но спасся,—то значитъ,—быть смертельно больнымъ и выздоровѣть; а если снится,—что тонулъ и захлебнулся, пошелъ ко дну,—предвѣщаетъ смерть того лица.

Если видѣть во снѣ драку до крови, или самому бить кого до крови,—то „хто-небудь видебьецця“ т. е. умретъ.

Если видѣть себя во снѣ въ зеркалѣ—тоже смерть. Случается также, что человѣкъ вдругъ на яву самого себя видитъ; въ заславскомъ уѣздѣ говорятъ,—что это человѣкъ видитъ свою душу, которая на минуту отдѣляется отъ тѣла; въ старокон-стантиновскомъ уѣздѣ говорятъ, что въ такихъ случаяхъ человѣкъ видитъ „своего ангела"; итакъ, если человѣкъ увидитъ на яву самого себя, то очень скоро умретъ.

III

Предзнаменованіе смерти.

Предзнаменованій, или, по народному, „прыкметъ", предвѣщающихъ смерть,—у простаго народа меньше, чѣмъ сновидѣній о томъ-же.

Такъ, если икона треснетъ, будто кто изъ ружья выпалилъ, непремѣнно кто-нибудь въ той семьѣ или въ томъ домѣ умретъ [1]); точно также, по вѣрованію народа, смерть предвѣщаютъ вообще сильные трески, безъ всякой видимой причины, мебели; лопаніе, безъ всякой причины, оконныхъ стеколъ, посуды, и пр., паденіе со стѣны иконы.

По поводу предзнаменованія смерти—треска иконъ много лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось въ д. Григоровкѣ, старокон. у. вол. губ. отъ одного интеллигентнаго семейства г. Ш—скихъ слышать слѣдующій случай, бывшій въ той деревнѣ.—Дочери г. Шк. г-жи Ю. и М. Ш—скіе и съ ними сестра пишущаго это, въ 9 час. вечера, сидѣли въ комнатѣ и разговаривали. Вдругъ въ особо чтимой въ семьѣ иконѣ Божіей Матери, висѣвшей на стѣнѣ, раздался сильный, на всю комнату трескъ, какъ бы отъ ружейнаго выстрѣла. Сняли и осмотрѣли икону—она оказалась вездѣ цѣлой. Спустя нѣсколько дней дѣвушки Шк—скіе узнали, что въ тотъ самый часъ и минуту, какъ треснула икона, отецъ

[1]) Нельзя, чтобы одновременно горѣло въ комнатѣ три свѣчи и вообще огня; иначе кто нибудь въ домѣ умретъ. Если собака воетъ, повернувшись мордой къ дому и поднявъ ее къ верху, на домъ,—кто нибудь въ домѣ умретъ.

ихъ умеръ въ гор. Д—нѣ, волын. губ.—Подобный же случай разсказывалъ мнѣ въ той же деревнѣ г. П., что въ тотъ день, какъ должна умереть его дочь, въ углу, гдѣ висѣли иконы, раздался сильный трескъ, подобный слабому ружейному выстрѣлу.

Также, если птичка ночью ударится въ окно разъ или нѣсколько разъ, какъ-бы стараясь проникнуть въ домъ,—въ томъ домѣ непремѣнно кто-нибудь умретъ.

Птичка эта—вѣстникъ смерти.

Курица, запѣвшая пѣтухомъ, тоже предвѣщаетъ чью-нибудь смерть. Такую курицу нужно сейчасъ же взять и мѣрить ею отъ противоположной порогу стѣны—къ порогу, и если голова курицы окажется на порогѣ—отрубить ее, если же хвостъ—отрубить и хвостъ.

Кто на Пасху, при разговѣнахъ свяченымъ яйцомъ икнетъ,—тотъ „другои пасхы вже не дочекае, вмре".

Если на „кутю" посмотрѣть чрезъ окно на ужинающихъ, и кого изъ нихъ или совсѣмъ не видно—пустое тамъ мѣсто, или видно, какъ бы пень,—тотъ до другой „кути" уже не доживетъ.—Если лопнетъ вѣнчальное кольцо—тоже смерть лица, коему оно принадлежитъ.

IV

Предчувствіе смерти.

Предчувствіе смерти, по мнѣнію и понятіямъ народа, почти всегда и у всѣхъ одно и то же и у всѣхъ выражается одинаково.—„Чоловикъ ходыть, нибы самъ не свій: не исть, не пье, нудыть свитомъ и не може найты соби мисца".—Понятіе и вѣрованіе народа о предчувствіи смерти лучше всего выражается въ слѣдующемъ разсказѣ крест. д. Григоровки, старок. у., бабы Захарыхи: „це робылося въ субботу рано, вставъ мій небожчыкъ Захаръ, та такый дуже смутный, невесылый. Я й пытаю его: Захаре, може тоби якый поганый сонъ снывся, що ты такый смутный?—Ни, каже, ничого не снылося,—ни пога-

ного, ни гарного.—А чогожъ ты,—пытаюся его—такый невесылый?—Такъ чогось, я й самъ не знаю. Ни бы мае що прыключытыся зо мною.

Взявся Захаръ до работы коло хаты, алежъ бачу неробыця ему; все ходытъ и нибы що згубывъ, шукае.

Силы обидаты,—сивъ и винъ, алежъ сербнувъ разъ, тай положывъ ложку.—Захаре, чому не исы?—пытаюся его. — Чогось, каже, нехочецця исты; чогось дуже не весело и за сердце шкребе, не можу найты соби мисця. Бачу я, щось недобрее дiетця зъ моимъ Захаромъ, тай кажу до него.

— Захаре! може тебе врикъ хто, або дання давъ; пиду я до бабы Марыськы; нехай прыйде пошепче, змовытъ,—може що поможе.

— Дурный той, хто вирытъ вашимъ знахаркамъ и ихъ шептаню,—крыкнувъ сердыто Захаръ, а по тимъ помягчавъ, тай каже:

— Певне! я вже вмру!

Отакъ винъ ходывъ самъ не свiй, нудывъ свитомъ весь день въ субботу. Прыйшла недиля. Каже до мене Захаръ:

— Пиду до церквы, посповидаюся, та запрычащуся—може полегшае. Пишовъ...

Прышовъ з церквы вже веселый, спокойный.

— Ну, думаю соби, Слава Тоби, Господы!!...

Силы обидаты; Захаръ мiй добре, нибы писля косы, або писля цепа, пообидавъ, та щей за обидомъ выпывъ добрый кылишокъ горилкы. По обиди каже мiй старый:

— Ляжу трохы, та спочыну. Щось тяжко, пообидавшы.

А з нымъ николы того не бувало, щобъ въ день спавъ.

Ого винъ лигъ. Отъ вже и вечерiе, вже и сонце заходыть, а мiй старый лежытъ, не встае.

Я до него—будыты—эге!—а винъ вже й захоловъ.

Ныхто й нечувъ, колы душа з тила выйшла, колы винъ вмеръ.

— Недаромъ, подумала я соби, нудывсь винъ цилый день.

Чула его душенька,—та не могла сказаты.

V

Представленіе народа о смерти.

Нашъ народъ смотритъ на послѣдній актъ въ человѣческомъ существованіи,—смерть,—очень серьезно и вообще относится къ ней съ должной, подобающей серьезностью. По понятіямъ нашего народа, тогда только смерть можно назвать „людской“ (и „хрыстыянской“), если человѣкъ спокойно умретъ на постели, предварительно приготовившись путемъ исповѣди и пріобщенія св. Таинъ и затѣмъ простившись со всѣми ближними.—О такой смерти народъ отзывается:

— „То-то такому-то Богъ гарну смерть славъ“

или:

„То-то такой-то гарно вмиравъ“.

Относительно смерти вообще у нашего народа есть много изреченій и поговорокъ, выработанныхъ вѣковой народной мудростью и рисующихъ серьезный взглядъ нашего народа на смерть.

— „Круты-не верты,—а не втечешь видъ смерты“—говоритъ одна народная поговорка,—и „колы не вмираты—треба день тыряты“—добавляетъ другая.

— „Люды мрутъ,—дорогу намъ на той свитъ трутъ; а мы сухаривъ насушымъ и соби за нымы рушымъ“.

— „Видъ хлиба люды мрутъ, а безъ хлиба ще скорише“ говоритъ народъ.—„Смерть, а бида то и на гладки дорози здыблятъ„.

Народъ говоритъ и вѣритъ, что смерть человѣка всегда бываетъ такова, какова и прожитая имъ жизнь. На этотъ счетъ у народа есть даже очень справедливое изреченіе:

„Яке житя—тяка й смертъ“,—

то есть, если жизнь человѣка была спокойна и болѣе или менѣе малогрѣховна,—то и смерть его будетъ тихая, спокойная,—однимъ словомъ—„гарна смерть“, „людская“ и наоборотъ: если человѣкъ провелъ жизнь страшно грѣховно,—то и смерть такого человѣка бываетъ страшно тяжела, мучительна и продолжительна и не всегда „людская“; человѣкъ не умираетъ спо-

койно на постели, а „де-небудь згыне, якъ собака“. О такой смерти и вообще о смерти злыхъ людей народъ отзывается:

„Собаци—собача и смерть“

или же:

„Живъ по собачи, по товарячи,

По собачи, по товарячи и вмеръ“.

— „Хиба то какъ легко вмерты, якъ-то каженя?“ спрашиваетъ народъ въ другомъ своемъ изреченіи,— и

— „Треба перше ногамы попосоваты“—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ.

Народъ вѣритъ, что только воистину благочестивые люди умираютъ спокойно, а всякій грѣшный человѣкъ, умирая, непремѣнно „мусытъ ногами посоваты“. Человѣку предъ смертью припоминаются, встаютъ предъ глазами всѣ грѣхи, все злое, сдѣланное имъ во всю его жизнь, человѣкъ, умирая, страшно мучится своими грѣхами и поэтому всякій „мусытъ ногамы посоваты“.

По этому же воззрѣнію и понятію смерть всѣхъ вѣдьмъ, колдуновъ, знахарокъ, — какъ величайшихъ и страшнѣйшихъ грѣшниковъ,—бываетъ страшна, страшно мучительна, тяжела и продолжительна.

Все зло, содѣянное ими во всю жизнь, предъ смертью встаетъ предъ ихъ глазами, черти, а не ангелы окружаютъ ихъ смертный одръ; и души вѣдьмъ и знахарей страшно мучатся предъ тѣлесной смертью и разлукой съ тѣломъ и не хотятъ выходить изъ своей земной оболочки. Да и грѣхи, какъ тяжелые камни, облѣпили душу, и не даютъ ей выйти изъ тѣла. А тутъ черти, окружавшіе смертный одръ вѣдьмы, пляшутъ и веселятся, и только и ждутъ, чтобы душа разсталась съ тѣломъ, чтобы схватить ее въ свои объятія и въ свою власть и понести въ пекло.

Таково народное представленіе о смерти вѣдьмъ и вообще великихъ, тяжкихъ грѣшниковъ.

О постоянно живущихъ очень грѣховно и не думающихъ, забывающихъ о смертномъ часѣ, нашъ народъ отзывается: „десь недумае винъ николы вмираты“,

или:

„Якъ буде винъ вмираты—тоди посовае ногамы“.

О людяхъ же, постоянно дѣлающихъ зло другимъ и обижающихъ ихъ, отъ обиженныхъ сплошь и рядомъ можно услыхать:

— „Богъ знымъ; якъ буде вмираты—тоди все зло буде бачиты передъ своимы очыма.

По народному же вѣрованію очень тяжкихъ и большихъ грѣшниковъ часто даже и „сыра земля не пріймае“; и если человѣкъ умираетъ такъ, что тѣло его нельзя предать погребенію въ землѣ, какъ напр.: волки съѣдятъ, сгоритъ, утонетъ и трупа не найдутъ,—то это значитъ, что тотъ человѣкъ великій грѣшникъ, и самая такая смерть есть кара Божья за великіе грѣхи.

— „Нехай Богъ бороныть и сохраныть выдъ такои смерты всякого“, обыкновенно прибавляютъ при разговорѣ о такой смерти крестьяне.

Относительно злыхъ людей, у народа есть даже въ этомъ смыслѣ проклятіе: „щобъ тебе (или его) сыра земля не пріймяла“.

Въ разговорѣ крестьяне очень часто вмѣсто того, чтобы сказать что такой-то умеръ, говорятъ, что такой то „незахотивъ больше хлиба исты“.

VI.

Повѣрья и обряды при смерти человѣка.

Если смерть человѣка тиха и спокойна, то окружающимъ постель его не предстоитъ никакой заботы, но если смерть тяжела, агонія мучительна, а главное продолжительна, тогда окружающимъ умирающаго предстоятъ заботы, такъ какъ по народному убѣжденію есть разныя средства, чтобы прекратить

агонію и муки и ускорить или самую смерть, или выздоровленіе", „щобъ чоловикъ, або скорише йшовъ вже соби, куды намирывся йты—на той свитъ, або скорише вертався назадъ на цей свитъ",—ибо человѣкъ умирающій въ агоніи, по крестьянскому опредѣленію, находится на дорогѣ или „на раздорожи" между двумя „свитамы" (мірами): „цимъ" и „там-тимъ", или по другому, еще болѣе мѣткому опредѣленію крестьянъ, умирающій человѣкъ стоитъ „идною ногою на тамъ-тимъ свити, а другою на цимъ свити". Какъ я уже сказалъ, если смерть, т. е. агонія мучительна и продолжительна, то у крестьянъ есть много средствъ ускорить или смерть, или выздоровленіе. Однимъ изъ первыхъ въ такихъ случаяхъ считается—положить умирающаго на полъ на бѣлую простыню и дать зажженную страстную свѣчу въ руки: „тоди вмирающій заразъ вспокоеця и затыхне".

Въ 1872 году, во время бывшей въ волынской губерніи холерной эпидеміи, пишущій это сильно заболѣлъ холерой, перешедшей въ тифъ, и трое сутокъ лежалъ безъ движенія: руки, ноги, рѣчь отняло, я лежалъ какъ бревно; по совѣту разныхъ сельскихъ бабъ, меня положили на полъ, на разостланую бѣлую простыню и дали зажженную страстную свѣчу, „щобъ скорише вмеръ".—Этотъ моментъ я хорошо помню.

Я впалъ въ забытье и очнулся уже въ постели на пути къ выздоровленію.

Когда человѣкъ умираетъ или, по простонародному, „вже конае", и на него смотрѣть, дуже „жаловаты его, и надъ нымъ плакаты-голосыты", то умирающій будетъ сильно мучиться; смерть его или агонія будетъ продолжительна. Душа въ такомъ случаѣ въ человѣкѣ мучится, ей „дуже тяжко", и она не можетъ спокойно выйти изъ тѣла. Поэтому на умирающаго въ агоніи человѣка нельзя смотрѣть, и стараются, по возможности, удалить изъ хаты всѣхъ сильно плачущихъ и жалѣющихъ его; самого умирающаго очень часто всего покрываютъ бѣлой простыней, чтобы никто не смотрѣлъ, не видѣлъ мукъ агоніи.

Если умираютъ вѣдьмы, колдуны, знахари, вообще люди знавшіеся съ нечистою силою, то очень часто умираютъ, „канаютъ" нѣсколько дней и даже недѣлю,—и „все не можутъ

вмерты, тяжко имъ вмираты". Смерть такихъ людей и вообще всѣхъ „тяжкихъ" грѣшняковъ страшна и ужасна. Такіе „великіе" грѣшники очень часто предъ смертью, въ агоніи „ревутъ по товарячи, дывнымы, не чоловическымы голосами, що ажъ волося стае дыбомъ". Нѣкоторые изъ умирающихъ такъ ревутъ и кричатъ по дня три.

Въ г. С—вѣ лѣтъ 8—10 назадъ умеръ извѣстный всему городу ростовщикъ Ф., отставной военный писарь, почти изъ ничего ростовщичествомъ составившій очень крупное состояніе; этотъ Ф. бралъ безбожные проценты, къ кредиторамъ своимъ былъ неумолимъ и многихъ раззорилъ, обнищилъ, просто ограбилъ; на него многіе плакались. И, дѣйствительно, смерть Ф. была страшно мучительна; онъ, умирая, три дня кричалъ разными дикими, нечеловѣческими голосами, „ревивъ по товарячи". Смерть же его или агонія продолжалась цѣлую недѣлю. Мѣстные крестьяне тогда въ одинъ голосъ всѣ говорили, что, какова была жизнь Ф., такова и смерть его, и что такая страшномучительная смерть его была результатомъ проклятій и слезъ раззоренныхъ имъ кліентовъ.

А вотъ интересный разсказъ о смерти одного „видьмара" или колдуна, записанный отъ кр. с. Плесны, заславскаго уѣзда, вол. губ. Федора Ярощука.

Въ разсказѣ этомъ живо и ярко видно представленіе народа о смерти вѣдьмъ, вѣдьмарей и вообще „тяжкихъ" грѣшниковъ.

„То въ идному сели бувъ соби дуже старый дидъ, которого вси считалы видьмаромъ. Той дидъ заслабъ и три роки бувъ пры смерти: и не жые и не вмирае. Богато разъ отъ-отъ вмеръ—ни—ожывъ, и зновъ жывый. Булы у того дида сыны, имъ дуже надокучыло, що батько такъ довго лежыть и не выздоровляе, и не вмирае, и тылько заважае и имъ хлопоту додае. Иденъ з тыхъ сынивъ пишовъ въ друге село до другого дидка, про котрого также шла чутка, що винъ де що знаеця, порадытысь з тымъ дидомъ, що то робыты. Прыйшовъ до того дида, тай розсказавъ ему, що отъ батько его вже тры роки лежытъ, конае, и неможе ни сконаты, ни выдужаты. Тай пытаеця, „порадьте, дидусю, що то робыты?"

А той дидъ и каже: возьмы, сынку, стару маточыну зъ колеса, видъ воза, безъ шпыць, перехрести еи и себе, покропы еи свяченою водою, тай дывыся кризь ню на батька; тоди забачышь, якъ твій батько канае и черезъ що винъ не може такъ довго сканаты; и тоди допиру, твій батько вмре. Той сынъ такъ и зробывъ: взявъ стару маточину видъ колеса, безъ шпыць, перехрыстывся самъ и еи перехрестывъ, и покропывъ святою водою, тай глянувъ кризь ню на батька, що лежавъ на постили. Якъ глянувъ—такъ просто охолонувъ з переляку. Въ ногахъ у батька стоялы два страшныхъ чортякы з пиками въ рукахъ, а въ головахъ у батька по правій руци стоялъ янголъ въ билимъ убрани, и з мечемъ въ рукахъ, а по ливій сторони поотдаль видъ постели и батька стояло зновъ два чортякы, з пикамы, таки сами чорни и страшни, якъ и ти, що въ ногахъ. Отъ тіи чорты, що стоялы въ головахъ, и сталы пидкрадатыся до батька; пидкралыся вже дуже блызько; тоди янголъ махнувъ на ныхъ своимъ мечемъ и воны видскочылы; такъ воны кильки разъ все хотилы пидкрастыся, пидыйты до слабого, и все янголъ мечемъ видгонявъ ихъ. Колы дывыця сынъ, а у батька з рота вылизла маленька чорна пташечка; догадався сынъ, що то батькова душа выйшла з тила; тильки що янголъ протягнувъ руку щобъ взяты ту чорну пташечку, якъ тіи чорты, що стоялы въ ногахъ, показалы янголу якусь велыку чорну кныгу, тоди янголъ видступывъ видъ постели, трупа и души, закрывъ лыце рукамы и заплакавъ, а чортякы схопылы тую чорну пташечку—батькову душу,—вылытилы зъ нею въ окинъ изъ хаты; а иденъ з чортякъ остався, и видкрывше въ умершаго батька ротъ,—влизъ въ середыну, въ батька.

Сынъ тее бачывши, якъ пишовъ до попа просыты, щобъ поховавъ батька его, разомъ разсказавъ батюшци, якъ винъ бачывъ, якъ вмиравъ его батько, и якъ чортяка въ середыну, въ трупъ зализъ.

Тай просыть сынъ батюшку, щобъ тило его батька съ проводомъ прынеслы до церквы видправыты надъ нымъ отправы и служыты службы, и з проводомъ поховаты. А батюшка и каже: иды ты додому; прыготовъ килька горшковъ окропу капя-

чого и чыкай мене, бо ще невидомо, чи можна тило твого батька несты до церквы, и чы прійдеця ще й несты его до церквы; може и не буде кого и чого несты.

— Черезъ що батюшка?—пытае сынъ.

— Иды до дому, прыготуй окрипъ и чыкай мене, а тамъ зобачымо.

Сынъ побигъ до дому, прыготовывъ килька горшкивъ кипячого окропу и чыкае батюшку.

Батюшка прійшовъ, влывъ въ окрипъ трохы свячонои воды, перехрестывъ его; казавъ поставыты тило батька на ногы, и лыты въ ротъ; а батюшка ставъ читаты молытвы. Отъ якъ вылылы такъ иденъ горшокъ кыпятку, сталы лыты другій,— вдругъ тило вырвалось з рукъ, та въ коминъ, ажъ коминъ розвалыло, тылько зашумило и загуркотило занымъ; такъ пропало на сей день".

Подобный же разсказъ о смерти вѣдьмы, я слыхалъ въ с. Молчанахъ, старокон. у. вол. губ. съ тѣмъ варіантомъ, что ничего не говорится о свяченой водѣ,—и трупъ покойника остался и изъ него вышелъ злой духъ.

По народному вѣрованію, тогда вѣдьма или знахарь, вѣдьмаръ, можетъ умереть болѣе или менѣе спокойно, если передъ смертью, свое знаніе, силу, однимъ словомъ свое вѣдовство и колдовство, передастъ кому либо другому, научитъ кого либо; если же захочетъ передать свою науку и колдовство кому либо еще при жизни, то сейчасъ послѣ этого умретъ.

По поводу такого повѣрья тотъ же кр. Федоръ Ярошукъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: и то роки зо два зо тры назадъ въ нашимъ сели Плесни вмерла баба, котру вси считалы видьмою; она вмирала дуже довго—мало ны тыждень и не могла вмерты; и все просыла своихъ дочокъ, щобъ котра дала ій на свою руку подывытысь, и потриматы, но дочкы зналы, що ихъ маты видьма, и ни една не хотила даты матери своеи рукы. На решти на пятый день, якъ маты мучилась, конала и немогла сконаты, старша дочка видважылась и дала матери свою руку; матирь подывылась пыльно на руку дочки, потрымала еи, крип-

ко стыснула, тай пустыла; и заразъ же спокійно вмерла. А та старша дочка зробылась такою самою видьмою, якою була маты еи".

Крест. д. Григоровки, старок. у. вол. губ. Семенъ Атласюкъ разсказывалъ о смерти одной старухи въ этой деревнѣ, тоже слывшей за вѣдьму—„она три дни ревила по товарячи; потимъ затыхла; думалы, що вже вмерла; прыступылы до ней—а вона и видкрыла очи; и такъ, якъ полино, пролежала ще 4 дни; думаютъ, що вмерла, прыступлятъ наряжаты — а вона глыпъ очима; а очы таки велыки та страшени зробылысь, той зновъ еи положать. Нарешти вона такы вмерла, но якъ вже обряжалы еи, то ще з очый посыпалысь градомъ слезы.

Такъ тяжко гришній души розлучатысь з тиломъ и иты на судъ Божій"—заключилъ разсказчикъ.

Крестьяне говорятъ, что если читать псалтирь надъ вѣдьмой и вообще надъ великимъ грѣшникомъ, то „тило вздригнеця, нибы хто пидкине", какъ бы отъ прикосновенія электрическаго тока.

Тотъ же кр. д. Григоровки Семенъ Атласюкъ, будучи грамотнымъ, постоянно читаетъ въ своемъ селѣ надъ покойниками псалтирь и увѣрялъ меня, что ему не разъ приходилось читать надъ такими покойниками (которыхъ онъ зналъ при жизни за очень грѣшныхъ людей), которые отъ чтенія псалтири вздрагивали. Надъ однимъ покойникомъ онъ въ теченіе ночи трижды прочелъ всю псалтирь и покойникъ трижды вздрагивалъ, т. е. при всякомъ началѣ псалтири [1]).

---

[1]) А вотъ еще,—по народному понятію, нѣсколько средствъ, чтобы ускорить смерть, когда агонія бываетъ мучительна и продолжительна: если человѣкъ долго мучится—„канае, то треба поодчиняты викна" двери, печныя трубы, щобъ душа мала куды вылитыты". Эти средства всегда почти практикуются при тяжкой и мучительной смерти вѣдьмъ. Эти средства бываютъ особенно варварскими, жестокими зимою,—ибо если зимою поотпрывать окна, двери и трубы—то дѣйствительно всегда можно ускорить смерть, прекратить агонію, заморозивъ больнаго или умирающаго.

VII.

Обряженіе покойника и приготовленіе къ похоронамъ.

Какъ только что человѣкъ „скончыцця“ (или „кончыцця“), прежде всего идутъ до церквы и даютъ 15 коп. на „подзвинъ по души“ или просто кратко „на подзвинне“, т. е. чтобы позвонили по умершемъ—„по душѣ“. Затѣмъ покойника обмываютъ и „обряжаютъ“, или иначе „наряжаютъ“: т. е. одѣваютъ, если не въ новую, то въ самую лучшую одежду. Ноги вмѣсто обуви обертываютъ холстомъ или бѣлыми тряпочками; на палецъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ надѣваютъ колечко, сдѣланное изъ воску; въ сложенныя на груди руки даютъ крестикъ сдѣланный изъ воска или дерева, у богатыхъ иконку. Но самое важное и главное дѣло и обязанность, какъ только человѣкъ „кончыцця“, это закрыть покойнику глаза; для этого на закрытыя вѣки покойника кладутъ тяжелые мѣдные пятаки: если это не помогаетъ, и глаза всетаки открываются, кладутъ на глаза мокрыя, теплыя тряпки. Если глаза покойника не удается или трудно закрыть, и они все открываются,—то домашніе бываютъ обыкновенно въ страшномъ испугѣ и переполохѣ и не успокоятся дотѣхъ поръ, пока не удастся закрыть глаза мертвецу такъ, чтобы они не открывались больше.

Дѣло въ томъ, что у крестьянъ существуетъ повѣрье, что если покойникъ смотритъ, то обязательно еще кто-нибудь умретъ; покойникъ высмотритъ и намѣтитъ себѣ, чтобы взять съ собою на тотъ свѣтъ еще кого-нибудь изъ домашнихъ.

Если ротъ у покойника открывается, то щеки подъ подбородкомъ тѣсно подвязываютъ платкомъ, пока „тило зовсимъ не захолоне“; тогда платокъ снимаютъ, и прячутъ его и онъ потомъ употребляется какъ средство отъ зубной боли для подвязыванія лица.

Въ заславскомъ уѣздѣ (сел. Плеснѣ, Городищахъ и друг., существуетъ повѣрье и о другомъ значеніи платка, которымъ подвязываютъ лицо покойнику. Здѣсь крестьяне говорятъ, что если съ этимъ платкомъ въ карманѣ или въ рукахъ быть при

какой угодно ссорѣ или дракѣ, то нужно лишь стиснуть въ рукѣ этокъ платокъ, какъ ссора и драка сейчасъ прекратятся, и все успокоится. Затѣмъ имѣющаго такой платокъ никогда никто не обидитъ, не изругаетъ и не побьетъ, такъ какъ, если бы кто вздумалъ такого человѣка изругать или побить, и даже началъ бы, то стоитъ лишь владѣльцу платка сильно сжать его въ рукѣ, какъ моментально все утихнетъ и прекратится.

Мужчинѣ кладутъ подъ мышку или сбоку шапку, а женщинамъ на голову, поверхъ „очипка“ (чепца), надѣваютъ „намитку“.

Наряженнаго покойника кладутъ на столъ въ переднемъ углу, подъ образами—головой подъ образа, ногами къ порогу; въ головахъ покойника ставятъ взятый изъ церкви крестъ и большую зажженную восковую свѣчу, взятую тоже въ церкви, и за которую платится въ церковь по 16 коп. за всякій сгорѣвшій „корхъ“ свѣчи (въ заславск. уѣз.).

Другія двѣ важныя заботы, приводимыя въ исполненіе сейчасъ же послѣ того (или даже одновременно), какъ покойника „нарядятъ“ и положатъ на столъ,—это сдѣлать „домовыну“, или иначе, „труну“, и выкопать „яму“. „Труна“ или „домовына“ дѣлается изъ досокъ, у богатыхъ окрашивается въ черный цвѣтъ снаружи и обивается ситцемъ внутри; у бѣдныхъ это просто грубо и наскоро сдѣланный ящикъ изъ досокъ, которыя даже непочищены рубанкомъ. „Труна“ внутри выстилается травами и зельями, освященными на „Спаса“. Изъ такихъ травъ дѣлается покойнику и подушечка подъ головы.

Вмѣстѣ съ „труной“ одновременно дѣлается и „фигура“ или крестъ на могилу.

Очень часто небольшой деревянный крестикъ прибиваютъ плашмя и на гробъ, на наружной сторонѣ крышки.

Входа въ домъ, гдѣ есть покойникъ, не принято говорить въ видѣ привѣтствія „здравствуйте“. Если бы кто по незнанію сказалъ бы такъ,—то вызвалъ бы (понятно, за глаза) отзывъ: „отъ неотеса! прыйшовъ до мерця, тай не вміе прывытатыся з

нымъ: хиба мерцеви кажутъ здравствуй, будь здоровъ, якъ чоловикъ вже не жывый" (заслав. уѣзд.)[1]).

Пока покойника не вынесутъ въ церковь или не похоронятъ, нельзя оставлять его въ хатѣ одного безъ присмотра; иначе въ покойника войдетъ и поселится въ немъ злой духъ и тогда покойникъ по ночамъ будетъ ходить и безпокоить людей. Поэтому пока тѣло въ хатѣ, принято и въ обычаѣ, что денно и нощно обязательно при немъ кто-нибудь, по очереди, дежуритъ.

Пока покойникъ въ хатѣ, нельзя подметать пола въ хатѣ, чтобы не вымести душу покойника; нельзя также „мазать" (бѣлить), чтобы „незамазать" душу покойника. Въ заславскомъ уѣздѣ „не мажутъ" (не бѣлятъ) по этой причинѣ до девяти дней.

Если возлѣ тѣла летаетъ большая муха, которая садится на тѣло,—то эту муху нельзя ни убивать, ни отгонять отъ тѣла или выгонять изъ хаты; это душа умершаго въ видѣ мухи кружится возлѣ своего земнаго жилища—часто душа умершаго въ образѣ мухи до 40 дней летаетъ и живетъ въ домѣ[2]).

VIII

Разорительный обычай.

Похороны у крестьянъ обходятся сравнительно дорого, а именно отъ 15 р. (minimum, у бѣдныхъ), до 25 р. (у богатыхъ); обходятся такъ сравнительно дорого потому, что на похоронахъ у крестьянъ, какъ и при всѣхъ другихъ оказіяхъ, идетъ очень много водки (2, 3 ведра и больше), а водки много выпивается у крестьянъ на похоронахъ въ силу существующаго обычая, что всякому, пришедшему помолиться надъ покойни-

---

[1]) Также весьма распространенъ и употребителенъ обычай, что пока не вынесутъ изъ дома покойника—закрываютъ въ домѣ всѣ зеркала. Толкованій и объясненій этого обычая есть нѣсколько, но самое распространенное то, что, если не закрыть зеркалъ, то будетъ еще одинъ гробъ въ домѣ.

[2]) Такое же повѣрье существуетъ и въ полтавской губерніи. Смотри стат. свящ. А. Иваницы „Домашній бытъ малоросса" въ этногр. сборн. Импер. геогр. общ. т. 1-й 1853 г. стран. 371.

комъ—дается чарка водки и закуска—(староконст. у.). Вслѣдствіе этого, если въ домѣ есть покойникъ, то тамъ перебываетъ чуть не все село. Иногда умершій до того проболѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ, и во время болѣзни никто его не навѣстилъ; но вотъ человѣкъ умеръ, и даже незнающіе его считаютъ своею обязанностью „одвидаты мерця"; это у крестьянъ почитается добрымъ, чуть ли не душеспасительнымъ дѣломъ. По народному воззрѣнію и понятію, если, когда человѣкъ умретъ—люди идутъ, то значитъ, „не цураюця", значитъ, покойникъ пользовался популярностью; а въ дѣйствительности, строго и по правдѣ говоря, если не всѣ, то большинство идетъ, ради возможности или случая выпить добрую чарку водки. Есть такіе, что даже не скрываютъ этого своего желанія и, идя въ домъ, гдѣ есть покойникъ, прямо заявляютъ: пиду, выпью чарку.—По поводу поголовнаго, всѣмъ селомъ посѣщенія покойника, т. е. дома, гдѣ есть покойникъ, у крестьянъ есть и такое воззрѣніе: „боятыся, цуратыся мерця грихъ; вси помремо, мерцямы будымо, жыви на небо не пидемо. Хто знае—ще не видомо,—яку кажному з насъ Богъ смерть пошле. Хиба добре якъ люды, писля нашои смерты, будутъ насъ боятыся и цуратыся"—(старокон. уѣздъ).

Но такое разсужденіе и воззрѣніе крестьянъ—по моему мнѣнію, нужно признать искусственной натяжкой, чтобы скрыть за ней, какъ за ширмами, сильное и большое пристрастіе и влеченіе нашего крестьянина къ чаркѣ, даже и въ этомъ случаѣ,—ибо объ обязанности посѣщенія того самаго умершаго, еще при жизни его,—но во время предсмертной и часто продолжительной болѣзни,—такого воззрѣнія у крестьянъ не существуетъ; и мнѣ не приходилось слышать о немъ, вѣроятно, по той простой причинѣ, что нѣтъ обязательнаго обычая, чтобы при посѣщеніи больного давать всякому чарку водки.—Поэтому, чѣмъ богаче покойникъ,—тѣмъ больше стоитъ его погребеніе, тѣмъ большій расходъ на водку, и тѣмъ лучше, правильнѣе сказать, тѣмъ пьянѣе поминки его, и на оборотъ у бѣдняковъ, которые по бѣдности своей, туги и скупы на водку, на угощеніе—очень часто не хватаетъ нужныхъ людей, чтобы нести „хвореньгвы".

Къ такимъ людямъ, т. е. бѣднякамъ не больно спѣшатъ, или лучше совсѣмъ не спѣшатъ, не идутъ на погребеніе.

Даже малорусская поговорка говоритъ, что „якъ умре богатырь—то йде весь мырь (общество); а умре биднякъ—то тылько пипъ та дякъ".

И тутъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, „оказіяхъ" въ крестьянской жизни, первую и важную роль играетъ „горилка".

По этой то причинѣ, въ той мѣстности, гдѣ существуетъ обязательный обычай давать всѣмъ посѣтителямъ по чаркѣ—(почти весь староконст. у.) стараются, какъ можно скорѣе сбыть покойника изъ хаты, похоронить его, чтобы какъ можно скорѣе прекратить и сократить совершенно лишній расходъ водки, совершенно лишнюю раздачу чарокъ.—Впрочемъ обычай обязательнаго угощенія всѣхъ водкою существуетъ только въ староконстантиновскомъ уѣздѣ; уже въ сосѣднемъ заславскомъ обычай этотъ, какъ тяжелый для кармана, разорительный, выводится изъ употребленія и почти вывелся; но и въ заславскомъ уѣздѣ тѣмъ не менѣе при отсутствіи этого обычая, расходы на погребеніе вообще и въ частности на водку, на угощеніе ничуть не сократились, не стали меньше; отсутствіе обычая обязательнаго подчиванія водкою всѣхъ—лишь даетъ возможность и случай ближнимъ покойнаго пьянствовать и пить сильнѣе и больше, чѣмъ тамъ, гдѣ существуетъ этотъ обычай, и выпивать самимъ 2—3 ведра водки, которыя въ другихъ мѣстахъ выпиваетъ чуть не все общество; въ староконстант. у. же этотъ обычай—всеобщаго угощенія водкой держится твердо, хотя и здѣсь уже въ нѣкоторыхъ селахъ начинаютъ сознавать безполезность и тяжесть его для кармана, но ни у кого не хватаетъ мужества и смѣлости первымъ нарушить, не исполнить этотъ обычай.

— „А люды що скажутъ?!! Осудятъ, засміютъ, назовутъ: расколнykомъ, ерытыкомъ", замѣтилъ мнѣ одинъ крестьянинъ на мое предложеніе оставить этотъ тяжелый и разорительный для кармана обычай.

IX

Обряды при смерти и погребеніи парня или дѣвушки.

Обряды при смерти и погребеніи парней и дѣвушекъ у крестьянъ совсѣмъ другіе, чѣмъ обыкновенные похоронные обряды, или правильнѣе сказать, чѣмъ обряды при смерти всякаго другого человѣка.

При смерти и погребеніи парня или дѣвушки у крестьянъ встрѣчается странная смѣсь печальныхъ и чисто похоронныхъ обрядовъ и обычаевъ, съ не по времени—неурочными свадебными обрядами и обычаями. Однимъ словомъ, по смѣси и обилію и тѣхъ и другихъ обрядовъ, и особенно свадебныхъ, на похоронахъ парня или дѣвушки у крестьянъ—такіе похороны можно назвать смѣло: „свадьбой-погребеніемъ"; т. е. вмѣстѣ и свадьбой, и погребеніемъ. Такъ, умершую дѣвушку „наряжаютъ", какъ невѣсту къ вѣнцу; волосы распускаютъ по плечамъ, а на голову надѣваютъ „быны" (ленты) и вѣнокъ, смотря по времени года, изъ искусственныхъ или натуральныхъ цвѣтовъ. Парня одѣваютъ,—какъ жениха, и къ шапкѣ, которую кладутъ съ нимъ въ гробъ, какъ жениху на свадьбѣ, пришиваютъ „квитку" (цвѣтокъ).

Умершимъ, какъ парню, такъ и дѣвушкѣ, на палецъ надѣваютъ колечко и, уже не восковое, а непремѣнно металлическое; равно, какъ тому, такъ и другой къ боку цѣпляютъ „хустку", подобно тому какъ цѣпляютъ платокъ къ боку—жениху и невѣстѣ во время свадьбы.

Но главный обычай при погребеніи парня или дѣвушки состоитъ въ томъ, что пекутъ „коровай" и „шишки". Коровай кладутъ на „вико труны" (крышку гроба), которое несутъ обыкновенно отдѣльно отъ гроба на кладбище и здѣсь, предъ тѣмъ, какъ опустить тѣло въ яму, предъ открытымъ гробомъ, коровай рѣжутъ на куски и по кусочку одѣляютъ всѣхъ участвующихъ въ погребеніи. „Шишками", а равно „бындами" (лентами), если хоронятъ дѣвушку, и „хустками", если хоронятъ парня, одѣляютъ всѣхъ участвующихъ въ погребеніи еще въ хатѣ, предъ выносомъ тѣла изъ хаты на кладбище.

Всѣ эти обряды чисто свадебные, такъ какъ все это (пѣчется коровай, шишки, и одариваются ими, а равно лентами или платками)—продѣлывается у крестьянъ на свадьбахъ.

На кладбище „гробъ съ тиломъ“ несутъ всегда открытымъ и отдѣльно отъ крышки; а „вико“ отъ гроба (съ короваемъ) несутъ отдѣльно; при этомъ, если хоронятъ парня,—то гробъ и крышку несутъ дѣвушки, а если хоронятъ дѣвушку, то гробъ и крышку несутъ парни; въ нѣкоторыхъ селахъ такихъ парней, которые несутъ умершую дѣвушку, называютъ въ то время свадебной кличкой: „боярами“, а дѣвушекъ, несущихъ умершаго парня—„дружками“, подобно тому, какъ на свадьбѣ называютъ „боярами“ парней, ведущихъ невѣсту къ вѣнцу, а „дружками“ дѣвушекъ, ведущихъ парня къ вѣнцу.

Нашъ народъ вѣритъ, что если умереть парнемъ или дѣвушкой въ полномъ смыслѣ слова (т. е. дѣвственницей), то душа такого покойника „иде прямо въ рай“. Впрочемъ, такое вѣрованіе относительно парней мало и не вездѣ распространено, въ то время, какъ относительно дѣвушекъ такая вѣра распространена не только на Волыни, но и по Подольи, и въ кіевской губерніи.

Въ силу такой вѣры простого народа, что душа парня или дѣвушки „иде прямо въ рай“, очень часто по поводу смерти парня или дѣвушки можно услыхать среди крестьянъ отзывъ:

„Отъ щаслива ёго (или еи) душенька у Бога: пишла прямо въ рай“.

X.

Оплакиваніе умершихъ. Причитаніе и голошеніе надъ покойниками.

У нашихъ крестьянъ установился своеобразный взглядъ относительно плача вообще и оплакиванія умершихъ въ частности. По этому народному взгляду, сдѣлавшемуся просто обычаемъ, если человѣкъ плачетъ тихо, хотя бы самыми горючими слезами,—которыя просто душили бы и не давали возможности

слова сказать —это не есть оплакиваніе умершаго, плачъ надъ покойникомъ, а если человѣкъ вопитъ „голоситъ", да такъ громко, что на другомъ концѣ села слышно, да еще къ этому складно да ладно причитаетъ,—это—по народному взгляду—есть настоящій плачъ надъ покойникомъ, хотя бы это голошеніе и причитаніе производилось съ совершенно сухими, и даже веселыми глазами.

Чѣмъ громче голоситъ, лучше, складнѣе-ладнѣе причитываетъ,—тѣмъ лучше,—считается у народа,—оплаканъ покойникъ, хотя бы, повторяю, голосившій не уронилъ ни единой слезинки и голосилъ не съ печальными, а съ веселыми и даже смѣющимися глазами.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ д. Григоровкѣ, старокон. у. мнѣ пришлось быть у крестьянъ на похоронахъ и видѣть какъ двѣ женщины: Приська и Палажка оплакивали своего отца Захара. Приська отъ душившихъ ее слезъ не могла вымолвить слова, слезы и рыданія буквально душили ее, и она молча шла за гробомъ, лишь въ отчаяніи ломая руки. Сестра же ея Палажка вопила и голосила на все село и такъ громко, что даже заглушала пѣніе духовенства и при этомъ складно, не хуже какого либо барда или поэта сочиняла импровизацію, въ которой восхваляла своего отца, а равно описывала и выставляла всю тяжесть и потерю отъ смерти его; при этомъ, я замѣтилъ, глаза Палажки были совсѣмъ сухи.

На обратномъ пути съ кладбища, мнѣ случайно пришлось услышать отзывъ или оцѣнку сельскихъ бабъ относительно оплакиванія обѣими сестрами Приськой и Палажкой—своего отца Захара:

— Тото Палажка гарно оплакала свого батька, дуже хороше плакала, а Приська десь чы не вміе плакаты, чы не хтила.

Такимъ образомъ, по народному взгляду, для плача надъ покойникомъ требуется, не большая или не меньшая скорбь, печаль и сожалѣніе о покойникѣ, и не больше или меньше слезъ, а просто одно только умѣніе... умѣніе громко голосить и складно, хорошо причитывать, восхваляя умершаго.

Какъ я уже сказалъ, голосить и причитывать при плачѣ надъ покойникомъ, у нашего народа вошло въ обычай; основаніе этого обычая, т. е. такого страннаго, своеобразнаго и даже дикаго оплакиванія умершихъ—кроется, теряется въ глубокой, сѣдой старинѣ,—временахъ язычества, когда существовала особая каста плакальщицъ и голосильщицъ по умершихъ, голосившихъ надъ умершими по первому зову и требованію.

Какихъ либо похоронныхъ пѣсенъ, такъ сказать похоронно-пѣсенной литературы у здѣшнихъ крестьянъ не существуетъ; каждый, оплакивая умершаго, самъ сочиняетъ импровизацію, принаровляясь къ случаю и обстоятельствамъ, какъ кто можетъ и умѣетъ.

На этотъ счетъ у здѣшнихъ крестьянъ есть даже особая поговорка: „якъ хто хоче, такъ по свои мами и плаче“ т. е. надо понимать „какъ кто хочетъ“ въ смыслѣ импровизаціи и причитанія. Благодаря такому странному понятію и взгляду народа относительно оплакиванія умершихъ,—почти всегда на похоронахъ у крестьянъ можно наблюдать такія сцены: чѣмъ меньше кто скорбитъ, сожалѣетъ объ умершемъ, чѣмъ спокойнѣе можетъ говорить и сочинять, складывать импровизацію,—тотъ тѣмъ лучше (по народному взгляду) оплакалъ покойника, и умѣетъ плакать, и на оборотъ: чѣмъ больше кто скорбитъ, сожалѣетъ и даетъ волю слезамъ по умершемъ, тотъ—по тому же понятію: не горько, не хороше, оплакалъ покойника, и вообще „не вміе“ плакать надъ покойникомъ.

XI.

Еще похоронные обряды и обычаи.

Прежде чѣмъ вынести тѣло изъ хаты на кладбище,—наблюдаютъ еще за нѣкоторыми обрядами и обычаями, чтобы они исполнены были; такъ напр., если умираетъ кто либо изъ супруговъ, то для того, чтобы оставшійся въ живыхъ супругъ могъ вторично вступить въ бракъ,—на умершемъ воротникъ отъ рубахи нужно оставить растегнутымъ—„розхристанымъ“,

потому что въ противномъ случаѣ, если рубаху на умершемъ застегнуть, — оставшійся супругъ ни зачто не вступитъ вторично въ бракъ. Съ той же цѣлью, чтобы вторично вступить въ бракъ, живой изъ супруговъ передъ выносомъ изъ хаты на кладбище мертваго—перепоясывается краснымъ поясомъ и трыжды перебѣгаетъ поперекъ дороги.

Затѣмъ у крестьянъ существуетъ повѣрье, что если умретъ вѣдьма или вѣдьмаръ, однимъ словомъ, знавшійся съ нечистой силой, то для того, чтобы послѣ смерти не ходилъ, не шатался, нужно трупъ его весь исколоть шиломъ.

По поводу такого повѣдья въ с. Молчанахъ, Старокон. у. я слыхалъ слѣдующій разсказъ.

„То въ идного чоловика вмерла жинка, котра була видьмою; и вмираючы, стала просыты свого чоловика: „якъ вмру, чоловиче, то возьмы, перше, чимъ сховаты, зколы мене всю шыломъ“.

— Тай на що—пытаеця чоловикъ.

— Колы хочешъ знаты на що, пиды на третю ничь на цвынтаръ, въ пивничъ, дывысь на мою могылу, то забачышъ, на що то треба.

Сказавшы цее, вмерла.

Чоловикъ такъ и зробывъ: зколовъ трупъ жинкы шыломъ, поховавъ, а на третю ничь, въ пивничь пишовъ на цвинтарь подывытысь на жинчину могылу; дывыця, а чорты выйнялы трупъ жинки з могылы, тай давай дуты въ него; дулы, дулы, мало не лоплы; алежъ скилько не дулы, не старалысь надуты—ничего не моглы зробыты, бо тило було сколоте шиломъ. Алежъ тутъ якъ разъ заспивалы пивни,—чорты кынулы тило назадъ въ могылу, а сами счезлы.

Тоди догадався той чоловикъ, що его жинка була видьма и умираючы хотила, щобъ, хотя писля смерты еи, чорты не владилы еи тиломъ, и на те и просыла чоловика сколоты его шыломъ“.

Затѣмъ въ нѣкоторыхъ селахъ существуетъ обычай, всякому покойнику безъ различія давать въ гробъ (привязываютъ съ

боку) платокъ,[1]) впрочемъ, надо сказать, что этотъ обычай не вездѣ существуетъ, обычай же давать покойнику на тотъ свѣтъ нѣсколько копѣекъ, смотря по состоянію покойнаго,—хоть грошъ, сильно и широко распространенъ по всей Волыни, Подоліи и кіевск. губ.; вся разница только въ томъ, что въ однихъ мѣстахъ деньги кладутъ покойнику въ труну, въ другихъ бросаютъ въ яму, въ третьихъ завязываютъ въ платокъ, который цѣпляютъ покойнику къ боку.

По поводу обычая класть въ могилу покойнику деньги, мнѣ пришлось слышать два толкованія или объясненія крестьянъ. По первому толкованію, записанному въ заславскомъ уѣздѣ, деньги покойнику въ могилу кладутъ для того, что „часто бувае такъ, що на тому мисци, де ховаютъ мерця, вже раньше булы поховани люды, и тіи що раньше булы тамъ поховани и закопани, прыйдутъ, тай станутъ выгоняты того, що потимъ тамъ похованый, скажутъ ему:

— Уступысь з витциль; ты чого наше мисце зайнявъ, на нашому мисци лигъ. То якъ той, що на остатку похованый, буде маты при соби грошы, то винъ видкупыця видъ тихъ, що раньше тамъ закопани, купытъ соби у ныхъ мисце и воны его оставлятъ въ спокои и не будутъ бильше чыпаты; а якъ не буде чимъ выдкупытысь, то его проженутъ и выкынутъ з видтиль“ (отъ крестьянина с. Плещина, заславскаго уѣзда Федора Ярощука).

По другому же объясненію, слышанному мною какъ въ томъ же заславскомъ уѣздѣ и отъ того же лица, такъ и въ с. Молчанахъ, староконстантиновскаго уѣзда, „гроши мерцеви въ могылу кладутъ на тее, що на тимъ свити душа мае стояты на варти, коло якоись брамы, и якъ мае при соби грошы, то ско-

[1]) Обычай давать всякому покойнику платокъ существуетъ тоже и въ нижегородской губ. въ лукояновскомъ уѣздѣ.

Смотр. „Этногр. сбор. импер. геогр. общ.“ т. I-й 1853 года стат. священ. Доброзракова: „село Ульяновка нижегородской губерніи, стр. 51 сборника.

[2]) Подобный же обычай существуетъ при похоронахъ и въ нижнедѣвицкомъ уѣздѣ воронежской губ. Смотр. „Этногр. сборн. императ. геогр. общ.“ вып. I-й 1853 года, статья учителя Малыгина. „Бытъ крестьянъ воронежской губ. нижнедѣвицкаго уѣз.“ стран. 226.

ро видкупыця видъ тыеи варты и довго стояты не буде; а якъ не мае чимъ видкупытыся,—то буде довго стояты на варти".

Вообще же по народному вѣрованію, тоже сильно и широко распространенному, всякая душа умершаго „на тимъ свити мусытъ стояты на варти коло якоись брамы" (воротъ), пока ее не смѣнитъ душа другого покойника. Затѣмъ въ обычаѣ класть покойнику въ гробъ то, что покойный при жизни любилъ: если курилъ, то „люльку" и „тютюнъ"; если нюхалъ, то табакерку съ нюхательнымъ табакомъ; если пилъ, бутылку водки.

Впрочемъ этотъ остатокъ язычества постепенно начинаетъ выходить изъ употребленія и обычая.

XII.

Похороны.

Когда выносятъ покойника изъ хаты, то въ однихъ мѣстахъ хлѣбомъ, вымолоченнымъ изъ снопа, который на „кутю" ставятъ въ переднемъ углу, подъ образами, обсыпаютъ гробъ [1]), въ другихъ мѣстахъ тѣмъ же хлѣбомъ, послѣ выноса тѣла изъ хаты, обсыпаютъ снаружи кругомъ хаты, а также внутри; равно зерна хлѣба посыпаютъ на уголья и накуриваютъ внутри хату.

Когда вынесутъ покойника изъ хаты, сейчасъ же затворяютъ за нимъ двери, и нельзя отворить ихъ до тѣхъ поръ, пока покойника не отнесутъ настолько, что его не видно: иначе еще кто нибудь умретъ въ этой семьѣ [2]).

Въ староконстантиновскомъ уѣздѣ въ обычаѣ, что ближніе причитаютъ и голосятъ по покойникѣ все время, какъ нач-

---

[1]) Такой обычай при похоронахъ существуетъ и въ новоградъ-волынскомъ уѣздѣ и описанъ протоіереемъ І. Моравчевскимъ въ стат. „село Кобылье, волынской губерніи" въ этнографическомъ сборн. Император. геогр. общества томъ І-й 1853 года стран. 306.

[2]) Этотъ же обычай существуетъ въ полтавской губ. въ хорольскомъ уѣздѣ; смотр. „Этногр. сбор. Императ. географ. общ." вып. І-й 1853 г. стат. священ. А. Иваницы „Домашній бытъ малоросса" на стр. 371 сборника.

нутъ укладывать въ труну и выносить изъ хаты, во все время пути до кладбища и пока не похоронятъ, но на время остановокъ для чтенія Евангелія такіе плакальщики умолкаютъ, затихаютъ, а затѣмъ вновь продолжаютъ голосить.

XIII.

Поминки.

Когда могилу засыплютъ, т. е. покойника похоронятъ, то всѣ участвующіе приглашаются на угощеніе или на поминки души покойника. Нѣкоторые, какъ, напримѣръ, лѣтомъ при тѣснотѣ крестьянскихъ избъ, поминки или угощеніе устраиваютъ тутъ же на кладбищѣ, при свѣже насыпанной могилѣ, для чего все наваренное и напеченное для этой цѣли, а равно водку, везутъ за гробомъ „и процессіей“ на кладбище, другіе же для поминокъ и угощенія приглашаютъ присутствующихъ въ домъ. На кладбищѣ угощеніе устраивается часто и въ тѣхъ случаяхъ, если кладбище отъ села и вообще домовъ далеко, и далеко участвующимъ идти.

Во время поминокъ душу покойника обыкновенно поминаютъ такъ: „нехай съ Богомъ (или: со святымы) спочывае, та насъ не скоро до себе ожыдае“.

Чрезъ 9 дней послѣ смерти дѣлаютъ „девятыны“, чрезъ 40 дней—„сорочины“ или „сороковыны“ и чрезъ годъ—„рочыны“, т. е. во всѣ эти дни дѣлаютъ поминки по душѣ. Поминки эти заключаются въ томъ, что даютъ, „до церквы на служене“ (т. е. на заупокойную обѣдню, на поминовеніе души покойника при литургіи), обязательно въ эти дни приносятъ въ церковь „мысочку“: хлѣбъ и пр. для панихиды, и, наконецъ, въ эти дни „одаряютъ дидивъ“, т. е. даютъ нищимъ милостыню.

У богатыхъ на „сорочины“ и „рочины“ рѣжутъ быка, овецъ или бьютъ свинью, берутъ ведра два водки и устраиваютъ „обиды для дидивъ и бидныхъ“. Кромѣ этихъ дней поминки дѣлаются и въ нарочито установленные церковью для этого

го дни для поминовенія умершихъ,—великимъ постомъ и въ октябрѣ. Въ такіе дни обязательно несутъ „мысочку до церквы“ и даютъ милостыню нищимъ.

XIV.

Послѣ похоронъ.

Въ первую же ночь послѣ того, какъ вынесутъ покойника изъ хаты и похоронятъ,—въ переднемъ углу подъ образами на столѣ, гдѣ лежало тѣло, ставятъ для души покойника рюмку водки, рюмку вина или найчаще рюмку меду [1]) и „цилушку“ хлѣба съ солью (въ староконст. у.), въ заславскомъ же уѣздѣ ставятъ для души покойника на ночь на столѣ лишь рюмку водки и рюмку воды. На всѣхъ окнахъ ставятъ стаканы или миски, вообще посуду, съ чистой водой. По вѣрованію нашего народа, душа въ первые три дня послѣ разлученія съ тѣломъ находится безотлучно въ томъ домѣ, гдѣ умерло тѣло, и по ночамъ ѣстъ положенный для нея хлѣбъ, пьетъ поставленную водку и медъ, а въ поставленной на окнахъ чистой водѣ купается; поэтому въ нѣкоторыхъ селахъ староконст. у. ставятъ какъ воду на окнахъ, такъ водку и медъ для души въ переднемъ углу въ теченіи первыхъ трехъ ночей послѣ смерти.

Какъ я уже сказалъ, душа умершаго первые трое сутокъ послѣ выхода изъ тѣла безотлучно находится въ домѣ, и если то душа „господара“ или „господыни“, то по ночамъ „господаруе“, особенно въ послѣднюю третью ночь, „господарь господаруе“ въ конюшнѣ, въ сараяхъ, повыгоняетъ оттуда „худобу“; „господыня човпеця въ комори“; подобныхъ разсказовъ о похожденіяхъ душъ умершихъ отъ простого народа можно услыхать немало, и положительно въ каждомъ селѣ.

Также по разсказамъ нашихъ крестьянъ, тоже почти въ каждомъ селѣ, рѣдкій покойникъ, или, правильнѣе, рѣдкая

---

[1]) Этотъ обычай существуетъ и въ полтавской губ., въ хорольскомъ уѣз. Смотр. Этногр. сборн. Импер. геогр. общ. т. I-й 1853 г. Стат. свящ. А. Иваницы „Домашній бытъ малоросса“, стр. 371.

душа покойнаго (послѣ смерти) по ночамъ „не шатается“, не ходитъ. Только и слышите разсказы, что такой то „вмеръ и ходытъ въ ночи кажнои ночи до жинкы“, а такая то „вмерла и ходыть що ночи, годуе покинуту малу дытыну“ и т. д. Подобныхъ разсказовъ положительно не переслушаешь, а тѣмъ болѣе трудно списать ихъ всѣ. Мнѣ долго пришлось жить въ с. Григоровкѣ и Молчанахъ, староконст. у., и, если вѣрить крестьянамъ этихъ селъ и ихъ разсказамъ, то у нихъ положительно всякій умершій по ночамъ „шатается“.

По вѣрованію нашего народа, бываетъ, что иногда добрый, а иногда злой духъ, принимаетъ видъ или обликъ извѣстнаго покойника, или вселяется въ „тулубець“, въ тѣло извѣстнаго покойника и по ночамъ ходитъ; для того, чтобы знать, какой духъ это, добрый или злой,—при встрѣчѣ съ нимъ—нужно спросить: „Во имя Отца Сына и Свят. Духа. Всяка тваръ хвалытъ Бога, а ты хвалышъ?“ Если то добрый духъ, то скажетъ „хвалю“, будетъ говорить и скажетъ, что ему, т. е. ей—душѣ нужно, а если то злой духъ, то на подобное привѣтствіе или вопросъ будетъ молчать и ничего не отвѣтитъ, а если его перекрестить, или читать „Да воскреснетъ Богъ“, то злой духъ въ образѣ умершаго человѣка сейчасъ „счезне“.

При посѣщеніи покойниковъ, т. е. если умершій по ночамъ шатается, есть безчисленное множество, по понятіямъ простого народа, средствъ: обсыплютъ домъ, въ который ходитъ покойникъ, а равно и могилу того покойника освященнымъ на Спаса макомъ, приговаривая: „тоди зъ могылы встанешъ, и въ хату ввійдешъ, якъ цей макъ зберешъ“. Варятъ какимъ-то особеннымъ способомъ гречневую кашу и кладутъ ее на окна; носятъ на шеѣ амулетики съ зашитыми въ нихъ освященными на Спаса травами; обкуриваютъ кругомъ снаружи и накуриваютъ внутри тѣми же травами домъ, посѣщаемый покойникомъ, и т. п. Всѣхъ этихъ средствъ и не перечесть. Но самое извѣстное средство—это вбиваютъ въ могилу такого неспокойнаго покойника „осыковый“ колъ, а если этотъ покойникъ самоубійца, то похоронятъ его на „роздорожи“ или въ болотѣ, но не на кладбищѣ.

До 40 дней душа умершаго „блукае по свити, ходытъ по земли“ и на 40 день является „до Бога на судъ“, и тогда ей опредѣляется, гдѣ ей быть: въ раю или аду.

Если оставшіеся въ живыхъ сильно убиваются—тужатъ по умершемъ, то для того, чтобы скорѣе они успокоились, „забулы покойника“, заставляютъ смотрѣть ихъ въ печную трубу—„въ коминъ“, берутъ землю съ могилы покойника и сыплютъ ее за шиворотъ,—„за комиръ“, или просто носятъ ее зашитой въ амулетикъ нѣкоторое время на шеѣ, или же сильно скорбящимъ по покойникѣ перевязываютъ на нѣсколько дней очень крѣпко, ниточкой или ленточкой, „мизиный“ палецъ; отъ этихъ средствъ, по вѣрованію народа, живые очень скоро забываютъ покойника.

А вотъ еще нѣсколько вѣрованій и обрядовъ народа, относящихся къ смерти и памяти умершихъ.

На Пасху во многихъ мѣстахъ въ обычаѣ, чтобы живые, послѣ разговѣнья, шли на кладбище христосоваться со своими умершими родными, напр. дѣти съ родителями.

Придя на могилу умершаго, говорятъ: „Христосъ Воскресъ“, тату (или мамо, или же сестра, братъ и т. п.) и кладутъ на могилу одну или пару крашанокъ. Въ другихъ селахъ молча кладутъ на могилу родныхъ крашанки.

Еще нашъ народъ говоритъ и вѣритъ, что умершіе на Свѣтлой недѣлѣ идутъ прямо въ рай, каковы бы великіе грѣшники ни были, такъ какъ во всю Свѣтлую недѣлю двери рая отверзты „настежъ“ безразлично для всѣхъ умершихъ въ это время. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заславскаго уѣзда подобное вѣрованіе народа существуетъ лишь относительно первыхъ трехъ дней Пасхи, а въ нѣкоторыхъ — лишь относительно одного перваго дня Великодня: но все таки самое первое вѣрованіе относительно всей Свѣтлой недѣли нужно считать преобладающимъ и наиболѣе распространеннымъ.

На „вилію“ въ обычаѣ класть на всю ночь всѣ ложки въ макотру съ кутей, такъ какъ ночью, по вѣрованію народа, души всѣхъ умершихъ родныхъ придутъ, соберутся въ домѣ ѣсть кутю.

При воспоминаніи объ умершихъ, у нашего народа въ обычаѣ, свято и строго соблюдаемомъ, всякій разъ прибавлять: „нехай ему (т. е. покойнику) на тимъ свити легенько згадаецця; или: нехай ему легенько икнецця, или же: нехай ему буде земля перомъ“ (т. е. легка какъ перо), но самая употребительная фраза,—это „царство небесне, вичный покой“.

Если говорятъ о какомъ-либо зломъ дѣлѣ или грѣхѣ какого-либо покойника или вообще о какомъ-либо умершемъ зломъ человѣкѣ, то въ обычаѣ прибавлять фразу: „нехай ему (покойнику) на тимъ свити Богъ не памятуе“, или: „нехай ему на тимъ свити Богъ простыть“ (подразумѣвать нужно злыя его дѣла).

При всѣхъ торжественныхъ тостахъ въ торжественныхъ случаяхъ, напр., когда пьютъ водку въ большіе праздники, какъ Пасха, Рождество, на „вилію“ и пр.—въ обычаѣ у крестьянъ пить не только за живыхъ, но разомъ и за умершихъ, поминать во всѣхъ такихъ случаяхъ и покойниковъ.

Пьющій водку въ такихъ случаяхъ обыкновенно говоритъ: дай намъ Боже здоровье (или: за здоровье жывыхъ), а померлымъ царство небесное; при этомъ иногда поименно поминаются „померши“: такому-то и такому-то „царство небесное“. Такъ поминаютъ покойниковъ и на всѣхъ поминкахъ по умершихъ.

XV.

Представленіе народа о загробной жизни.

О представленіи народа о загробной жизни приходится сказать очень мало. Все оно выражается въ цѣломъ рядѣ выше описанныхъ похоронныхъ обрядовъ и обычаевъ; нельзя однако не сказать, что представленіе народа о загробной жизни—смѣсь языческаго съ христіанскимъ, на половину то, на половину другое, и даже больше языческое, чѣмъ христіанское.

Языческое понятіе народа о загробной жизни выражается въ цѣломъ рядѣ обычаевъ и обрядовъ, такихъ напримѣръ, какъ

обычай давать покойнику на тотъ свѣтъ то, что онъ любилъ при жизни, какъ то: водку, табакъ, обязательно давать покойнику на тотъ свѣтъ деньги, обязательно ставить первые три дня для души покойника пищу и питье. Всѣ эти обычаи и обряды часто языческіе и соединяются съ языческимъ представленіемъ о загробной жизни.

Представленіе народа, что души умершихъ летаютъ въ видѣ мухи или ходятъ по ночамъ въ видѣ кошекъ, собакъ, свиней сродно съ вѣрованіемъ буддистовъ и вообще язычниковъ, что души умершихъ переселяются въ птицъ и животныхъ.

Вообще же нашъ народъ вѣритъ, что умершимъ не только конечужды, но даже близки, сродны всѣ земные, житейскіе интересы и дѣла, однимъ словомъ все земное. Къ такимъ вѣрованіямъ относятся разсказы народа о томъ, какъ умершій мужъ по ночамъ посѣщалъ свою живую жену и раздѣлялъ съ нею ложе, или какъ мать по ночамъ приходила и кормила грудью оставшагося въ живыхъ грудного ребенка.

По вѣрованію народа, умершимъ не только не лишнее, но такъ-же, какъ и живымъ, нужны: пища, питье, одежда. Подобное вѣрованіе отчасти напоминаетъ вѣрованіе и понятіе магометанъ о загробной жизни въ раю. Если къ этому прибавить, что умершихъ нашъ народъ хоронитъ по христіански, но что поминки по умершимъ—смѣсь христіанскихъ поминаній и молитвословій (панихиды, обѣдни и пр.) съ древне-языческой тризной по умершихъ—то и выйдетъ справедливымъ въ началѣ высказанное мною, что понятіе народа о загробной жизни есть смѣсь языческаго съ христіанскимъ, и много еще нужно времени и свѣта, чтобы верхъ взяло и восторжествовало второе, т. е. христіанское надъ языческимъ.

Ив. Бѣньковскій.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ [1].

Г-жа Мошинская. Среди довольно многочисленныхъ польскихъ этнографическихъ сборниковъ, составленныхъ женщинами, сборники г-жи Мошинской выдаются по значительной величинѣ, точности записей и, что для насъ представляетъ спеціальный интересъ, всецѣло посвящены коренному украинскому населенію бѣлоцерковскаго, таращанскаго и васильковскаго уѣздовъ кіевской губерніи. Въ русской научной литературѣ сборники эти совсѣмъ неизвѣстны, по крайней мѣрѣ, я не встрѣчалъ на нихъ ссылокъ или указаній, если не считать одного краткаго упоминанія въ III т. „Ист. рус. эт.“ Пыпина. Малая извѣстность сборниковъ г-жи М. обусловлена отчасти помѣщеніемъ ихъ въ такомъ спеціальномъ и сухомъ изданіи, какъ „Zbiór wiadomości“ краковской академіи наукъ. Мнѣ извѣстны три сборника, именно:

1) *Zwyczaje, obrzędy i pieśni weselne ludu Ukraińskiego* Z okolic Białejcerkwi, въ Zbiór wiadomosci do antrop. krajowej 1878 II, 183—209. Свадьба здѣсь разсмотрѣна въ слѣдующихъ главахъ: 1) ухаживаніе (zaloty), 2) любовь и чары, 3) сваты, 4) змовины, 5) предсвадебная суббота; коровай, 6) дѣвичій вечеръ (плетеніе гильця), 7) слюбъ, 8) поѣздка къ

[1]) См. „Кіевск Стар.“ 1896 г., № 7 и 8.

родителямъ жениха, 9) поѣздка къ родителямъ невѣсты, 10) возвращеніе къ жениху; 11) свадьба въ домѣ невѣсты, 12) благословеніе, 13) свадьба въ домѣ жениха, 14) другой день по вѣнчаніи, 15) купаніе свекрови (обливаютъ холодной водой). При описаніи обрядовъ свадебныхъ приложено 60 свадебныхъ пѣсенъ. Какъ въ пѣсняхъ, такъ и въ обрядахъ новаго мало; кое-какія любопытныя новыя мелочи находятся въ послѣдней 15 главѣ, которая относится къ обычаю „перезвы".

2) *Kupajlo*, tudzceż zabawy doroczne i inne z dodatkiem niektórych obrzędow i pesni weselnych ludu ukraińskiego z okolic Białej Cerkwi, въ V т. Zbiór wiadom. do antrop. krajow. 1881, 24—102. Представленное г-жей Мошинской *описаніе купальскихъ обрядовъ и пѣсенъ* является самымъ подробнымъ и обстоятельнымъ изъ всѣхъ существующихъ нынѣ описаній этого рода. Здѣсь приведено 17 описаній, записанныхъ въ 17 селахъ бѣлоцерковскаго уѣзда, съ точной передачей купальныхъ пѣсенъ, изъ коихъ нѣкоторыя отличаются древностью и поэтическимъ достоинствомъ, напр.—варіанты извѣстной пѣсни „Ой тыхо, тыхо Дунай воду несе" (36—37). Купальные обряды и пѣсни составляютъ первую, наиболѣе содержательную главу въ сборникѣ г-жи Мошинской. Вторая глава посвящена *годовымъ праздникамъ* и весеннимъ и лѣтнимъ *играмъ* молодежи (пущанье, вязаніе колодокъ съ приложеніемъ пѣсенъ, 2 варіанта игры въ Володаря съ 8 пѣснями, кривой танецъ съ 3 пѣснями, шумъ, макъ, груша, зайчикъ, нелюбчикъ, царенко—всѣ эти игры приведены съ пѣснями, повѣрья и обряды, связанные со днемъ весенняго Юрія, зелеными святками (розегри), днемъ Екатерины, ап. Андрея, Рождества Христова, причемъ приведено 9 колядокъ религіозно-апокрифическаго содержанія, „богатый вечиръ" съ гаданіями и 3 пѣснями). Третья глава заключаетъ сообщенія объ *улицахъ и досвиткахъ* съ 34 пѣснями и о *дѣтскихъ играхъ*: 1) квасъ, 2) краска, 3) пижмурокъ, 4) бджолы, 5) блохи, 6) жукъ, 7) мышка, 8) жинка, 9) грибъ, 10) шулякъ, 11) гуси, 12) реготынъ, 13) хрещикъ, 14) карапузныця, 15—16) силь, 17) довга лоза, 18) верныголова, 19) коромысло и 20) щука. №№ 6, 7, 8, 10, 11

снабжены пѣснями. Четвертая глава заключаетъ въ себѣ краткое описаніе *свадебныхъ обрядовъ* и 47 *свадебныхъ пѣсенъ*, извѣстныхъ уже по другимъ сборникамъ свадебныхъ пѣсенъ.

3) *Bajki i zagadki ludu ukraińskiego,* въ IX т. Zbiór. wiadom. do antrop. kraj. 1885, 73—173. Въ сборникѣ находится 35 сказокъ, три небылицы и 156 загадокъ. Сказки про богатаго Марка, счастливаго дурня, трехъ братьевъ, Покотыгородка, злую мачиху, Сучича, дидовы козы (со стихами), царя Іона, про разбойниковъ, о злыхъ и лѣнивыхъ женахъ, о томъ, какъ баба обманула чорта, про Гирку семилитку, про глупыхъ людей на свѣтѣ, что мѣшкомъ свѣтъ ловили, про мудраго дурня, про Кирика (въ стихахъ), про поповыхъ наймитовъ и нѣсколько другихъ.

Сборникъ г-жи М., хотя и не великъ по объему, но по богатству мотивовъ, по историко-литературной важности сказокъ, принадлежитъ къ числу наилучшихъ сборниковъ малорусскаго этнографическаго матеріала. Сказки, какъ на подборъ, въ высшей степени интересныя въ научномъ отношеніи. Сюда вошла цѣнная по своеобразнымъ деталямъ сказка о Маркѣ богатомъ (см. мое изслѣд. въ XX кн. *Этногр. Обозр.* и дополненія къ нему въ XXI кн. 1894 г.). Сказка „про мылосерднаго хлопца“ очень близко подходитъ къ новогреческой, изданной въ „Les traditions popul. de l'Asie Mineure“ *Carney* et *Nicolaides*. Сказка „про братыка баранця“ представляетъ одинъ изъ лучшихъ варіантовъ, изданныхъ ранѣе Чубинскимъ и др. этнографами. Эта сказка имѣетъ очень древнихъ родственниковъ; такъ, она весьма близко подходитъ къ древне-египетской сказкѣ о двухъ братьяхъ (*Maspero*, Contes popul. de l'anc. Egypte № 1). Сказка о Сучичѣ, обратившая на себя вниманіе Потебни, въ варіантѣ г-жи М. изложена со многими любопытными подробностями. Чрезвычайно интересна затѣмъ сказка „про царя Іона“, какъ отзвукъ талмудическаго и др. сказаній о наказаніи царя за гордость. Столь же интересны двѣ большія сказки на чрезвычайно популярную и цѣнную въ историко-литературномъ отношеніи тему о мудрой дѣвѣ, задающей загадки, сказки, родственныя апокри-

фамъ и повѣстямъ (царица Савская, Петръ и Февронія и др.). Затѣмъ весьма интересны небольшія сказки или анекдоты въ родѣ западныхъ новеллъ и фацецій. Наконецъ, въ сборникѣ г-жи Мошинской есть нѣсколько новыхъ сказокъ и оригинальныхъ передѣлокъ извѣстныхъ. Все это въ совокупности сообщаетъ сборнику г-жи М. значеніе полезнаго пособія при изученіи малорусской народной словесности. Болѣе подробный обзоръ содержанія сборника г-жи Мошинской сдѣланъ нами въ „Этнографич. Обозр." 1894 г. кн. XXII.

Г-жа Рокоссовская дала столь же значительные по величинѣ этнографическіе сборники пѣсенъ и повѣрій малороссовъ волынской губерніи:

1) Wesele i piesni ludu ruskiego ze wsi Jurkow, szczyny w pow. Zwiahelskim na Wołyni въ VII т. Zbiór wiadom. do antrop. kraj. 1883, 154—244. Въ сборникѣ находится *75 свадебныхъ пѣсенъ*, изъ которыхъ нѣкоторыя отличаются величиной и своеобразнымъ характеромъ живой импровизаціи на данный случай. Далѣе слѣдуютъ *39 думокъ* и *293 пѣсенъ* бытовыхъ, колыбельныхъ, дѣвичьихъ, и др. Встрѣчаются изрѣдка указанія на сходные варіанты въ „Pokucie" Кольберга. Въ числѣ думокъ находятся пѣсня объ обращеніи женщины въ былину (№ 2), о Бондаривнѣ (№ 2), объ отравленіи козака дивчиной (№ 5), казнь Петруся за связь съ паней (№ 11). Въ „думки" вошли обычныя любовныя и свадебныя пѣсни, изъ которыхъ много извѣстныхъ. Болѣе своеобразія представляютъ бытовыя пѣсенки. Изрѣдка въ пѣсняхъ проскакиваютъ великорусскія слова, подчеркнутыя собирательницей, напр., окошечко, карманъ, дворянинъ. Крайне исковерканной посторонними примѣсями пѣснею является лишь одна подъ № 149, какъ рѣдкое исключеніе, пѣсня, несомнѣнно солдатская. Вообще, пѣсни, собранныя Рокоссовкой, представляются любопытными образцами современной украинской народной поэзіи въ мѣстностяхъ, наименѣе затронутыхъ посторонними вліяніями.

2) Въ XIII кн. Zbiór г-жа Рокоссовская помѣстила интересный сборникъ о вѣрованіяхъ и преданіяхъ малороссовъ с.

Юрковщины новгородъ-волынскаго уѣзда о предметахъ растительнаго царства.

3) Przyczynek do etnografii ludu ruskiego na Wołyniu, въ XI т. Zbiór wiadom. do antrop. kraj. 1887 г., с. 130—229. Въ этотъ сборникъ вошелъ этнографическій матеріалъ, собранный г-жей Рокоссовской все въ томъ же селѣ Юрковщинѣ. Матеріалъ редактированъ Коперницкимъ. Содержаніе сборника: 1) *родины и крестины* (скрываніе имени ребенка, злевины, осыпаніе частей житомъ, подарки матери „на мыло“; кладутъ борону передъ порогомъ хаты, приведено 5 пѣсенъ); 2) *свадьба* (краткое описаніе обрядовъ при хорошей и плохой свадьбѣ, когда невѣста оказалась нечестной, и 35 пѣсенъ); 3) *похороны* (повѣрья и обряды); 4) *праздникъ* Рождества Христова и Новаго года (описаніе обрядовъ, 20 колядокъ и 8 щедровокъ; колядки обильны апокрифическими чертами; кромѣ того приложено нѣсколько стихотворныхъ пожеланій здоровья и богатства); 5) *масляница и великій постъ* (4 стиха о св. Петрѣ и Павлѣ, св. Алексѣѣ и св. Варварѣ); 6) *Свѣтлый праздникъ*, замѣтка о пѣсняхъ веснянкахъ, 4 весенннихъ *игры* (жена, зайчикъ, нелюбъ и кривой танецъ) и 18 *веснянокъ*, *навскій тыждень*, *день св. Георгія* и *русальный тыждень;* 7) купальскіе *обряды и пѣсни* (38); 8) *обжинки* (12 пѣсенъ) и осенніе праздники (Спаса, Маковея, Катерины, Андрея); 9) *дѣтскія игры* (6 и 3 дѣтскихъ пѣсни); 10) *демонологія* (вѣдьмы, самоубійцы и упыри); 11) *колдовство* уроки, чары, ворожба); 12) *повѣрья и предразсудки* (относящіеся къ дому, печенію хлѣба, скоту, земледѣльческихъ работъ, разныхъ болѣзней); 13) *міровоззрѣніе* (мнѣнія о явленіяхъ природы, о великанахъ и о животныхъ); 14) загадки (107).

Наибольшій интересъ по обилію фактовъ представляютъ данныя о народныхъ повѣрьяхъ о болѣзняхъ (207—216).

Вообще, сборники г-жи Рокоссовской, по обилію матеріала, принадлежатъ къ сравнительно довольно крупнымъ въ малорусскомъ отдѣлѣ польской этнографической литературы.

Къ ряду сгруппируемъ здѣсь еще нѣсколько описаній малорусскихъ свадебъ, составленныхъ польскими писательницами,

съ оговоркой; что всѣ эти описанія не имѣютъ крупнаго научнаго значенія, при существованіи въ печати громаднаго однороднаго матеріала.

Г-жа Томашевская. 1) Obryzędy weselne ludu ruskiego we wsi Cetuli w pow. Jaroslawskim, въ X т. Zbiór wiadom. do antrop. kraj. 1886, 55—75. Въ с. Цетулѣ живутъ малороссы и поляки; записанныя г-жею Т. пѣсни заключаютъ кое-какія особенности польской рѣчи. Въ сборникѣ 67 свадебныхъ пѣсенъ, коротенькихъ и большею частью извѣстныхъ. Много пѣсенъ относится къ обрядовому печенію коровая и къ вѣнку невѣсты.

2) Obrzędy weselne ludu ruskiego we wsi Winnikach pow. Drohobyckiego, въ Zbior wiadom. do antrop. kraj. 1888 XII 60—80. Описаны подробно мѣстные свадебные обычаи и приведена 71 пѣсня. Между тѣми и другими попадаются любопытныя черты, напр.: обычай наклеивать на стѣнкѣ за головами молодыхъ на свадьбѣ по зажженой восковой свѣчѣ, оригинальная пѣсенька при обсыпаніи молодыхъ хлѣбнымъ зерномъ: „сій, маты, пшеныцу по гори, по долыни“, сближеніе вѣнка съ солнцемъ въ пѣснѣ: „хороше соненько сіяе; на Касунуньци, на молоденьци зеленый вѣнокъ сіяе“ (65).

Г-жа Шаблевская. Wesele i krzywy taniec u ludu ruskiego w okolicy Zbarażu, въ XII т. Zbiór wiadom. do antrop. krajow. 1883, 120—135. Описаніе свадьбы распадается по слѣд. главамъ: любовь и заручины, уговоръ, печеніе коровая, созывъ гостей, расплетеніе косы молодой и благословеніе ее, предсвадебная вечеринка, вѣнчаніе, очепины и подарки. При описаніи свадебныхъ обрядовъ приложено 24 свадебныхъ пѣсни, большею частью извѣстныхъ. Описаніе игры въ *кривой танецъ* снабжено 12 пѣснями, изъ коихъ три польскихъ.

Г-жа Малиновская. Obrzędy weselne ludu ruskiego we wsi Kudynowcach pow. Złoczowskim, въ XII т. „Zbior wiadom. do antrop. kraj.“ 1883, стр. 244—264. Описаніе свадебныхъ обрядовъ въ селѣ Кудиновкѣ, безъ указаній на литературу предмета. Всѣхъ пѣсенъ 74, и всѣ онѣ извѣстны изъ другихъ сбор-

никовъ. Любопытны лишь кое-какія отдѣльныя слова, напр.: коникъ пущенъ въ „пастивникъ“ (старинное слово), невѣста „пелехатая“ и др.

Г-жа Стадницкая. Piesni i obrzędy ludu ruskiego z okolic Niemirowa na Podolu, въ Zbiòr wiadom. 1888 XII 103—117. Здѣсь приведены 44 свадебныя пѣсни, извѣстныя уже въ печати по другимъ сборникамъ. Упоминается про печеніе коровая, гильце и нѣкот. др. обряды.

Г-жа Ванке (Анна) въ XIII т. Zbiòr wiadomosci помѣстила небольшой сборникъ галагивокъ, или игръ во время свѣтлаго праздника у русиновъ перемышльскаго повѣта.

Г-жа Рошкевичъ и **г. Франко** въ X т. Zbior издали небольшой сборникъ обрядовъ и пѣсенъ м. Лолына Стрыйскаго повѣта. Въ началѣ находятся краткія сообщенія объ экономическомъ бытѣ лолынянъ (бѣдное горское поселеніе съ курными избами), затѣмъ приведено описаніе мѣстной свадьбы (181 пѣсня) съ указаніемъ на варіанты въ сборникахъ Чубинскаго и Головацкаго.

Г. Нейманъ редактировалъ „*Materjały etnograficzne z okolic Pliskowa*“ (липовец. у. кіев. губ.), собранные г-жей **Z. D.** и напечатанные въ VIII т. Zbiòr wiadomości (115—246).

Въ началѣ сборника (115—121) въ видѣ введенія къ нему находятся краткія замѣтки о мѣстности и населеніи с. Плискова, одеждѣ, домашней обстановкѣ, повѣрьяхъ о даньѣ и мѣстномъ говорѣ (17 замѣтокъ о фонетикѣ). Самый сборникъ состоитъ изъ довольно обширнаго отдѣла пѣсенъ (121—234) и маленькаго отдѣла сказокъ (234—245). Въ концѣ сборника помѣщено 18 проклятій.

Малорусскія пѣсни въ сборникѣ г-жи Z. D. распадаются на пѣсни свадебныя, бытовыя, историческія, чумацкія, балладныя и любовныя. Пѣсни записаны въ лѣтнее время 1883 года и потому зимнихъ, весеннихъ и осеннихъ обрядныхъ пѣсенъ въ сборникѣ очень мало (двѣ колядки, одна великопостная). Г-жа Z. D., какъ дама, записывала почти исключительно отъ женщинъ, и потому въ ея сборникѣ много пѣсенъ любовныхъ и свадебныхъ

и весьма мало пѣсенъ историческихъ, чумацкихъ, рекрутскихъ, вообще мужскихъ пѣсенъ.

Г. Нейманъ со вниманіемъ редактировалъ сборникъ. Многія бытовыя пѣсни и всѣ пѣсни балладныя онъ снабдилъ указаніемъ стихотворнаго размѣра, по формулѣ, предложенной А. А. Потебней. Кромѣ того, подъ многими пѣснями показаны варіанты въ сборникахъ Антоновича и Драгоманова, Чубинскаго, Рокоссовской, Головацкаго, Кольберга, Якушкина, Шеина и Эрбена. При двухъ-трехъ пѣсняхъ находятся интересныя литературныя комментаріи г. Неймана. При 17 пѣсняхъ помѣщены мелодіи, записанныя спеціально для этого сборника извѣстнымъ знатокомъ малорусской музыки г. Лысенкомъ. Мѣстами (напр. на стр. 143, 154) обнаруживается увлеченіе г. Неймана миѳологическими предположеніями (въ христіанскихъ колядкахъ усматриваются „cechy starożytnej pieśni paganskiej“).

Свадебные обряды и пѣсни (76 №№) немногое прибавляютъ къ сборникамъ Чубинскаго и Мошинской. Замѣтно, что обрядность ослабѣла, особенно въ первые дни свадьбы. Для соблюденія старой обрядности нѣтъ ни досуга, ни средствъ. Пѣсни и обряды записаны по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) суббота (коровай, гильце, расплетаніе косы), 2) воскресенье (отправленіе къ вѣнцу и возвращеніе изъ церкви, очепины, отъѣздъ въ домъ мужа) и 3) понедѣльникъ (похвалы и одариваніе молодой).

Пѣсенъ обрядныхъ и годовыхъ, какъ сказано, мало, и пѣсни не важныя, 2 колядки, 2 щедровки (шутливыя), великопостная (пѣсня про Алексѣя, человѣка Божія), 5 пасхальныхъ (игорныя: въ Шельмана, въ зайца, въ жену стараго мужа) и 17 купальскихъ (изъ нихъ двѣ скабрёзныхъ подъ №№ 99 и 102).

Въ отдѣлъ бытовыхъ пѣсенъ вошла одна дожиночная, три рекрутскихъ (вар. Чуб. V 64, 82, 84, 312), двѣ бурлацкихъ, 5 чумацкихъ, три козацкихъ (общаго содержанія, вар. Чуб. V 44, 87, 90, 239).

Въ отдѣлъ историческихъ пѣсенъ: „Ой була у Польщи воля“ (согласное житіе козака съ крымскими татарами), „Ой на гори та женци жнуть“ (вар. Чуб. V 45), о Нечаѣ (у Ант. и

Драг. 38 варіантовъ), о Палієвъ (турки поймали П. и ведутъ на висѣлицу), о Бондаривнѣ (вар. у Чуб., Закревскаго, Кольберга и Рокоссовской ср. Шейна, Мат.—579). Редакція (т. е. Коперницкій) прибавилъ двѣ краткихъ историческихъ пѣсни съ нотами, одна о Костюшкѣ и Потоцкомъ сомнительнаго происхожденія, другая (изъ Полтав. губ.) также о Костюшкѣ, („Чи я жъ тебе, пане Костюшко, та й не говорыла, ой не займай Москаливъ, то не наша сыла"). Въ сборникахъ малор. пѣсенъ, изданныхъ въ Россіи, имени Костюшки, кажется, не встрѣчается.

Отдѣлъ балладныхъ пѣсенъ—лучшій въ сборникѣ не по полнотѣ, у Чубинскаго такихъ пѣсенъ болѣе, а по указанію варіантовъ въ другихъ сборникахъ. Нельзя сказать, чтобы указанія эти были многочисленны, но все таки и данныхъ нельзя не признать полезными въ виду особеннаго интереса, представляемаго балладными пѣснями. Въ этотъ отдѣлъ вошли: „*Ой у вдовы ажъ три дочки*" (и три сына, сыновья пошли въ разбойники, меньшая сестра попала къ нимъ, и чуть не была изнасилована: вар. указаны у Чуб. V 479, Кольберга II 32, 33, (чешскій у Эрбена 483). „Тамъ *де Дунай глыбокій*" (о кровосмѣшеніи матери съ сыномъ и ея дочери съ братомъ, вар. указаны г. Нейманомъ у Чуб. V 407, 458, 485, Головац. I 45, 73, II 577; Кольберга-польскіе I 217, въ Pokucie II 29, 35, Ант. и Драг. 275, Шейна-бѣлорус. 143), „*А маты сына послала въ дорогу*" (проклятая свекровью невѣстка обращается въ тополь; указаны вар. у Чуб. V 308; Кольб. II 45, Голов. I 712, Рокоссовской 1, Якушк. 22 и Эрбена 466), „*Ой жила вдова на край села*" (мать отравила сына и невѣстку; вар. у Чуб. V 310, Гал. I 81, 186, II 578, 585, 711 и Кольб. II 48), „*Ой Свербыно*" (дѣвушка по совѣту парубка, отравляетъ брата; варіанты см. въ моей статьѣ о Поповскомъ), „*Туманъ яромъ* покотывся" (отецъ изгоняетъ сына; вар. у Закрев., Чуб. V 442, 460, 477, Голов. II 55, 585, Якушк. 109), „*Ой въ недилю пораненку*" (мужъ, по совѣту любовницы, убиваетъ свою жену; вар. указаны, какъ и ранѣе, г. Нейманомъ у Чуб. V 236 и

Кольб. II 313), „*Пиду я въ садокъ*“ (козакъ достаетъ вѣнокъ и утопаетъ; вар. у Чуб. III 115, Голов. I 97, II 592, 705, Якушк. 102, 176), „*Ой любилося двое*“ (умерли въ одно время, вар. у Кольберга въ Pokucie II 65 и zud I 11) „*Ой у поли коршмонька*“ *и* „*Ой въ мистечку на рыночку*“ (объ уводѣ и ограбленіи дѣвушки). Г. Нейманъ говоритъ въ примѣчаніяхъ, что двѣ послѣднихъ пѣсни встрѣчаются и у поляковъ въ подробныхъ варіантахъ, у малоруссовъ въ болѣе слабыхъ и совсѣмъ не встрѣчаются у великоруссовъ. По справкамъ г. Н., ея не оказалось въ сборникахъ Шейна, Якушкина и Кирѣевскаго. Сюжетъ пѣсни принадлежитъ къ числу широкораспространенныхъ балладныхъ мотивовъ и встрѣчается у многихъ народовъ. На эту тему подобрана обширная литература въ сборникѣ англійскихъ и шотландскихъ балладъ *Чайльда*.

Слѣдующіе три отдѣла заключаютъ въ себѣ пѣсни любовныя, семейно-родственныя, шутливыя, пьяницкія и тривьяльныя. Большая часть—пѣсни любовныя (57 №№). Въ краткомъ предисловіи г. Н. говоритъ, что „любовь въ малорусской народной поэзіи болѣе глубока и болѣе идеальна, чѣмъ въ поэзіи другихъ славянскихъ народовъ... Въ сравненіи съ малорусской народной любовной пѣснею польская плоска и пошла, великорусская груба, иногда цинична“. Далѣе г. Н. отмѣчаетъ то обстоятельство, что радостныхъ любовныхъ пѣсенъ въ Малороссіи мало; большею частью въ нихъ звучитъ тихая грусть и мягкое мечтательное настроеніе. Въ заключеніе г. Н. даетъ такую высокую общую оцѣнку малорусской лирики: Wysoko idealne uczucie, tkliwa rzewność, pyszna obrazowość i samorodna głęboka starozytna symbolika nadają pieśniom ruseńskim znamię originalne i podnoszą niektóre z nich do znaczenia arcydzieł lirycznych“. Въ сборникѣ г-жи Z. D. находится 15 пѣсенъ о любви счастливой, 43 о несчастной, около 20 пѣсенъ о семейномъ положеніи мужа и жены, 19 пьяницкихъ и тривіальныхъ.

Сборникъ пѣсенъ оканчивается тремя „бесѣдами“, о которыхъ мы уже говорили въ статьѣ о г. Эварницкомъ, при разборѣ его „Присказки до нюхарей“.

Отдѣлъ сказокъ—краткій (26 №№), и сказки кратки, анекдотическаго характера:

1) *Цыганъ и дурный панъ*—цыганъ беретъ у пана зимой одежду и сани, послѣ того какъ панъ надѣлъ рыболовную сѣть, въ которой былъ цыганъ.

2) *Цыганъ и чорты.* Цыганъ видѣлъ, какъ черти въ одну ночь смолотили пану хлѣбъ, поджегши его, поступилъ такъ и попалъ въ тюрьму. Эта сказка чаще встрѣчается какъ легенда о Христѣ и солдатѣ.

3) *Сказка о цыганѣ*—тема игра словами, нѣсколько неясная.

4) *Жидъ чванлывый*—хвалится женѣ, какъ онъ бился съ мужикомъ (мужикъ билъ его люшней отъ воза, а онъ мужика ермолкой).

5) *Жидъ и коняка*—жидъ тянулъ возъ, чтобы лѣнивая лошадь въ наказаніе шла пѣшкомъ.

6) *Жиды и мужикъ.* Жиды не хотѣли сойти съ воза при подъемѣ на гору. Козакъ сталъ ихъ бить, крикнувъ нарочно мужику, что мститъ ему за своихъ жидовъ, будто бы нѣкогда побитыхъ мужикомъ. Жиды поспѣшно сошли съ воза.

7) *Жидъ судывся съ мужикомъ у пана* за деньги, которыя мужикъ поднялъ, и оба были высѣчены.

8) *Жидъ и разбойники.* Жидъ, боясь разбойниковъ, спрятался въ мѣшкѣ, когда ѣхалъ лѣсомъ, и кучеръ его прибилъ, притворно переговариваясь съ разбойниками.

9) *Шинкарь и мужикъ.* Мужикъ заложилъ шинкарю кожухъ за рубль и, по обману, отдалъ шинкарю этотъ рубль.

10) *Про стару бабу, що замужъ хтила* и 14) *Якъ баба за парубка замужъ пишла*—варіанты сказокъ, извѣстныхъ по сборникамъ Манжуры и Мошинской. Въ обѣихъ сказкахъ баба обманута парубкомъ.

11) *Жинка хозяйка* совѣтуетъ мужу украсть у пана пшеницы, а спечь хлѣба не умѣетъ.

12) *Якъ жинка пекла боця* — варіантъ сказки у Манжуры.

13) *Жинка безъ сорочки*—лѣнивая спалила свою сорочку въ ожиданіи, что мужъ привезетъ съ ярмарки новую.

14) *Баба и кувшинъ молока.* Баба мечтала, что изъ занятаго кувшинчика молока соберетъ и продастъ масло, купитъ курицу, продастъ курицу, купитъ кабана и т. д. до предположенія, что она поѣдетъ на своихъ бычкахъ на ярмарокъ и толкнетъ ногой, кто будетъ проситься къ ней подвезти; при этомъ она толкнула ногой кувшинъ и разбила его. Подобная великорусская сказка у *Садовникова* („Мордвинъ и заяцъ"), болгарская въ *Сборн. за народ. умотворенія* 1891 г. VI 126.

15) *Дидъ, баба, дивка и сучка* не хотѣли работать, зимой въ нуждѣ стали собирать колоски по полю въ снѣгу; панъ пообѣщалъ дать хлѣба; но они захотѣли еще молотаго и не получили никакого. Здѣсь любопытна одна черта: собираніе колосковъ, какъ знакъ бѣдности, встрѣчается въ *книгѣ Руѳь*, въ малорусской сказкѣ у *Манжуры* 52, греческой у *Гана* II 67.

16) *Лѣнивая кума* отказалась кумѣ нажать жита, и потомъ послѣдняя отказываетъ ей въ хлѣбѣ.

17) *Дидъ, баба и дивка едыныця.* Пришли сваты. Мать и дочь, а потомъ и отецъ заспорили, кого брать въ кумовья, когда родится ребенокъ. Сваты подумали, что дочь собирается родить и поспѣшили уйти.

18) *Баба жебрушча* посовѣтовала сварливой женѣ брать воду въ ротъ, чтобы мужъ не билъ ее, и супруги стали жить согласно.

19) *Кума пидперезана* — голая, куму стало стыдно; онъ сталъ говорить ей про голую куму и получилъ въ отвѣтъ, что та безъ стыда, а она хотя пидпоясалась.

20) *Вода зъ ледомъ.* Панъ въ Петривку спросилъ у бабы воды со льдомъ; баба сказала, чтобы спросилъ зимой; тогда у ней и свиньи пьютъ воду со льдомъ.

Г. Нейману кромѣ того принадлежитъ еще статья о пѣсенныхъ размѣрахъ и нѣсколько библіографическихъ статей въ Кіевск. Старинѣ (см. по „Указателю къ Кіевск. Стар." 1893 г. стр. 100) и статья о малорусскихъ думахъ въ „Ateneum" 1885 года.

Н. Сумцовъ.

ПИСЬМА М. А. МАКСИМОВИЧА КЪ С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Частная переписка лицъ, игравшихъ роль въ жизни общественной, конечно, заслуживаетъ того, чтобы быть опубликованной во всей полнотѣ своей, т. к. всегда въ такой перепискѣ найдутся строки, проливающія свѣтъ въ тотъ или другой уголокъ нашей общественности. Уже одни эти соображенія вполнѣ достаточны для того, чтобы оправдать помѣщеніе на страницахъ журнала писемъ такого сильнаго представителя науки, особенно по вопросамъ исторіи и литературы Южной Руси, какъ М. А. Максимовичъ, къ неменѣе знаменитому въ свое время профессору московскаго университета С. П. Шевыреву. Если прибавимъ къ этому, что данныя письма имѣютъ еще и исключительное значеніе, какъ дающія нѣсколько новыхъ свѣдѣній изъ біографіи Максимовича, а равно помогающія лучше уяснить себѣ нравственный обликъ этого человѣка,—то печатаніе ихъ получитъ еще большій интересъ. Считаемъ при этомъ нелишнимъ напомнить нашимъ читателямъ, что личность М. А. Максимовича, какъ по оригинальной судьбѣ жизни его, такъ еще болѣе по той роли, какую пришлось ему сыграть въ культурной жизни нашего Кіева, до сихъ поръ не изучена во всей полнотѣ и не охарактеризована съ полнымъ и всестороннимъ освѣщеніемъ всѣхъ изгибовъ его души. А между тѣмъ черезъ 2 года исполнится 25 лѣтъ со дня смерти его, и черезъ 8 лѣтъ—столѣтіе со дня рожденія его. Мы не сомнѣваемся, что къ тому времени благодарная память потомства найдетъ нужнымъ сказать о немъ свое вѣское, удостовѣренное фактами слово, а

равно исполнитъ и другое обязательство—издастъ дополнительный томъ его сочиненій, не вошедшихъ въ изданные раньше *три тома*, и прибавить еще одинъ томъ—его письма, отчасти напечатанныя въ разныхъ изданіяхъ, но вѣроятно въ большинствѣ остающіяся еще неопубликованными. Чтобы успѣшнѣе можно было исполнить все это впереди, нужно теперь-же начать собирать необходимые матеріалы; вслѣдствіе чего, печатая на первый разъ *одиннадцать* писемъ М. Максимовича къ С. П. Шевыреву, мы считаемъ себя вправѣ попросить всѣхъ лицъ, знавшихъ Максимовича и могущихъ передать о немъ свои впечатлѣнія или сообщить новые факты изъ его жизни, подѣлиться ими печатно, для чего между прочимъ мы охотно открываемъ страницы нашего журнала.

Печатаемыя теперь 11 писемъ М. А. Максимовича къ С. П. Шевыреву поступили въ 1892 году въ Императорскую Публичную Библіотеку вмѣстѣ съ другими цѣнными рукописями, купленными у наслѣдниковъ С. П. Шевырева. Благодаря любезности Директора Импер. Публичной Библіотеки, А. Ѳ. Бычкова, мы имѣли возможность воспользоваться этими письмами, за что считаемъ своимъ долгомъ выразить ему нашу сердечную благодарность.

Письма эти, главнымъ образомъ, относятся къ періоду 1854—1861 гг., т. к. только одно (первое) помѣчено 1840 годомъ, а одно (въ видѣ записки) хотя даты не имѣетъ, но очевидно писано въ тотъ-же періодъ, какъ и остальныя.

Извѣстно, что дружескія отношенія Максимовича съ Шевыревымъ установились давно и тянулись очень долго. Первое знакомство ихъ произошло въ то время, когда только-что начинавшій свою ученую и литературную дорогу естественникъ М. А. Максимовичъ, вошедши въ московскій литературный кругъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго и А. П. Елагиной, встрѣтился тамъ съ цѣлымъ рядомъ лицъ, оказавшихъ сильное вліяніе на совсѣмъ еще юнаго ученаго. Было это въ 1824 году, когда Максимовичъ, конечно, и не мечталъ о томъ, что впереди его связи и переписка съ Шевыревымъ могутъ держаться на общей для обоихъ

спеціальности—на вопросахъ о языкѣ и литературѣ; когда онъ только-что обратилъ на себя вниманіе ученаго круга своей книгой по зоологіи. Знакомство его съ Шевыревымъ далѣе стало укрѣпляться благодаря тому, что онъ понемногу началъ пріобщаться къ занятіямъ обще-литературнымъ, не покидая, впрочемъ, своей спеціальности. Такъ, въ 1830 году онъ издаетъ альманахъ „Денницу", во 2-й части котораго, вышедшей въ 1831 году, и въ 3-й, вышедшей въ 1834 году, мы встрѣчаемъ въ числѣ сотрудниковъ и Шевырева. Полная-же дружеская связь установилась между ними, очевидно, въ тотъ періодъ, когда Максимовичъ жилъ въ 1857—1859 годахъ въ Москвѣ, сначала въ качествѣ завѣдывающаго редакціей „Русской Бесѣды", затѣмъ въ качествѣ секретаря общества любителей русской словесности, и наконецъ, какъ редакторъ сочиненій И. В. Кирѣевскаго. Объ этой дружеской связи свидѣтельствуетъ тонъ писемъ, начиная съ 1860 года сразу переходящій въ обращеніи другъ къ другу на *ты*, между тѣмъ-какъ всѣ письма до этого времени писаны съ *Вы*.

Можно почти навѣрно сказать, что, кромѣ этихъ сохранившихся 11 писемъ, были и еще письма Максимовича къ Шевыреву; по крайней мѣрѣ одно письмо можно удостовѣрить фактически изъ печатаемаго теперь матеріала; такъ, въ письмѣ отъ 5 апр. 1854 г., Максимовичъ говоритъ: „отправивъ на почту 3 апрѣля мое длинное письмо къ Вамъ"...—и этого то письма и нѣтъ въ данномъ собраніи. Да оно и понятно, т. к. письмо это было возвращено Максимовичу самимъ Шевыревымъ, что видно изъ письма отъ 23 марта 1857 г., гдѣ сказано: „это (книги, присланныя Ш—ымъ) для меня, былъ драгоцѣнный подарокъ, *включая туда и автобіографическое мое письмо къ Вамъ, съ слѣдами Вашего историческаго на немъ труда*". Впрочемъ, можно думать, что это письмо представляло изъ себя автобіографическую записку, которою воспользовался Шевыревъ для Біографическаго Словаря Профессоровъ Московскаго Университета, но воспользовался не цѣликомъ, а только взявши изъ него необходимый матеріалъ для біографіи. Это видимъ изъ примѣчанія въ статьѣ С. Пономарева „М. А. Максимовичъ" (Біографич. и историко-литературн. очеркъ), гдѣ на стр. 2 чи-

таемъ: „ее (біографію Максимовича) обыкновенно считаютъ *автобіографіей*, но строго говоря, она не можетъ быть такъ названа. Максимовичъ послалъ, по требованію Шевырева, только сборникъ свѣдѣній о своей служебной и литературной дѣятельности для Словаря профессоровъ московскихъ, къ столѣтнему юбилею университета. Матеріалы эти подверглись немалымъ передѣлкамъ Шевырева, т. е. статья въ Словарѣ скорѣе можетъ быть названа его сочиненіемъ, нежели автобіографіей Максимовича“ [1]). Если г. С. Пономаревъ такъ положительно утверждаетъ этотъ фактъ, то мы не имѣемъ никакого права не принять его зная, что вся статья эта, писанная при жизни М. А. Максимовича, конечно, была составлена по указаніямъ его самого.

В. Науменко.

I.

11 окт. 1840 г. Кіевъ.

Почтеннѣйшій Степанъ Петровичъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ я письмо Ваше, напомнившее давно минувшее для меня время и нашу благодатную матушку Москву, и если бы въ силахъ былъ, исписалъ бы въ отвѣтъ Вамъ листокъ размѣра гораздо большаго, чѣмъ сей. Но я такъ слабъ, особенно очами, что пересталъ быть не только преподавателемъ и писателемъ книгъ, но можетъ быть скоро перестану (чего Боже упаси!) читателемъ и писателемъ даже писемъ, и безъ того уже пользуясь обыкновенно чужими очами и руками для сего дѣла [2]). Спѣшу однакоже собственноручно сказать Вамъ въ отвѣтъ:

---

[1]) Напечат. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г.; пользуемся отдѣльн. оттискомъ.

[2]) Еще живя въ Москвѣ, т. е. до 1834 года, Максимовичъ началъ замѣчать общее ослабленіе здоровья, а особенно зрѣнія, благодаря кропотливымъ и усидчивымъ работамъ при помощи микроскопа. Жизнь-же его въ Кіевѣ, при многосложныхъ занятіяхъ по новой для

1) Піеса, о коей Вы спрашиваете моего мнѣнія, слишкомъ изобилуетъ лирическимъ безпорядкомъ, а потому, не смотря на поэтическое свое достоинство, столь громко оглашенное въ прошломъ году журналами, она едвали съ желаемою пользою можетъ занять мѣсто въ педагогической хрестоматіи для юношества.

2) Москвитянинъ да подвизается во благо литературы нашей и за честь нашей Москвы!.. Богъ да поможетъ вамъ всѣмъ! Если и мнѣ будетъ Его благословеніе, и я сколько нибудь оправлюсь, то не премину явиться съ кирпичемъ хоть для задней стѣны, если съ камнемъ для закладки не въ состояніи. Теперь и для своего бѣднаго Кіевлянина [1]) не могу дописать двухъ уже начатыхъ давно статей,—и вѣроятно не самъ буду держать корректуру второй книжки, которая все таки выйдетъ... да не всѣ мои начинанія будутъ спотыкаться на первомъ томѣ [2]).

него кафедрѣ русской словесности, а особенно по должности ректора вновь открытаго университета, усилила эту слабость здоровья до того, что онъ уже чрезъ годъ, т. е. въ 1835 году, по болѣзни оставляетъ ректорство, а въ 1839 году доходитъ до такого состоянія, что читаетъ лекціи студентамъ у себя въ квартирѣ, и 30 сентября 1840 года подаетъ прошеніе о полной отставкѣ, которая послѣдовала только въ апрѣлѣ 1841 года. Какъ видно изъ даты на этомъ письмѣ, оно писано 11 октября 1840 года, т. е. вскорѣ послѣ подачи прошенія объ отставкѣ.

[1]) Максимовичъ, какъ человѣкъ, привыкшій въ Москвѣ къ журнальной дѣятельности, переѣхавъ въ Кіевъ, почти сразу-же задается мыслью создать и здѣсь нѣчто въ родѣ періодическаго изданія, особенно-же все болѣе и болѣе увлекаясь мѣстною исторіей и древностями; но для журнала тогдашній Кіевъ былъ еще не готовъ, а потому Максимовичъ рѣшаетъ начать изданіе альманаховъ и выпускаетъ въ свѣтъ въ 1840 году «Кіевлянинъ», часть 1-ю, затѣмъ въ 1841 году часть 2-ю, и только въ 1850 г. часть 3-ю.

[2]) Дѣйствительно, въ жизни Максимовича эта черта особенно рѣзко бросается въ глаза: всѣхъ крупныхъ его литературныхъ сочиненій выходила въ свѣтъ только 1-я часть; такъ, сборника малорусскихъ пѣсенъ вышла только 1-я часть (въ трехъ разныхъ изданіяхъ), Начатки русской филологіи, часть 1-я, Исторія древней русской словесности, часть 1-я.

3) Особенно жалѣю, что принужденъ, можетъ на долго, остановиться на первомъ томѣ Исторіи Рус. Сл., для которой въ продолженіе 6-лѣтней моей профессуры въ Кіевѣ трудился немало. Спасибо Вамъ за доброе слово и намѣреніе Ваше относительно 1-ой части моей Исторіи, которую такъ у Васъ *откатали*, что совѣстно за критика, но въ которой есть-же, право, порядочныя страницы. Мнѣ утѣшительно думать, что Вы дадите ходъ нѣкоторымъ моимъ мыслямъ о языкѣ, которому въ особенности посвящена первая часть—и это для меня будетъ самою пріятною наградою за трудъ [1]). Утѣшительно для меня и то, что именно Вы будете разработывать въ Москвѣ тотъ предметъ, которому я съ любовью посвящалъ послѣднюю долю моихъ работныхъ силъ. Особенно прошу Васъ поработать надъ среднимъ періодомъ (XIV—XVII), въ которомъ западно-русская половина такъ многознаменательна, но который доселѣ казался хаосомъ для предшедшихъ намъ историковъ.

За симъ желаю во всемъ Вамъ успѣха и обнимаю Васъ дружески Вашъ преданный

Максимовичъ.

P. S. *Изъ Кіевскаго бюллетеня*: погода стоитъ прененастная; министръ нашъ все хвораетъ флюсами и доселѣ оставался еще безвыѣзднымъ, пробыть здѣсь намѣренъ до 20 числа [2]); музы наши возсылаютъ мольбы къ Фебу, да просіяетъ онъ на небѣ для нашей бѣдной земли.

II.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій товарищъ Степанъ Петровичъ!

Третьяго дни получилъ я изъ Золотоноши письмо Ваше отъ 22 февраля... Честь Вамъ и слава, что собираетесь такъ достойно

[1]) Исторія древней русской словесности подверглась, какъ и слѣдовало ожидать, разнообразной критикѣ въ журналахъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ трудъ этотъ считался весьма слабымъ (см., напр., Отечествен. Записк. 1840 г., № 4); но Шевыревъ отнесся къ нему съ большимъ уваженіемъ, особенно что касается филологическихъ наблюденій автора.

[2]) Министръ С. Уваровъ, возвращавшійся тогда изъ заграницы, прожилъ осенью нѣсколько времени въ Кіевѣ.

на столѣтній праздникъ Московскаго Университета, слѣдственно—на праздникъ просвѣщенія Русскаго... Это такъ близко душѣ моей, ибо лучшая жизнь моя была тамъ, въ Московскомъ вертоградѣ; и два раза, въ годовое празднество его, говорилъ я нѣкогда рѣчи о немъ и о просвѣщеніи рускомъ [1]).

Въ настоящую минуту не могу не пожалѣть, что я не получилъ того письма отъ г. Фишера, о которомъ Вы упоминаете; я имѣлъ досугъ написать подробный отвѣтъ на задачу. Теперь я нездоровъ и смущенъ нѣкоторыми происшествіями частной жизни моей, въ послѣднее время часто смущаемой утратами близкихъ сердцу моему. Но задача такая лестная для меня, что я самъ-же для себя долженъ поспѣшить ея рѣшеніемъ: и потому недѣли черезъ двѣ вѣрно успѣю составить, хотя и не такой, какъ-бы хотѣлось, отвѣтъ Вамъ [2]). Помогай Богъ Вамъ въ трудахъ Вашихъ и сердечное Вамъ спасибо за добрую память обо мнѣ.

Почитающемъ Васъ и преданномъ Вамъ

М. Максимовичъ.

1854 г. 16 марта Михайлова Гора.

Прошу Васъ передать мой усердный поклонъ Аркадію Алексѣевичу.

---

[1]) Первый разъ выступилъ онъ въ Московскомъ университетѣ въ качествѣ оратора на торжествѣ 75-тилѣтія существованія своей almae matris в 12 января 1830 года произнесъ на актѣ рѣчь «Объ участіи Московскаго Университета въ просвѣщеніи Россіи»; черезъ два года, въ 1832 году, вторично онъ на актѣ произноситъ извѣстное слово свое «О русскомъ просвѣщеніи», доказывая, что самобытность непремѣнно должна быть удѣломъ народа, который хочетъ оставить наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ.

[2]) Конечно, здѣсь идетъ дѣло объ упомянутой раньше автобіографической запискѣ, которую Шевыревъ предложилъ написать ему для составленія Словаря профессоровъ Московскаго университета, изготовлявшагося къ столѣтнему университетскому торжеству. Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо 3-е.

P. S. Хочется мнѣ переселиться въ Москву, не для службы, для которой уже изветшалъ я, а для того, чтобы дожить вѣкъ въ мирномъ кабинетномъ трудѣ, въ той атмосферѣ, гдѣ мнѣ было *лучше*, какъ писателю и какъ человѣку... Да не имѣю достаточнаго способу на сіе переселеніе и водвореніе. Не придетъ-ли Вамъ на мысль какое либо къ тому средство? Не найдется-ли какого нибудь мѣста спокойнаго, сообразнаго вышеозначенной цѣли моего стремленія къ любезной намъ Москвѣ? Кіевъ, хотя и родной мнѣ, но выросши въ Москвѣ, я не сроднился съ нимъ для моей жизни... Люблю его святыню, старину и природу, но какъ посѣтитель и богомолецъ, а не какъ житель и труженикъ.

III.

5 апр. 1854 г. М. Гора.

Любезнѣйшій Степанъ Петровичъ!

Отправивъ на почту 3 апрѣля мое длинное письмо къ Вамъ, я доволенъ былъ собою, что исполнилъ Ваше пріятное мнѣ порученіе и доставилъ Вамъ изрядный запасъ для біографическаго обо мнѣ извѣстія въ *Словарь*... Я весьма благодаренъ былъ Вамъ и за то, что этою задачею вывели меня изъ безвыходнаго сидѣнія надъ *полками и сотнями* прежней Украины, надъ старинною межигорскою и другихъ украинскихъ монастырей, среди котораго застало меня письмо Ваше отъ 22 февраля [1]). Отвѣтомъ на него я какъ будто освѣжился къ веснѣ; и лишь о томъ пожалѣлъ, что не ранѣе мѣсяцемъ получилъ письмо ваше. Припоминая по свѣжему слѣду свое посланіе къ вамъ, на каждомъ почти шагу нахожу недомолвки и пропуски, сдѣланные въ торопяхъ, въ то время, какъ не мало настрочилъ такого, что по всей справедливости надо бы похерить. Но что написано уже—то ваше.

А въ ту копію моего письма, которую я просилъ Васъ и вновь прошу поручить какому либо борзописцу сдѣлать мнѣ

[1]) Максимовичъ тогда работалъ надъ капитальной статьей своей «Обозрѣніе городовыхъ полковъ и согенъ» (напечатано въ 1856 г.).

для жены моей, пусть онъ включитъ нѣсколько строкъ, которыя здѣсь напишутся...

Такъ, въ самомъ концѣ, гдѣ упомянулъ я о похоронахъ 24 февраля, не дописалъ я того, что хотѣлъ сказать, заговоривши объ этомъ днѣ: что мнѣ было чрезмѣрно тяжело, какъ будто знало сердце, что ему въ тотъ день было двѣ утраты.

Къ слову о назначеніи университета въ Кіевѣ надо приставить по-Гавриловски, т. е. *въ скобкахъ*: (1833 года, *8 ноября*, въ день патрона моего *архистратига Михаила*, издревле принятаго въ гербъ Кіева)... Это обстоятельство имѣло въ свою пору для меня большое значеніе, какъ и послѣ не разъ, въ важныхъ перемѣнахъ жизни, соединялось съ ними имя св. архистратига.

Послѣ вакаціи въ Ботанич. саду 1823 году, не сказалъ я болѣе существеннаго для меня:

А какимъ счастьемъ для меня была радость матери моей, когда она получила мой кандидатскій дипломъ!...

Вотъ нѣсколько словъ изъ ея письма отъ 11 іюля: „Благодарю Творца Небеснаго, что Онъ насъ не оставляетъ; и да ниспослетъ Онъ на тебя благодать свою на всю твою жизнь! Старайся, другъ мой, чтобы я наслѣдила бабушку твою Тимковскую, ибо я очень помню, какъ бывало она часто плачетъ отъ радостей за твоихъ дядей“...

Въ Москвѣ, гдѣ сказано, что я былъ преподавателемъ въ трехъ заведеніяхъ, можно бы, тоже по-Гавриловски, сказать: (Два раза по году преподавалъ я естественную исторію и въ Московской Коммерческой практической академіи).

Въ гимназическое время, гдѣ говорю о собираніи Новгородсѣверской флоры, весьма бы слѣдовало сказать:

А знакомство мое съ аптекаремъ Н. О. Компіони (бывшимъ послѣ смотрителемъ училища Новогородсѣверскаго) доставило мнѣ случай узнать, въ натурѣ и въ латинскихъ названіяхъ, цѣлое „врачебное веществословіе“.

Вслѣдъ за приглашеніемъ меня 1843 года въ Кіевъ [1]), слѣдовало бы сказать:

Не скоро и не охотно рѣшился я промѣнять на дѣятельность въ Кіевѣ мое Михайлогорское упокоеніе, въ которомъ я тогда обрѣлъ *снисканіе веліе* и то *довольство* жизнію, о которомъ говоритъ и пословица украинская: „якъ-бы хлѣбъ да одежа, то бы ѣвъ козакъ лежа“! А лежнемъ и сиднемъ былъ я не по своей волѣ.

Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Кіевѣ, 1845 г., [2]) существенно необходимо сказать бы:

Меня преслѣдовала тогда грустная мысль, что мои послѣдніе годы, годные для общественной дѣятельности, уходятъ понапрасну, и потому я, впродолженіе пяти лѣтъ, все ожидалъ, что меня примутъ опять на службу по Министерству Народнаго Просвѣщенія, или пошлютъ въ этнографическое путешествіе по Россіи отъ географическаго общества; но мои ожиданія не исполнились, и я въ 1850 году сказалъ себѣ: оставь надежду навсегда!

Малороссійскій Словарь, который подготовленъ у меня былъ для бывшаго министра А. С. Шишкова, тоже остался безъ выхода.

Но такихъ дополнительныхъ бликовъ въ набросокъ моей автобіографіи набралось бы, какъ вижу, много... довольно и этихъ! Листокъ кончается; развеликорѣчился не кстати, пора обратиться къ малословію! Прощайте! Вашъ

М. Максимовичъ.

IV.

(На листочкѣ съ надписью: „Степану Петровичу Шевыреву“).

---

[1]) Вышедши въ 1841 году по болѣзни въ отставку, Максимовичъ поселился у себя на хуторѣ, на прекрасной своей Михайловой горѣ; но черезъ два года, въ сентябрѣ 1843 г., его опять пригласили занять кафедру въ Кіевѣ, т. к. здоровье его значительно улучшилось.

[2]) Въ 1845 году Максимовичъ окончательно вышелъ въ отставку и навсегда покинулъ ученую кафедру.

Кланяюсь Вамъ, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ! И зная, что подъ конецъ академическаго года вы зѣло заняты бываете, скажу только, что я все жду отъ Васъ той *копіи* съ моего длиннаго письма къ Вамъ, которой я просилъ у Васъ, посылая письмо... Мнѣ она понадобилась, тѣмъ болѣе, ччо въ іюлѣ я ѣду отсюда, вѣроятно далеко и надолго... [1]).

12 іюня 1854 г. Вашъ. М. М.

V.

12 генваря 1857. М. Гора.

Не пропускаю дня сего, чтобы привѣтствовать Васъ, незабвенный и многоуважаемый мною Степанъ Петровичъ,—привѣтствовать съ новымъ годомъ нашего возлюбленнаго университета Московскаго, во славу котораго Вы такъ много поработали!

А я только вчера получилъ письмо Ваше и объявленіе на Ваши мнѣ книги, которыхъ давно уже хотѣлось мнѣ... Сердечно благодарю Васъ за воспоминаніе обо мнѣ и за подарокъ Вашъ, который займетъ меня такъ пріятно на слѣдующую недѣлю и перенесетъ мою всю душу и память въ широкіе предѣлы Бѣлокаменной и нашего возвышеннаго ея средоточія. Грустно мнѣ было только узнать изъ письма Вашего, что Вы поплатились такъ тяжело за свой усердный трудъ Всеучилищу Московскому... Ну, да видно безъ того уже нельзя обойтись при подобномъ искреннемъ трудѣ, какъ вѣдаю и по собственному опыту кіевскому... Слава Богу, однако, что Вы опять здравствуете!—Вы отказываетесь отъ другого Словаря—и Господь съ нимъ: чтобъ не было опять надсады, какъ случилось было со мною рецидивное горе въ 1845 году, когда при чтеніи приватныхъ лекцій въ университетѣ я со всеусердіемъ принялся было за новую „Временную коммиссію“ [2]). Но знаете-ли что: пока Вы еще на катедрѣ, ей-ей слѣдовало-бъ Вамъ издать продолженіе драгоцѣнной

---

[1]) На основаніи имѣющихся у насъ пока данныхъ біографическихъ, не можемъ рѣшить, на что намекается въ этихъ строкахъ.

[2]) Въ ноябрѣ 1843 года открылась въ Кіевѣ «Временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ», въ которой Максимовичъ сразу-

вашей „Исторіи Словесности“. Да вѣдь у Васъ и написаны лекціи! Ей-Богу надо издать! Видите сами: никто не издаетъ послѣ васъ! И великій недостатокъ ощущается въ этомъ дѣлѣ. Снабдѣніе лекцій такими обильными примѣчаніями, какъ въ 2 первыхъ книгахъ (которыя потребуютъ многокопотнаго труда), можно оставить впредь, въ долгій ящикъ отложить; но изложеніе самое, столь превосходное и существенное, какъ въ первыхъ книгахъ—это было-бы знаменитое и преполезное дѣло. Я помню Ваши нѣкоторыя лекціи въ Москвитянинѣ о словесности средневѣковой,—воображаю и предполагаю несомнѣнно, и знаю напередъ достоинство лекцій Вашихъ о новой литературѣ нашей: и какъ хорошо было-бы именно въ настоящую пору явиться имъ въ свѣтъ. Не говоря уже о публикѣ вообще, но именно два выростающія поколѣнія ея—университетское и гимназическое, наставники ихъ—и особенно гимназическіе,—вотъ кому особенно полезна и благотворна была ваша книга. Я въ 1845 году видѣлъ, какъ бѣдствуютъ они и колобродятъ безъ руководителя добраго, пробавляясь то запоздалымъ и отсталымъ Гречемъ, то пустозвонными рецензіями Бѣлинскаго покойнаго и прочихъ журнальныхъ глашатаевъ.—Говорю это голосомъ глубокаго сознанія и чистой совѣсти, что на Васъ, мой почтенный товарищъ, лежитъ святой долгъ—окончаніе начатаго Вами труда, пока Вы еще на катедрѣ и благовѣствуете о семъ предметѣ. Не говорите на это мнѣ—что-же я самъ не кончаю! Не сгони меня лихая болѣзнь совсѣмъ съ поприща, я окончилъ-бы; будь я опять на катедрѣ—кончилъ бы непремѣнно. Вамъ, говорю, легко уже потому, что у Васъ есть написанныя лекціи, стало быть обработать подготовленное остается... Я-же, какъ знаете, по свойству моему, не писалъ и даже старался не писать никакихъ записокъ,—и сойдя такъ давно съ катедры, не слѣдилъ уже предмета, и еще въ 1845 году писалъ, кажется Языкову, что Шевыреву и книги въ руки!

же принялъ дѣятельное участіе, выразившееся въ изданіи подъ его редакціей 1-го отдѣла 1-го тома «Памятниковъ» и въ подготовкѣ матеріала для 2-го тома.

Вы говорите, что Вашу дѣятельность берутъ двѣ катедры: какія это? Да если бы Вы только издали всю „Исторію Словесности“, я готовъ попроситься, набиться къ Вамъ въ лекторы, или коадъюторы на два или три полугодія, чтобы читать лекціи по три въ недѣлю, часовыя, словесность древнерусскую, потомъ средневѣковую, пожалуй хоть и семестръ о народной поэзіи, или объ русской рѣчи... Вотъ какая штука шевельнулась въ моемъ умѣ, при прочтеніи Вашего письма!.. Она можетъ улетѣть и пропасть, какъ мимолетное облако, и можетъ спуститься, если захотите Вы съ братіей, горячимъ аэролитомъ на Моховой... Первую лекцію прочелъ-бы заикающись и рдѣясь; а тамъ бы и распоясался да и пошелъ, пошелъ, какъ въ старину бывало! Въ иной часъ чувствуется еще, что не совсѣмъ угасла и простыла словесная сила. А между тѣмъ вѣрнѣе, что на семъ листѣ и кончится дѣло. Прощайте-же, любезнѣйшій друже, и будьте здоровы! Обнимаю Васъ отъ души.

Истинно уважающій Васъ

Михаилъ Максимовичъ.

Поклонъ мой любезному В... (не разобрано).

Гдѣ г. Трушковскій? Я ему весьма благодаренъ и обязанъ за сочиненія Гоголя.

VI.

23 марта 1857. М. Гора.

Приношу Вамъ, почтеннѣйшій Степанъ Петровичъ, великую благодарность за присланныя мнѣ вами книги ваши. Это для меня былъ драгоцѣнный подарокъ въ новомъ году, включая туда и автобіографическое мое письмо Вамъ, съ слѣдами вашего историческаго на немъ труда. Я съ наслажденіемъ прочелъ и Словарь, гдѣ особенно любовался Мерзляковскою біографіей, и исторію университета. столько-же удовлетворительную для насъ, какъ была многотрудною для Васъ; и юбилей, гдѣ Вы такъ краснословесно подвизались и первенствовали. Хвала Вамъ и память нескончаемая!

Какъ-же теперь здоровье Ваше? Пожалуста отзовитесь о себѣ хоть страничкою. Насытивъ разомъ такъ жирно, не дайте вслѣдъ за тѣмъ *слышать молчаніе* долгое. Насъ сверстниковъ все убываетъ; остается для меня не много; и въ числѣ этихъ немногихъ Вы одинъ изъ главныхъ, съ которымъ такъ хочешь иногда сказать свое, услышать твое слово. Я ни-зачто и недуманно лишился Погодина, который, какъ сужу по его молчанію письменному и отвѣту печатному, разсердился на меня... это и грустно и даже странно мнѣ. Не разсердился-же я на него, когда онъ не въ журналѣ, а въ книгѣ своихъ *Изслѣдованій* такъ немилостиво попиралъ мою книгу о Русской землѣ, черезъ 10 лѣтъ по ея выходѣ въ свѣтъ. Брань его во сколько кратъ тяжелѣ (sic) моихъ выходокъ, въ Филолог. П., писанныхъ по горячему слѣду, даже черезъ 10 недѣль, въ продолженіе которыхъ горячность могла бы упасть на градусъ; а у него, какъ видно, съ годами она возвышалась на мою *Русскую землю*. Впрочемъ, на его отвѣтъ я долженъ былъ отвѣчать печатно, что исполнилъ на другой-же день, а потомъ съ слѣдующею другою почтою [1]). Такъ какъ Москвитянинъ его редакціи прекращается, то прошу Васъ письмо мое о Тимковскихъ не давать туда, а если оно не пойдетъ въ дѣло у Васъ въ продолженіе года, то вы мнѣ его послѣ возвратите.

Мое здоровье въ послѣднія недѣли было весьма неисправно, даже скверно; но въ эту послѣднюю недѣлю слава Богу становлюсь лучше, и въ маѣ мѣсяцѣ располагаю ѣхать въ Кіевъ на минеральный водопой.

---

[1]) Дѣло идетъ о той полемикѣ, которая была у Максимовича съ Погодинымъ по вопросу о старобытности малорусскаго нарѣчія. Началась она по тому поводу, что Погодинъ въ письмѣ своемъ Срезневскому (Москвитян. 1856 г., № 2) утверждалъ, будто въ домонгольскій періодъ кіевская земля была заселена великороссами, а что малорусское племя переселилось сюда съ Карпатъ только въ XIV вѣкѣ. Максимовичъ отвѣтилъ на это «Филологическими письмами къ М. П. Погодину» (Русская Бесѣда 1856 г., № 3) и «Отвѣтными письмами Погодину» (тамъ-же 1857 г., кн. 2).

Я принялся за моего Украинца-Игоря, чтобъ въ Кіевѣ напечатать его[1]). Не рѣшаюсь еще, издавать-ли при стихотворномъ переводѣ и подлинникъ; какъ вы думаете? Примѣчанія все равно должны быть. Есть нѣсколько новыхъ вещей въ нихъ. Между прочимъ, читая вашу превосходную лекцію, замѣтилъ въ ней три промаха, которые и сообщу Вамъ: 1) 273 стр. Игорь не въ Путивлѣ ждалъ Всеволода, а за Донцемъ, какъ и у Васъ передъ тѣмъ на 269 — выходитъ разногласіе. 2) На стр. 291 обмолвка: Владиміра *Святославича* вм. *Глѣбовича*. 3) Стр. 321, прим. 26. Максимовичь „выкинулъ изъ своего изданія". Ай, ай! Слова изъ пѣсни не выкидать, а тамъ слова Бояновы! Я ошибался въ томъ собственно, что дерзнулъ перемѣстить это убійственное „Рекъ Боянъ"—къ Бояновымъ-же словамъ о Всеславѣ, смотрите въ моемъ изданіи стр. 40. Согласны-ли вы на объясненіе мое *темнаго мѣста*, напечатанное въ Москвитянинѣ (но рози нося)—кажется удовлетворительно оно.

А довольны ли Вы моимъ *Богданомъ*, а Ѳеофановой „Милостью Божою"?

Но все это *мѣлочи* (sic) передъ тѣмъ, что Вы обѣщали и о чемъ я просилъ Васъ въ послѣднемъ письмѣ: о продолженіи *Исторіи словесности*, будучи на ту пору готовъ сотрудничать Вамъ въ кабинетѣ и дѣйствительно готовъ и радъ, если бы перебрался въ Москву; но уже поздно мнѣ отсталому выходить на поприще общественное: это я созналъ, читая *юбилей*. Было времячко и для меня, да уже стало *давнопрошедшимъ*, хотя это время и отвергается новѣйшею грамматикою рускою.

Отъ всей души обнимаю Васъ.

М. Максимовичь.

Меня когда то и В. П. Кочубей и покойный Самаринъ приглашали въ воспитатели сыновьевъ ихъ. Не откроется-ли въ Москвѣ такого мѣста, чтобы поступить на жалованье профес-

---

[1]) Пѣснь о полку Игоря, переведенная Максимовичемъ на украинское нарѣчіе издана имъ въ Кіевѣ въ 1857 году.

сора учить сына или дочь по два часа въ день, съ ихъ разумѣется квартирою [1]).

VII.

Сердечно благодарю Васъ, почтеннѣйшій Степанъ Петровичъ, за Вашъ дружескій подарокъ, который всегда будитъ намъ наше молодое и для поэзіи золотое времячко! Желаю отъ души вашему поэтическому *Лагерю* одушевлять молодыя поколѣнія въ лагеряхъ военныхъ.

За бумагами—по назначеннымъ Вами часамъ, т. е. до 2-хъ, я и самъ не знаю, когда успѣю быть: развѣ въ суботу, но и то не ручаюсь навѣрное. Впрочемъ постараюсь.

Вашъ Максимовичъ.

5 февр. 1859 г.

Весь въ корректурѣ и срочномъ чтеніи: не стаетъ зрѣнія [2]).

VIII.

1860 г. 28 февраля М. Гора.

Любезный другъ, Степанъ Петровичъ!

Мы ни разу еще не аукнулись съ тобою послѣ нашей разлуки; но вотъ Господь привелъ меня отозваться къ тебѣ—радостнымъ для меня извѣстіемъ, что сего 22 февраля въ 7 часу вечера я сталъ отцомъ новорожденнаго сына *Алексѣя*: прошу

---

[1]) По всему видно, что Максимовичъ жаждалъ служебной дѣятельности не только ради исполненія общественной роли, но и ради заработка. Да и не диво: пришлось ему перебиваться, живучи въ маленькомъ хуторѣ и получая 763 рубля въ годъ пенсіи. Помнить надо также, что въ 1853 году онъ женился, и слѣдовательно матеріальный недостатокъ сталъ ощущаться еще болѣе.

[2]) Это письмо-записка писана въ Москвѣ, куда Максимовичъ, какъ было сказано ранѣе, переселился въ 1857 г.; въ это время (въ 1859 году) онъ редактировалъ сочиненія И. В. Кирѣевскаго, а также готовилъ къ выпуску свой сборникъ «Украинецъ», появившійся въ свѣтъ въ началѣ 1859 года.

принять въ твое благорасположеніе этого человѣка Божія и помолиться о немъ, да выростаетъ онъ здоровымъ и разумнымъ и словеснымъ! Моя Маруся вмѣстѣ со мною кланяется тебѣ; и душевно желаемъ мы тебѣ и всему семейству возможныхъ радостей и всякаго благополучія. Отъ всей души обнимаю тебя.

Преданный тебѣ

М. Максимовичъ.

P. S. Прошу передать мой поклонъ и вѣсть о рожденіи маленькаго Максимовича Степану Алексѣевичу Маслову.

IX.

1860. 25 окт. Мих. Гора.

Любезный другъ Степанъ Петровичъ!

Я такъ виноватъ передъ тобою моимъ молчаніемъ, что даже и извиняться совѣстно. Такъ мудрено для самого меня прошли эти полгода жизни моей, въ безвыѣздномъ уединеніи на Горѣ моей, въ безпечномъ бездѣйствіи внѣшнемъ, при сильномъ движеніи души внутри меня... Сто разъ вспоминалъ я тебя съ сердечною благодарностью: и за твой дружескій привѣтъ о богоданномъ моемъ сынишкѣ, и за подарокъ мнѣ второизданнаго твоего умственнаго дѣтища. Теперь на письмѣ говорю тебѣ великое, душевное мое *спасибо* за то и другое.

Твое письмо съ поэтическимъ привѣтомъ моему маленькому Золотоношцу положено въ начало *Изборника* его, какъ благословительная ему грамота на жизнь отъ поэта-профессора и добраго отца семейства. Господь послалъ мнѣ въ этомъ младенцѣ великую радость и замѣну тѣхъ сердечныхъ утратъ, которыя опустошаютъ прежній міръ души и жизни моей... Девятый мѣсяцъ уже, какъ я любуюсь всѣмъ сердцемъ моимъ этимъ прекраснымъ человѣчкомъ, явившимся, какъ подснѣжникъ на весенней проталинѣ... а что впереди, доживу-ли хоть до того, чтобы передать его уже грамотнаго на воспитаніе Москвѣ?..

Мнѣ очень жаль, что я на вторую зиму остаюсь въ разлученіи съ вами, съ которыми я какъ бы вновь сжился въ двѣ предпослѣднія зимы; при новой задачѣ моей жизни, еще уве-

личивается душевная потребность перебраться хоть бы и совсѣмъ на водвореніе въ Москвѣ, чтобы въ ней и вѣкъ дожить, но никакъ еще не приберу и не придумаю къ тому способу, а потому и остаюсь тутъ, хоть здѣсь на всякомъ шагу вижу и чувствую неудовлетвореніе всяческое.

Писать почти ничего не писалъ я во все время, кромѣ полемическихъ бездѣлушекъ, которыя ты видѣлъ въ СПБ. Вѣдомостяхъ, да нѣсколькихъ псалмовъ [1]), за которые, вѣроятно, такъ-же побранятъ меня Гацукъ и Кулишъ, какъ и за прежніе; но и эти новые псалмы, равно какъ и помянутыя газетныя бездѣлицы, я писалъ еще до прошлой весны, а съ той поры уже ничего не писалъ. И самому жаль, да что-же дѣлать, когда здѣсь не пишется. Къ сожалѣнію и читается мало мнѣ. Газетъ и журналовъ почти не вижу, кромѣ Разлеченія и Медицин. Газеты Смирнова; СПБ. вѣдомости получаю непостоянно и несвоевременно, отъ одного изъ сосѣдей моихъ; Московскихъ и въ глаза не видалъ въ этомъ году. За то съ какимъ аппетитомъ прочелъ я твою исторію Р. С. второго изданія! Хвала тебѣ, любезный другъ, за этотъ трудъ—истинно превосходный и монументальный! Твое введеніе весьма удовлетворительно и важно; дополненія, сдѣланныя по мѣстамъ, уравниваютъ науку съ вѣкомъ, или точнѣе — съ послѣдними годами вѣка сего; но уравнивается-ли современное поколѣніе съ наукою, въ которой ты надолго будешь передовымъ учителемъ. Помогай-же тебѣ Господь дотягивать спѣшно и благоуспѣшно до конца, т. е. не только до Петра, но до Александра—Пушкина и до Николая—Гоголя! Если что отпечатаешь, прошу тебя, присылай мнѣ тотчасъ; мнѣ въ сласть будетъ читать твое писаніе о томъ, что занимало нѣкогда мой умъ и что уже полузабыто мною, также какъ и ботаника, и зоологія, и многое, многое, отъ чего трещала голова и гнулся мозгъ въ молодыя лѣта мои.

Ты спрашиваешь моего мнѣнія о Литовщинѣ Русской: я не читалъ всего, что писано, но по отрывкамъ вижу, что это

[1]) Какъ извѣстно, Максимовичъ переводилъ псалмы на украинское нарѣчіе; часть ихъ была напечатана (Украинецъ 1859 г. и Галичанинъ-Львовъ 1867 г.), а часть остается въ рукописи.

дребедень, *Гуляй-Городокъ*, какъ справедливо назвалъ Погодинъ въ Р. Бесѣдѣ. Но мнѣ и его исповѣдь не понравилась, а диспутъ еще болѣе. Охота на старости молодечествовать, связываться съ неровнею и выходить на арену, несвойственную его солидной именитости. Мнѣ грустно было все это происшествіе [1]). Но я порадовался, что онъ наконецъ *одружился*, какъ говоримъ мы украинцы. Я писалъ ему поздравленіе въ Тифлисъ, узнавши, что онъ туда махнулъ; но отъ него нѣтъ отзыва мнѣ, даже и на мое увѣдомленіе его о моемъ новорожденомъ *чадцѣ*.

Какъ ты поживаешь? Что написалъ за лѣто? Какъ здравствуетъ твоя семья? Передай мой поклонъ Софьѣ Борисовнѣ. Жена моя свидѣтельствуетъ тебѣ свой поклонъ, вмѣстѣ съ своимъ *Алешею*.

Москва сбирается опять на зиму; ужъ вѣрно и ты въ ней давно. Ужъ и у насъ на Днѣпрѣ снѣжокъ пробуетъ убѣлить лице земли. И я уже дня по два и по три остаюсь затворникомъ въ своей тѣсной безкабинетной храминѣ коптить потолокъ ея и стѣны воскуреніемъ непотребнаго, но необходимаго мнѣ зелья... Какъ я ошибся, говоря нѣкогда, что если будетъ жена, то брошу трубку: трубку смѣнили папиросы; какъ слаба и несамовладна у насъ натура!

Отъ всей души обнимаю тебя.

М. Максимовичъ.

X.

10 генв. 1861 г. М. Гора.

Любезный другъ Степанъ Петровичъ!

Дружески обнимаю тебя, въ привѣтъ съ новымъ годомъ на твоемъ цвѣтущемъ новосельи. Даруй Господь тебѣ новыя силы тѣлесныя и душевныя, и новое вдохновеніе на продолженіе твоихъ научныхъ и поэтическихъ работъ. Осенью я писалъ къ тебѣ въ Москву, не зная, что ты уже далеко отъ нея, что Хомяковъ еще дальше ото всѣхъ насъ—ушолъ туда, гдѣ нѣтъ

[1]) Конечно, рѣчь идетъ объ извѣстномъ диспутѣ М. П. Погодина съ Н. И. Костомаровымъ.

ни печали, ни воздыханія; а за нимъ и богатырь Костя поспѣшилъ къ обожаемому своему отцу. Царство небесное имъ, а намъ живымъ да будетъ еще жизнь!

Я на горѣ своей обрѣтаюсь, благодаря Бога, въ довольномъ еще здравіи, жена моя тоже здравствуетъ; обое радуемся своимъ Алексѣйкомъ, истинно-прекраснымъ человѣкомъ Божіимъ. Въ декабрѣ я началъ писать; написалъ письма о Хмельницкомъ къ Костомарову въ Основу. Недосказанный Богданъ заслонялъ мнѣ все прочее. Возьмусь теперъ за что либо новое. Извѣсти меня о себѣ, какъ поживаешь и что работаешь? Впрочемъ, трудись поменьше, гуляй и лѣнись побольше,—особливо на первыхъ порахъ твоего пребыванія во Флоренціи, пока расцвѣтутъ новыя силы, или точнѣе—старыя силы новымъ цвѣтомъ. Поцѣлуй за меня ручку Софьи Борисовны, твоихъ дѣтокъ. Маруся моя цѣлуетъ твою сѣдую, серебряную голову, которая такъ полюбилась ей. А на моей головѣ и доселѣ—хоть бы сѣдинка... такая уже натура! Только усы все болѣе серебрятся. Прощай, друже! Вспоминай меня, любящаго тебя украинца Максимовича. Господь да хранитъ тебя!

Внизу написано рукою Максимовича; Степану Петровичу Шевыреву во Флоренцію.

XI.

Богъ да благословитъ новый трудъ Вашъ, почтеннѣйшій Степанъ Петровичъ, на пользу науки и просвѣщенія Русскаго!

Благодарю Васъ за присылку вашихъ двухъ книгъ; Вамъ посылаю записки Ильи Ѳ. Тимковскаго. Морозъ, говорятъ, великъ, а потому, если не убавится къ вечеру, то долженъ буду остаться дома и сегодня, ибо нога моя побаливаетъ еще и сегодня, хотя уже не такъ, какъ вчера.

Будьте здоровы и благополучны [1])!

Вашъ М. Максимовичъ.

---

[1]) Письмо это, вѣроятно, писано въ Москвѣ въ 1858 году, т. к. въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ былъ здѣсь только въ этомъ году.

ИЗЪ КОЛОМЫИ ВЪ КОСОВЪ.

Въ 1-й книгѣ „Кіевской Старины“ за 1896 годъ мы напечатали извлеченіе изъ путевыхъ записокъ по Галиціи г. Фр. Рѣгоря, извѣстнаго чешскаго этнографа, подъ названіемъ „Изъ Львова въ Коломыю“, при чемъ очень сожалѣли, что не могли помѣстить замѣчательно типичныхъ и характерныхъ рисунковъ, которыми почтенный путешественникъ украсилъ свои статьи въ чешскомъ иллюстрированномъ изданіи „Свѣтозоръ“ и безъ которыхъ сдѣланное нами извлеченіе, на нашъ взглядъ, много теряло. Оказалось однако же, что и безъ рисунковъ извлеченіе было принято довольно сочувственно читателями „Кіевской Старины“, и потому мы рѣшились предложить имъ въ настоящей книгѣ окончаніе вышеозначенныхъ путевыхъ записокъ, именно: очеркъ „Изъ Коломыи въ Косово“, помѣщенный въ числахъ 49, 50, 51 и 52 „Свѣтозора“ за 1894 годъ.

А. Степовичъ.

Коломыя, именуемая въ Галиціи „русскою столицею Покутья“, изъ всѣхъ значительныхъ городовъ этой области выдвинута на юго-востокъ наиболѣе. Привлекательность этого города въ значительной мѣрѣ ослабляется огромнымъ количествомъ евреевъ, да и вообще присутствіе семитскаго элемента въ значительной степени разрушаетъ поэтическія мечтанія, навѣваемыя прошлымъ и настоящимъ этого города. Положеніе города въ долинѣ Прута, вблизи Карпатъ, прекрасно, и какъ жители Покутья, такъ и Гуцулы относятся къ своей „столицѣ“ съ любовью

и почтеніемъ. Лѣтописецъ записалъ даже по этому поводу слѣдующій любопытный случай. Одинъ воинъ изъ Покутья былъ отправленъ своимъ господиномъ, графомъ Потоцкимъ, въ Парижъ съ какимъ-то порученіемъ. Совершивши благополучно путешествіе и исполнивши удачно порученіе, онъ возвратился домой и, на вопросъ господина, какъ ему понравилось въ Парижѣ, немало удивилъ его отвѣтомъ: „Лѣпше, пане, въ Коломыи.“ Пренебрежительная поговорка „французъ зъ Коломыи“ происходитъ отъ 1815 г., когда союзныя войска, а между ними и галицкіе полки, занимали Парижъ. По возвращеніи домой галичане отвѣчали точь въ точь такъ, какъ и вышеупомянутый воинъ гр. Потоцкаго. Впрочемъ, польскіе офицеры галицкихъ полковъ учились въ Парижѣ французскому языку очень усердно, и, по возвращеніи ихъ домой, въ Коломыѣ не ощущалось недостатка въ знатокахъ этого языка; а такъ какъ владѣли имъ они въ сущности плохо, то отсюда легко объясняется и происхожденіе названной поговорки.

Большой славою пользуется этотъ прикарпатскій городъ въ тѣхъ характерныхъ пѣсняхъ, по которымъ и мѣстная національная пляска названа коломыйкою; впрочемъ, трудно сказать съ увѣренностію, произошло ли это названіе отъ имени города, какъ обыкновенно полагаютъ, или самъ городъ получилъ свое названіе отъ этихъ пѣсенъ и пляски, сопровождаемой ими. На Покутьи доселѣ еще сохранилось огромное количество такихъ „коломыекъ“, на каждомъ шагу представляющихся собирателю. „Коломыйки“ касаются не только любви; въ ихъ содержаніи наблюдаются и черты того или иного народнаго отношенія къ самому городу Коломыѣ, любимому и прославленному, а иногда упоминается и о тѣхъ или иныхъ событіяхъ, которыя постигали его, напримѣръ—о пожарахъ, которымъ онъ неоднократно подвергался. Только въ одномъ случаѣ наблюдаемъ въ „коломыйкахъ“ недружелюбное отношеніе къ славному городу: это когда рѣчь идетъ о столь ненавистномъ народу рекрутскомъ наборѣ, о новобранцахъ.

„Ой не видно Коломыи, лышень видно кресты,
Туда будемъ, пане брате, карабины несты“..

Городъ Коломыя дѣлается извѣстнымъ уже въ XIII столѣтіи. Въ древнерусскихъ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ упоминанія и о городѣ, и о коломыйской соли, развозившейся русскими купцами по всѣмъ мѣстностямъ Южной Руси до самаго Приднѣпровья включительно. Во время Ягайла Коломыя была уже крѣпостью, получила отъ него въ 1424 г. различныя льготы по торговлѣ и между прочимъ судъ по нѣмецкому праву; тогда же было сдѣлано распоряженіе, чтобы главные торговые пути въ Румынію шли изъ края черезъ Коломыю.

Король Казиміръ IV, для усиленія значенія этого города, распорядился въ 1456 году, чтобы торговцы солью изъ окрестностей его, а также изъ Снятына и Коробца, ѣдучи въ Подолію, не объѣзжали Коломыи, а непремѣнно останавливались въ ней для продажи соли горожанамъ и имѣли бы даже постоянные склады соли. Въ 1502 и 1532 г. г. городъ дѣлался добычею валаховъ, князь которыхъ Петръ сжегъ даже его и опустошилъ всю страну до самаго Галича. Въ 1589 году турки перебили всѣхъ коломыйчанъ, отчаянно защищавшихъ отъ нихъ свой городъ. Частенько посѣщали Коломыю и татары, не разъ тоже сжигавшіе ее. И крѣпость и войско въ ней содержались на счетъ самихъ мѣщанъ, именно сборомъ съ домовъ, полей, пчелъ и проч.; кромѣ того, они же содержали семерыхъ православныхъ священниковъ, столькихъ же бочаровъ, двѣнадцать кожевниковъ, столькихъ же пекарей и гончаровъ. Въ Коломыѣ и теперь еще сходится нѣсколько большихъ дорогъ, изъ которыхъ каждая своимъ устьемъ образуетъ одно изъ городскихъ предмѣстій, состоящихъ изъ двухъ рядовъ небольшихъ хижинъ. Эти дороги, впрочемъ, видны еще и въ серединѣ города, только тамъ онѣ уже лишены рвовъ и обсажены деревьями.

Правильно расположенной площади очень вредитъ жидовскій базаръ, устроившійся прямо на самой серединѣ, вслѣдствіе чего она образовала два четырехъугольника. Меньшій четырехъугольникъ обрамленъ одноэтажными домами новой постройки и выгодно отличается отъ бо́льшаго, окруженнаго грязными еврейскими домами и лачугами. Видъ базара со стороны меньшаго четырехъугольника гораздо привлекательнѣе, чѣмъ съ другой

стороны, откуда въ особенности видны грязныя, темныя и тѣсныя лавченки, лѣпящіяся одна за другой и переполненныя по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ досужимъ сельскимъ людомъ, для котораго базаръ является мѣстомъ встрѣчъ и условленныхъ свиданій. Тутъ же на базарѣ, въ жидовскихъ лавченкахъ, пріобрѣтаетъ русскій селянинъ, не осмѣливающійся войти въ болѣе приличныя лавки, находящіяся насупротивъ, все, что ему нужно: съѣстные припасы, сукно или ситецъ на одежду, разныя женскія бездѣлушки и тряпки, на которыя потомъ глядятъ не наглядятся сельскія красавицы. Площадь украшена открытымъ въ 1880 году памятникомъ польскому поэту Карпинскому, родившемуся въ Коломыѣ. Чрезъ нее же проходитъ, а затѣмъ и по главной улицѣ, торговая желѣзная дорога, соединяющая Коломыю съ нефтяными источниками въ Рунгурской слободѣ. Поѣздъ идетъ каждые два часа и, проходя чрезъ городъ, останавливается въ разныхъ мѣстахъ и забираетъ тѣхъ, кто желаетъ ѣхать на желѣзнодорожный вокзалъ; такимъ лицамъ кондуктора выдаютъ билетики такого же вида, какъ и на городскихъ конкахъ.

Въ 1880 году общество изслѣдованія Карпатъ устроило въ Коломыѣ народоописательную русско-гуцульскую выставку, не избѣгавшую и предметовъ старины и охватывавшую главнѣйше собственное Покутье и галицкую Гуцульщину. Въ главномъ отдѣленіи выставки находились: 1) Издѣлія шерстяныя, льняныя и конопляныя; 2) Одежда и ея принадлежности; покрои можно было видѣть изъ одѣяній, надѣтыхъ на фигуры въ человѣческій ростъ; 3) Издѣлія сыромятныя и кожевенныя; 4) Издѣлія изъ мѣди и костяныя; 5) Бочарныя издѣлія; 6) Токарныя; 7) Гончарныя; 8) Молочное дѣло; 9) Армянская этнографія; 10) Модели хатъ и домашняя утварь; 11) Хозяйственная посуда; 12) Конская упряжь; 13) Охота; 14) Рыбная ловля; 15) Музыкальныя орудія; 16) Предметы обрядовые; 17) Писанки и крашеныя яйца; 18) Рисунки и разныя изображенія мѣстностей и лицъ, 19) Карты; 20) Этнографія цыганская. Имѣлись и тѣ орудія, съ помощію которыхъ изготовлялись тѣ или другіе предметы; иногда можно было наблюдать и поступательное движеніе той

или другой отрасли промышленности. Находились и предметы, касающіеся разныхъ другихъ сторонъ народнаго труда, каковы, напримѣръ, сплавливанье плотовъ, лѣсное дѣло, мосты, горные заводы и рудни, запруды и плотины—все изъ карпатскихъ мѣстностей. Въ другомъ отдѣленіи выставки помѣщены были лошади, овцы, рогатый скотъ, плоды и овощи, предметы ископаемые; словомъ, выставка должна была охватить и показать всѣ стороны народнаго быта.

Съ Коломыею тѣсно связаны почтенныя имена братьевъ *Бѣлоусовъ*, столь заслуженныхъ по отношенію къ судьбамъ своей бѣдной родины, особенно въ исторіи русскаго народнаго возрожденія страны за послѣднія тридцать лѣтъ. Старшій изъ нихъ *Ѳедоръ* умеръ лѣтъ пять тому назадъ отставнымъ гимназическимъ директоромъ. Между прочимъ онъ завѣщалъ свой домъ въ Надворнянскомъ предмѣстьѣ общежитію для галицкорусскихъ дѣвицъ и этимъ воздвигнулъ себѣ прочный памятникъ въ своемъ народѣ; кромѣ того, онъ матеріально помогъ своему брату *Михаилу* основать въ Коломыѣ въ 1864 г. первую книгопечатню, впрочемъ еще слишкомъ скромную по размѣрамъ. Ѳедоръ Бѣлоусъ извѣстенъ также нѣсколькими трудами изъ области родного народоописанія и древностей; перу его принадлежатъ и обширныя записки о путешествіи по Азіи и Европѣ.

Вышеупомянутая типографія скоро оказалась очень полезною для распространенія въ народѣ патріотическихъ произведеній тѣхъ немногихъ галицко-русскихъ народолюбцевъ, которые отъ времени до времени являлись въ коломыйскомъ краѣ. Таковы, напримѣръ, стихотворецъ священникъ *Лука Данкевичъ*, *Юлій Никоровичъ*. Они именно были основателями кружка „Русске литературне общество“, для котораго много писали; съ этихъ поръ единственный ручной печатный прессъ, пріобрѣтенный въ Прагѣ, бывъ приведенъ однажды въ дѣйствіе, уже не останавливался ни разу. Особенно много напечатано было копѣечныхъ книжекъ для народнаго чтенія, изъ которыхъ первая называлась „Село Липовицы“, а другая, вышедшая вслѣдъ за нею,—„Що Иванъ на тамтомъ свѣтѣ бачивъ“.

Въ концѣ 1865 г. Михаилъ Бѣлоусъ сталъ издавать двухнедѣльникъ „Голосъ народный“ для всего галицкорусскаго народа, тогда еще не разбитаго на разные политическіе станы, нерѣдко глубоко враждебные другъ другу, какъ послѣ оказалось. „Голосъ народный“ недолго однакоже существовалъ: уже въ 1867 году онъ долженъ былъ прекратить свое существованіе вслѣдствіе крайней непріязни къ народному русскому дѣлу со стороны польскихъ властей, а особенно намѣстника Галиціи гр. Голуховскаго, на милость и немилость котораго отдало вѣнское правительство судьбу червонорусскаго народа. Именно при немъ пострадало цѣлыхъ три галицкорусскихъ редактора: Богданъ Дѣдицкій, Шеховичъ и наконецъ Михаилъ Бѣлоусъ, который долженъ былъ отбыть восьмидневное заключеніе въ Станиславскомъ острогѣ въ обществѣ разныхъ негодяевъ найнизшаго разряда...

По прекращеніи „Голоса“ Бѣлоусъ сталъ подумывать о новомъ изданіи для народа, ради чего и началъ переписку съ двумя выдающимися галицкорусскими народолюбцами о. Иваномъ *Наумовичемъ* и *Шмерговскимъ*. Въ скоромъ времени появилось въ „Словѣ“ извѣстіе, что галицкорусское духовенство городского благочинія въ одномъ изъ своихъ собраній рѣшило издавать особыя вѣдомости для народа и осуществленіе этого предпріятія поручило о. Ивану Наумовичу. Скоро достовѣрность этого извѣстія была подтверждена самимъ Наумовичемъ, явившимся въ Коломыю уже съ готовой программою задуманнаго изданія, во главѣ котораго былъ поставленъ Михаилъ Бѣлоусъ. Дѣйствительно, къ новому 1870 году уже вышло первое число этого изданія „Русская Рада“, разошедшееся въ количествѣ 2000 экземпляровъ чуть ли не по всѣмъ населеннымъ мѣстамъ Галицкой Руси. Предисловіе было написано Наумовичемъ, предпославшимъ ему слѣдующій эпиграфъ:

Гой, панове господари, зробымъ собѣ раду,
А щобы мы на сѣмъ свѣтѣ не стояли сзаду.

„Русская Рада“ вызвала въ сельскомъ населеніи Галиціи самое живое сочувствіе и даже довольно дѣятельную переписку. Она уже въ первый годъ своего существованія считала восемьсотъ

подписчиковъ, что̀ должно считать весьма значительнымъ успѣхомъ, ежели принять въ разсчетъ тогдашнія условія галицкой жизни и нѣсколько мѣстный характеръ изданія. Были села, какъ, напримѣръ, Карлово, гдѣ имѣлось по 8—10 подписчиковъ, чему, безъ сомнѣнія, немало содѣйствовало духовенство, приглашавшее прихожанъ съ проповѣдническихъ каѳедръ къ подпискѣ на „Русскую Раду“ Еще въ томъ же 1870 году неутомимый Наумовичъ начинаетъ печатать въ Бѣлоусовой типографіи новое изданіе, съ рисунками, подъ названіемъ „Наука“, въ 1500 экз., открывши его замѣчательною статьею „Якимъ зѣльемъ вычаруваръ собѣ Онуфрій Грушковичъ довгій вѣкъ и богатство“. Изданіе это, выходящее, какъ извѣстно, и теперь въ Вѣнѣ, уже въ первый годъ своего существованія разошлось безъ остатка! Этотъ успѣхъ побудилъ Бѣлоуса издавать въ сообществѣ съ Наумовичемъ библіотеку для чтенія, подъ названіемъ „Читальня“, каковое изданіе стало расходиться въ количествѣ 400 экз.; оно имѣло преимущественно сельскохозяйственный характеръ, но заключало въ себѣ немало также повѣстей и разсказовъ.

Коломыйская книгопечатня доселѣ находится въ рукахъ своего основателя, но уже значительно расширилась и улучшилась и все еще продолжаетъ помогать народному возрожденію Прикарпатской Руси своими изданіями: Русская Рада, Батьковщина, Читальня.

Съ 1888 года процвѣтаетъ въ Коломыѣ патріотическое торговопромышленное общество „Гуцульска спо̀лка промыслова“, главною задачею которой является содѣйствіе возможно большему сбыту сельскихъ кустарныхъ издѣлій края. Общество это основано по почину настоящаго его предсѣдателя и директора Ил. Герасимовича при дѣятельной помощи со стороны мѣстныхъ образованныхъ людей, очень сочувствовавшихъ мысли освободить кустарный сельскій промыселъ отъ еврейскаго торговаго посредничества, столь убыточнаго для населенія. Общество очень дорожитъ возможностью поддержки гуцульскихъ издѣлій, съ одной стороны въ виду ихъ чисто этнографическаго интереса, а съ другой—вслѣдствіе иногда очень значительной чисто художественной цѣнности, представляемой ими, особенно гдѣ дѣло идетъ о

рѣзьбѣ. Несомнѣнно, благодаря усердной и добросовѣстной дѣятельности общества, благосостояніе гуцуловъ должно въ значительной степени возвыситься, такъ какъ, кромѣ освобожденія населенія отъ зловреднаго вліянія еврейскаго ростовщичества, благодѣтельныя послѣдствія для края можетъ имѣть и установка болѣе или менѣе постоянныхъ, опредѣленныхъ и устойчивыхъ цѣнъ на издѣлія, доставляемыя гуцулами въ мѣстный этнографическій музей, въ которомъ главнымъ образомъ сосредоточивается и развивается дѣятельность названнаго общества. Общество это пользуется значительной поддержкою и сочувствіемъ со стороны всѣхъ мыслящихъ людей края, и ему приходится вести борьбу только съ эксплоататорами-евреями, для которыхъ очень непріятно отсутствіе или даже затрудненіе возможности грабить населеніе по прежнему. Мысль—устроить именно при музеѣ складъ и продажу всѣхъ этихъ приносимыхъ селянами кустарныхъ издѣлій изъ дерева, соломы, глины, желтой мѣди, этихъ тканей, вышивокъ и т. п.—нельзя не признать очень удачною, такъ какъ подобнымъ путемъ очень облегчается ознакомленіе публики съ этими предметами и ихъ сбытъ. Мало того, такимъ образомъ удалось открыть дорогу этимъ издѣліямъ въ другія части Галиціи и Австріи и даже за границу, именно при посредствѣ разныхъ мѣстныхъ музеевъ, а также музеевъ вѣнскаго и лондонскаго. Теперь уже гуцульскія кустарныя издѣлія принимаются для распродажи и во Львовѣ („Народна торговля“—первая и наилучшая галицкорусская крупная лавка въ этомъ городѣ) и между прочимъ, въ тамошнихъ земскихъ торговыхъ радахъ (Bazar kvajowy), особенно съ тѣхъ поръ, какъ „Гуцульска спо́лка“ устроила при своемъ кустарномъ складѣ и учебную мастерскую рѣзьбы и столярства по народнымъ образцамъ. Въ этой учебной мастерской, уже обращенной усиліями общества въ правительственное ремесленное училище, учатся и работаютъ главнымъ образомъ сельскія же дѣти, конечно, изъ наиболѣе даровитыхъ; лица, окончившія курсъ этого заведенія, очень охотно принимаются въ лучшія ремесленныя мастерскія г. Львова, такъ какъ они оказываются близко знакомыми съ

народнымъ вкусомъ, образцами и узорами, что начинаетъ очень цѣниться въ мѣстномъ образованномъ обществѣ.

При выѣздѣ изъ Коломыи на Косово, чрезъ Прутъ перекинутъ крѣпкій мостъ, что однако не мѣшаетъ ему подвергаться частымъ разрушеніямъ вслѣдствіе наводненій, составляющихъ сущій бичъ этой части Галиціи: отъ дождей небольшіе горные ручьи и потоки обращаются въ разъяренныя рѣки, послѣ чего отъ грозной стихіи нѣтъ никому и ничему пощады... Самъ авторъ чуть было не подвергся непріятности быть задержаннымъ вслѣдствіе наводненія, случись оно днемъ-двумя раньше; а такая задержка, ежели бы она произошла, могла бы быть очень продолжительной, не короче, по шутливому выраженію автора, того времени, какое понадобилось для роста новыхъ волосъ у тѣхъ господъ, которые, по словамъ народной пѣсни, пришли въ Коломыю съ волосами, тамъ подрались, а оттуда шли уже безволосые; къ сожалѣнію, народная пѣсня не сообщаетъ, какъ было принято это непріятное извѣстіе тою милою „любкою“, которой оно стало извѣстно:

Та у тои Коломыи мосты споруждены (сооружены);
Туда мы шли зъ кучерями (кудрями), одтиль безволосы.
Туда мы шли зъ кучерями, одтиль безволосы,
Подывыся файна любко, чи такъ придало си.

Отъ Коломыи до Косова считается верстъ 35; для автора, ѣхавшаго въ омнибусѣ, этотъ незначительный путь показался цѣлой вѣчностію: такъ мучительна ѣзда въ этихъ общественныхъ экипажахъ. За Коломыею сначала промелькнуло Яблоново, затѣмъ пошла подгорьями Карпатъ тяжелая дорога къ чисто еврейскому мѣстечку Пыстыни; наконецъ, продолжительный тоскливый звукъ почтоваго рожка возвѣстилъ о приближеніи Косова, этой обѣтованной земли Гуцула. Этотъ горный городокъ, вмѣстѣ съ Десятиннымъ и Кутами, является ближайшимъ, гдѣ гуцулы могутъ накупить необходимыхъ для своего хозяйственнаго обихода вещей и припасовъ, продать скотъ, бринзу, шерсть, сукно, разную деревянную посуду и прочія свои издѣлія. Отовсюду стѣсненный городами Косовъ свободенъ отъ нихъ только къ юго-востоку, куда открывается, правда, узкая, но за то чрезвы-

чайно далекая и характерная перспектива на равнины, и откуда является доступъ теплымъ вѣтрамъ, благотворно воздѣйствующимъ на мѣстную растительность. Объ этомъ говорятъ вамъ обремененныя плодами деревья и цѣлые лѣса необыкновенно высокой пшенички, или кукурузы; очень дешево вамъ предложатъ полными корзинами огромныя пахучія яблоки, исполинскія маслянистыя груши, сливы. Еще любвеобильна тамъ природа и благосклонно даритъ свои плоды бѣдному червонорусу... Близъ самой городской площади Косова высится Пискова гора, словно бы искусственно возведенная. На ней возвышается крестъ,—эта духовная опора той кучкѣ христіанъ, которая разбросана по городу среди массы „избраннаго“ народа и возрастаетъ въ числѣ, ежели подвигаться отъ средины города къ его окраинамъ: тамъ, на окраинахъ, встрѣчаются еще сельскія хатки и чистенькіе мѣщанскіе домики съ плодовыми садиками и предоконными цвѣтниками. По тѣмъ улицамъ, гдѣ больше живетъ евреевъ, невозможно проходить: такой тамъ стоитъ ужасно зловонный воздухъ вслѣдствіе того, что еврейскія дѣти не стѣсняясь производятъ тутъ же всѣ свои естественныя отправленія...

Косовская церковь окружена стѣной, которая, возвышаясь въ одномъ мѣстѣ, образуетъ три сводистыхъ окна въ романскомъ вкусѣ; подъ каждымъ сводомъ виситъ колоколъ, что все вмѣстѣ и замѣняетъ звоницу или колокольню, такъ какъ при церкви не имѣется особой башни для этого. На алтарныхъ престолахъ ставятся въ этой мѣстности низенькіе, на широкомъ основаніи, глиняные подсвѣчники, украшенные либо одной зеленою поливою цвѣточками и листочками желтыми, зелеными и темными. Косовскія глиняныя издѣлія пользуются вообще большою извѣстностью во всемъ гуцульскомъ краѣ и въ равнинахъ, даже до самой Коломыи.

Особенно славятся не столько кувшины и разныя миски съ довольно первобытными украшеніями, сколько изразцы, на которыхъ часто бываютъ изображены не только растенія и животныя, но и цѣлыя картины изъ жизни какъ польской, панской, такъ и червонорусской, простонародной; любопытно при этомъ то обстоятельство, что каждый изразецъ изображаетъ [illegible]ельную ка-

кую-нибудь картину, и такія картинки отнюдь не повторяются и даже не варьируются... Между косовскими гончарами наибольшей славою пользуется самоучка *Александръ Бахметюкъ*, родившійся въ 1820 году и извѣстный у поляковъ подъ именемъ Бахминскаго. Его издѣлія были удостоены нѣсколькихъ наградъ на разныхъ выставкахъ и послѣ его смерти буквально шли на расхватъ, почему ихъ можно встрѣчать въ продажѣ съ каждымъ годомъ все меньше и меньше. Наиболѣе полныя собранія Бахметюковыхъ гончарныхъ издѣлій хранятся въ разныхъ галицкихъ музеяхъ; въ пражскомъ музеѣ Наперстка имѣются изъ этихъ издѣлій жбанъ, двуухая чашка и цвѣточная ваза. Бахметюкъ отличался замѣчательнымъ вкусомъ въ выборѣ украшеній и приготовленіемъ какой-то особенно прозрачной глазурной поливы, тайну состава которой взялъ съ собою въ могилу. Вотъ почему всѣ работы его отличаются значительными художественными достоинствами и извѣстны обыкновенно подъ названіемъ *Косовскихъ майоликъ*. О Бахметюкѣ извѣстно мало: онъ учился своему художеству подъ наблюденіемъ отца, отъ котораго унаслѣдовалъ мастерскую и искусство котораго усовершенствовалъ; умѣлъ онъ только читать и писать и никогда не выѣзжалъ изъ мѣста своего рожденія. Всѣ издѣлія его отличаются замѣчательнымъ своеобразіемъ вкуса и разнообразіемъ украшеній, особенно въ видѣ растеній, и между ними не найдется и двухъ совершенно сходныхъ предметовъ. Изъ украшеній у Бахметюка удачнѣе выходятъ растенія, чѣмъ дома, звѣри и проч. Техника у него и у прочихъ мѣстныхъ гончаровъ одна и та же. Въ десятитомномъ трудѣ о домашнемъ промыслѣ червонороссовъ его керамикѣ отведенъ цѣлый выпускъ, гдѣ также помѣщено его жизнеописаніе съ портретомъ, оцѣнены и изображены лучшія его издѣлія, описаны всѣ техническія подробности работы. Вотъ въ чемъ состоитъ сущность этой техники. Украшенія врѣзываются такъ называемымъ „рыльцемъ“ въ предметъ, уже высушенный, политый бѣлой фаянсовой глиною, причемъ, тѣ мѣста, которыя имѣютъ быть темнокраснаго цвѣта, натираются вохрою. На предметъ, уже обожженный, наносятся цвѣта желтый и зеленый, послѣ чего онъ поливается глазурью и обжига-

ется вторично. Для размалыванія красокъ и вообще веществъ, употребляемыхъ для изготовленія поливы, служатъ обыкновенныя ручныя двухкаменныя мельнички, служащія для размалыванія зерна. Самое выжиганіе, или выпаливаніе предметовъ происходитъ въ особой печи съ трубою; матеріаломъ для этой печи служитъ кирпичъ или, что бываетъ еще чаще, обыкновенный рѣчной камень, грубо обмазанный глиною изнутри печи.

Успѣшно идетъ по слѣдамъ Бахметюка, иногда даже достигая его высоты, изъ современныхъ галицкихъ гончаровъ только одинъ *Кощукъ*.

Въ Коломыѣ имѣется даже училище гончарскаго дѣла, въ которомъ довольно успѣшно привилась Бахметюкова орнаментика.

Косовъ, находясь на границѣ горной и дольной частей Галиціи, служитъ по воскресеньямъ мѣстомъ, гдѣ сходятся и подаютъ другъ другу руки жители горъ—гуцулы и жители равнинъ—русины; тогда на улицахъ и площадяхъ этого города развивается весьма бойкая и своеобразная жизнь. Гуцульскія женщины покупаютъ себѣ разныя блестящія бездѣлки для украшенія головы и пестрые платки; мужчины выбираютъ себѣ шляпы, косы, порохъ и другія вещества для заряживанія ружей; гуцульскіе мѣдники запасаются матеріаломъ для своихъ издѣлій. Торговцы, расположившись на наиболѣе людныхъ мѣстахъ, уловляютъ весь этотъ народъ, предлагая ему также всяческія ремесленныя орудія, иконки, часы и множество разнаго рода другихъ мелочей, иногда нелишнихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Тамъ и сямъ взоръ вашъ встрѣчаетъ цѣлыя желтозеленыя кучи огурцовъ, бѣлѣющія кучки зеренъ фасоли, вѣнки луку, стручки перца, горы картофеля; въ другихъ мѣстахъ подъ полотняными навѣсами наваленъ другъ на друга печеный хлѣбъ, крендели; далѣе палатки съ краснымъ товаромъ, зеркальцами, иголками, нитками и т. п. пестраго заграничнаго товара, привезеннаго неугомоннымъ евреемъ и продаваемаго втридорога. По праздникамъ горожане, носящіе въ будніе дни коротенькія фланелевыя кацавейки, надѣваютъ черные такъ называемые *сардаки* съ воротниками и клиньями изъ краснаго сукна; соломенныя шляпы украшены

черными лентами; брюки обыкновенные полотняные и закладываются въ сапоги. Замужнія женщины обворачиваютъ себѣ головы такъ называемыми *перемитками*, ткущимися здѣсь также и для гуцулокъ. Продаются перемитки не обрубленными; обрубы продаются отдѣльно.

Перемитка представляетъ изъ себя обыкновенный длинный полотняный, обрубленный по концамъ ручникъ, и въ Косовѣ обычная длина ея 171 сентиментръ, а ширина 50 сент. Параллельно съ обрубленными концами, на нѣкоторомъ отъ нихъ отдаленіи, идетъ такъ называемый „заборъ", шириною въ 12 сентиметровъ, вотканный изъ цвѣтной шерсти и золотыхъ нитей въ полотняную основу; золотыя нити особенно приходятся по вкусу гуцулкамъ. Обрубы стараются дѣлать, въ отношеніи цвѣта, соотвѣтственно „заборамъ". Готовую перемитку мастеръ разстилаетъ на столѣ и ея болѣе длинный конецъ (115 сентим.) сложитъ по ширинѣ вчетверо, а болѣе короткій оставляетъ не тронутымъ для покрытія головы; затѣмъ сложенной частью и остаткомъ несложенной обворачивается голова вокругъ лба (при чемъ складывается вчетверо и эта первоначально оставшаяся несложенною часть) такимъ образомъ, что оба конца перемитки завязываются на затылкѣ легкимъ узломъ и затѣмъ плавно спускаются обоими заборами по бедрамъ. Хорошо надѣтая перемитка можетъ быть легко снята съ головы въ томъ видѣ, въ какомъ она была устроена. Вотканный заборъ замѣняется иногда, особенно на Покутьи, вышитымъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ работа производится самими дѣвушками, приготовляющими себѣ перемитку, или, какъ тамъ говорятъ, „завой", къ свадьбѣ. Такія вышивки производятся такъ сказать наизусть, безъ образца и узора; отъ того въ селѣ не найдется и двухъ перемитокъ, совершенно сходныхъ между собою въ отношеніи вышивокъ.

Ткацкимъ промысломъ занимается въ Косовѣ много семействъ; существуетъ даже и училище ткацкаго дѣла. Изъ ткацкихъ издѣлій въ образованномъ обществѣ раньше всего распространились шерстяные передники, во вкусѣ сельскихъ „запасокъ", съ преобладаніемъ въ нихъ краснаго цвѣта, иногда съ попереч-

ными вставками изъ народныхъ вышивокъ, или золотыхъ либо серебряныхъ нитей.

У одного ткача авторъ нашелъ совершенно готовое пестрое одѣяло. Садъ этого ткача изобиловалъ густымъ „вѣникомъ“ (Artemisa Absyntium—обычная полынь), изъ стеблей котораго и вяжутся предметы того же названія для метенія избъ; ткачъ снабжалъ этими вѣниками чуть ли не всѣхъ косовцевъ.

Въ общественной столовой Косова собирается лучшее общество этого города, раздѣляющееся, къ сожалѣнію, на двѣ враждебныя группы: галицкорусскую и польскую; насупротивъ столовой на той же улицѣ помѣщается въ двухъ скромныхъ комнаткахъ и общественная читальня съ незначительнымъ количествомъ книгъ и повременныхъ изданій, преимущественно галицкорусскихъ. Для утоленія жажды служитъ прекрасный и недорогой напитокъ „буркутъ“—сѣрнистожелѣзная шипучая вода, въ изобиліи доставляемая въ запечатанныхъ бутылкахъ изъ глуби горъ; въ мѣстныхъ врачебныхъ книгахъ и изданіяхъ есть упоминанія о прекрасныхъ цѣлительныхъ свойствахъ этой воды.

Сельскій людъ окрестностей Косова живетъ очень бѣдно и буквально день изо дня еле перебивается то скудной платой за жалкую „ординарную работу“ по двору, какъ выражаются польскіе паны, то небезопаснымъ, вслѣдствіе польскихъ запрещеній, сборомъ грибовъ, ягодъ и т. п., то ничтожнымъ достаткомъ съ своихъ бѣдныхъ полевыхъ участковъ, у кого они есть; многіе находятся въ вѣчномъ неоплатномъ долгу то у евреевъ, то у польскихъ пановъ... Дѣтвора у нихъ ходитъ вѣчно нагою и босою; къ веснѣ уже зачастую не хватаетъ съѣстныхъ припасовъ, и тотъ, у кого есть какая либо жалкая молочная коровка, считается еще счастливцемъ: молоко нужно продать на разныя нужды, а для собственнаго питанія достаточно и маисовой каши на водѣ или хлѣба, заключающаго въ себѣ значительную долю отрубей; кромѣ того, существованіе коровы обезпечиваетъ и возможность въ будущемъ получить что-либо, въ случаѣ крайней нужды, въ долгъ, что́ при отсутствіи коровы является уже

невозможнымъ и дѣлаетъ положеніе такого крестьянина поистинѣ безнадежнымъ: жидъ тогда на всѣ просьбы отвѣчаетъ лишь пожиманіемъ плечъ...

На Косовской ярмаркѣ авторъ видѣлъ нѣсколько странныя на его взглядъ проявленія воздѣйствія заѣзжей культуры на мѣстныхъ жителей: вмѣсто палокъ они опирались на громадные сѣрые дождевые зонты, эти зонты—явленіе совершенно новое, плодъ самой недавней моды и, по замѣчанію автора, такъ же мало гармонируютъ со всей внѣшностію галицкорусскаго крестьянина, защищеннаго отъ пагубнаго вліянія дождей достаточно толстой и грубой одеждою и отнюдь не боящагося даже ливней, какъ и видѣнныя у нѣкоторыхъ изъ нихъ фарфоровыя трубки въ зубахъ.

Окрестности Косова извѣстны своими солеварнями и нефтяными источниками, начинающими соперничать съ американскими и кавказскими. Косовскія соляныя варницы доставляютъ ежегодно 68000 метрическихъ центнеровъ соли. Впрочемъ, такихъ варницъ, образовавшихся по образцу Косовскихъ, насчитывается на всемъ карпатскомъ взгорьѣ восемь; наибольшая находится въ Стебникѣ (127000 центн.), затѣмъ въ Болеховѣ (101500 ц.), Ляцкѣ (85000 ц.), Делятинѣ (81617 ц.), Дорогобычѣ (81000 ц.), Калуши (66000 ц.), Долинѣ (64700 ц.) и наконецъ въ Ланчинѣ (46700 ц.). По присоединеніи Галиціи къ Австрійскому государству уничтожено было болѣе 70 соловаренъ. Кромѣ соляныхъ варницъ, въ Галиціи имѣются также 18 соляныхъ источниковъ и 69 соляныхъ рапъ.

Мѣстонахожденія нефти открыты въ Галиціи Игнатіемъ Лукашевичемъ въ 1850 году, и съ тѣхъ поръ нефтяной промыселъ съ каждымъ годомъ растетъ въ Галиціи и развивается особенно съ того времени, когда начали производить болѣе глубокія буренія, вызывающія болѣе сильный напоръ подземной нефти, стремящейся выйти наружу. Одинъ изъ такихъ нефтяныхъ фонтановъ въ окрестностяхъ Кросна сначала билъ на поверхость съ такою силою, что сорвалъ крышу съ башни вышиною 18 метровъ и съ трудомъ былъ удержанъ въ должныхъ

границахъ особыми приспособленіями. Еще и теперь этотъ источникъ даетъ ежедневно 600 ведеръ нефти. Нефтяный промыселъ находится въ Галиціи преимущественно въ рукахъ евреевъ и иностранцевъ, и только въ послѣднее время привлечены къ нему мѣстные христіанскіе капиталы, именно польскіе.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ вопросу объ источникахъ „Вія“. Вій едвали не лучшая повѣсть Гоголя изъ малорусскаго быта. Шумная бурсацкая жизнь, внезапно смѣняющаяся безмолвіемъ степи и картиной короткой лѣтней ночи; типъ панночки съ влажными глазами и длинными рѣсницами, выражающій темныя стороны женской природы и такъ удачно схваченный покойнымъ Макѣшинымъ въ «Пчелѣ»; веселые дни въ панскомъ дворѣ, страшныя ночи и мрачный конецъ,—всё вмѣстѣ составляетъ чудное цѣлое, дорогое, лучшее воспоминаніе дѣтства нѣсколькихъ поколѣній. Въ «Віѣ» нѣтъ также ни искусственности «Страшной мести», ни этнографическихъ неточностей нѣкоторыхъ другихъ повѣстей Гоголя, указанныхъ въ извѣстныхъ статьяхъ П. А. Кулиша въ Основѣ 1861 года. Напротивъ, «Вій» созданъ на этнографической основѣ. Профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ въ ст. Параллели въ повѣсти Н В. Гоголя «Вій». («Кіев. Стар.» 92 г., № 3, стр. 472) считаетъ «Вія» передѣлкой народной сказки о смерти вѣдьмы. Въ самомъ дѣлѣ, сходство произведенія Гоголя съ народными разсказами открывается съ перваго же столкновенія панночки съ Хомою Брутомъ: она вскакиваетъ къ нему на спину «съ проворствомъ кошки». Многіе народные разсказы начинаются такъ же, напр.: «батько йшлы на досвитки, колы била кишка скочыла имъ на вьязы». Или: «видьма перевернулась кишкою и стала паробкови стрыбать на плечи». «Ишлы мы у двохъ съ товарышемъ дуже пизно, проты недили, додому,—разсказывалъ козакъ С. Хитцовъ; выйшлы насередъ слободы. Ось пидъ тыномъ иде жинка безъ запасокъ и роспатлана. Я злякався, А товарышъ выломавъ съ тыну ломаку. Я кажу ёму: «не займай ии». а винъ говорыть: «я ии вдарю». Замахнувъ на неи и вдарывъ

разъ. Заходылась вона тоди чыпляться на плечи ёму. Винъ каже: «важко мени на плечахъ, не дійду додому. Доведы мене, братику!» Винъ упавъ тричи коло свого двору, ставъ плакать, я позвавъ его матирь и брата. Якъ вводылы товарыша въ хату и одчынылы хатни двери, тоди скочыла у ёго съ плечей чорна кишка». Иногда раздраженная вѣдьма разъѣзжаетъ на парнѣ всю ночь и окончательно изнуряетъ его. Затѣмъ, дальнѣйшіе мотивы повѣсти Гоголя: ѣзда Брута на вѣдьмѣ, смерть послѣдней и отпѣваніе ея въ церкви—встрѣчаются какъ въ народныхъ сказкахъ, перечисленныхъ въ ст. профес. Сумцова, такъ и въ новыхъ «Этногр. матер. Гринченка» (Черниг. 95 г., вып. 1., стр. 67—71 и 209) и въ слѣдующихъ двухъ сказкахъ, записанныхъ мною въ лубенскомъ уѣздѣ.

1. Бувъ соби чоловикъ и державъ винъ робитныка. Одна дивка хотила съ тимъ робитныкомъ ночувать, а винъ не хоче. А дивка та була видьма. Якъ выйде винъ съ хаты, то вона якъ насяде, то винъ везе ажъ до свого порога. То бувъ такый хорошый парубокъ, а то ставъ такый якъ сухарь. Дядько пытается: «чого ты такый сухый ставъ?»—Оттого, каже робитныкъ, що я зъ такою дивкою не хочу ночувать, а вона вязне. Якъ выйду съ хаты, то вона якъ насяде, тай й йиздыть по мени.—Нажъ тоби рубъ грошей та пиды ты до такого то дида; винъ тоби шось дасть. Пишовъ парубокъ до дида. Дидъ давъ ёму дубчыкъ и сказавъ: «иды та не дывысь наливо, а дывысь направо». Иде винъ, дывытся. Видьма до ёго,—а винъ тимъ дубчыкомъ якъ хлыснувъ ій, вона й перекынулась. Винъ узявъ, перекынувъ ій черезъ тынъ у двиръ и пишовъ до дому. Ось на утро прыходыть до ёго тій дивкы батько и просыть: «прыйды псалтыря чытать».

— Якъ дасы, каже робитныкъ, сто рубливъ, то пиду.—Дамъ. Винъ прыйшовъ, ставъ чытать. Чыта, чыта цилу ничъ. Ось такъ якъ опивночи спускается къ ёму анголъ: «що ты чытаешъ, рабъ Божый? Сядь на прывалочку коло стовпа тай чытай». Сивъ той роботныкъ чыта, колы встае та дивка, шарыла, шарыла по хати, нема ёго, не найде, и подалась изъ хаты. Насклыкала видёмъ може штукъ зъ двадцять. Шукають воны, шукають—не найдуть. Послалы за кіевською видьмою. Та кіевська вбигла въ хату, каже: «онъ на прывалочку коло стовпа сыдыть». Такъ видьмы не возьмуть ёго. Послала кіевська видьма сбирать недогаркивъ зъ сирныкивъ. Нанеслы видьмы сирныкивъ тихъ и наклалы ажъ пидъ сволокъ коло стовпа и запалылы. Колы пивень: кукурику! Воны й розбиглысь, а мертва тамъ и впала. Винъ устався, сирныкы затушывъ, бабивъ побудывъ,

ін положылы на лаву. У день загреблы ін и осыковый крестъ закопалы (отъ кр. с. Литвяковъ, О. Батенка).

2. Повыходылы хлопци и дивчата гулять на улыцю и балакають, якъ видьмы знимають зирки зъ неба. Кажуть: одна жинка зняла свитову зирку у глечыкъ, завьязала и у погребъ поставыла. Отъ протлила та тряпка и вылетила та зирка зъ погреба. Отъ ти хлопци и думають: якъ же вона ін зняла зъ неба? Одна дивка и каже: и я зныму. «Воны ін и пытають: якъ же ты знимешъ»? Каже: «поставъ складаный ножыкъ у гору жаломъ; якъ стану я на той ножыкъ, та надлизу трохы, то не пхай ты того ножыка». Отъ вона надлизла трохы, винъ узявъ и пхнувъ. Вона впала и сказала: «яжъ казала, щобъ не пхавъ». Отъ у друге вона вже надлизла далеко, винъ пхнувъ. Вона впала и убылася. И прыснылося ін батькови: хай же той парубокъ, що пхнувъ нижъ, прыйде на тры ночи до церквы, и одныпить ёму половыну свого багатства. Батько ёму сказавъ, а винъ сомливается, боится, що вона ёго задавыть. Ёго баба вже каже: якъ итымешъ, то зайдешъ до мене. Винъ зайшовъ, баба ёму й каже: «сядь на дзвиныци за хрестомъ». Отъ винъ сивъ, колы мертви видьмы йидуть на сывихъ коняхъ и прыйихалы до забора до церквы и посидалы на палитишкы, що пообдырана кора. Якъ зачалы ёго скризь шукать попидъ церквою. Отъ пивни заспивалы, воны дей дилысь. Отъ винъ иде и на другу ничъ, зайшовъ до тіи бабы. Вона ёму и каже: «иды жъ та сидай упять за хрестомъ». Отъ винъ слуха гудуть такы: сывымы кинькы летять. Прыйихалы до забора, посидалы на палитишкы, шукалы, шукалы—не найшлы. Спивають пивни, воны й полетилы. Вона каже: «вже на ту ничъ найду и задавлю»! Винъ зайшовъ до тіи бабы и журыться. Вона й каже: «возьми пивня и сядь за хрестомъ; якъ будуть воны до тебе долитать, прыдавышъ ты пивня пидъ крыла—винъ заспива». Отъ винъ слуха, летять воны; прылетилы до забора. Якъ зачалы шукать, якъ зачалы шукать—не найдуть. Отъ одна и каже: «аже въ насъ есть старша у Кіиви, послать за нею,—та найде». Послалы за нею, вона прылетила и побачыла. Якъ пустылыся воны вси до ёго, винъ пивня прыдавывъ пидъ крыла, пивень заспивавъ. Воны дей дилысь. Винъ излизъ, пишовъ до ін батька, такъ той ёму половыну багатства одпысавъ. (Отъ кр. хут. Яновщины, Ф. Байченковой). Впрочемъ, перечисленныя варіанты сказки о смерти вѣдьмы и вообще всѣ до сихъ поръ записанные — заключаютъ въ себѣ не только черты сходства съ «Віемъ», но и существенныя различія.

Такъ, парень сказокъ никогда не предоставляется однимъ своимъ силамъ. Какая нибудь благосклонная старуха родственница, опытная невѣстка, дидъ, даже ангелъ даютъ ему наставленія и прямую помощь въ опасности. Напротивъ, Хома Брутъ постоянно стоитъ одинокимъ, даже въ минуты особаго напряженія душевныхъ силъ, въ церкви. Большинство дворни относится къ нему съ холоднымъ равнодушіемъ, иногда напоминающимъ извѣстный анекдотъ о тонувшемъ человѣкѣ, котораго успокаивали присутствующіе словами: тонить дядюшка! Это одиночество въ рѣшительныя минуты особенно усиливаетъ трагизмъ положенія Брута. «Господы! стилькы страхивъ на одного чоловика!» замѣтила однажды крестьянская дѣвушка, слушавшая чтеніе «Вія». Можетъ быть и несчастный конецъ Брута слѣдуетъ отчасти приписать его полному одиночеству, тогда какъ всѣ сказки, параллельныя «Вію», кончаются благополучно,—въ чемъ заключается другое существенное отличіе ихъ отъ «Вія». Есть и еще разница въ фабулѣ народныхъ сказокъ и повѣсти Гоголя. Первыя обходятся безъ Вія и рѣшающее значеніе при разысканіи и указаніи парня принадлежитъ въ нихъ старшей кіевской вѣдьмѣ. Кажется, до сихъ поръ вообще не записано еще ни одного народнаго разсказа о фантастическомъ существѣ съ именемъ и характеромъ Вія. Въ программу, составленную VI археологическимъ съѣздомъ для собиранія свѣдѣній о народныхъ суевѣріяхъ и повѣріяхъ въ южной Россіи, былъ включенъ, между прочимъ, и вопросъ о Віѣ, но доставлены ли какія нибудь данныя о послѣднемъ – неизвѣстно. Да и у Гоголя Вій ничѣмъ не связанъ съ сущностью повѣсти—столкновеніемъ панночки съ Хомою Брутомъ. Онъ появляется здѣсь случайно, безъ всякой внутренней необходимости, съ характеромъ посторонней слѣпой силы и равнодушіемъ судьбы. Самая его наружность указываетъ на какое то подземное божество смерти. «Какъ жилистые, крѣпкіе корни выдавались его засыпанныя землею ноги и руки. Длинныя вѣки опущены были до самой земли». Голосъ его подземный, лицо желѣзное. Появленіе такого образа среди мертвой тишины церкви чрезвычайно эфектно и несомнѣнно усиливаетъ впечатлѣніе ужаснаго. Быть можетъ, для усиленія впечатлѣнія Вій и введенъ въ повѣсть изъ другихъ народныхъ сказокъ, постороннихъ мотиву о смерти вѣдьми и отчитываніи ея парнемъ.

В. Милорадовичъ.

Къ исторіи малорусскаго духовенства. Проэктъ «о выгодностяхъ малороссійскаго духовенства», представленный при рапортѣ Кіевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго 4 марта 1768 года за № 139 въ Св. Синодъ, для разсмотрѣнія и передачи въ Московскую коммиссію «о сочиненіи Новаго Уложенія».

14 декабря 1766 года опубликовано было Высочайшее распоряженіе Императрицы Екатерины II о сочиненіи Новаго Уложенія. Св. Синодъ указомъ, послѣдовавшимъ 10 сентября 1767 года за № 1976, предписалъ Кіевскому митрополиту Арсенію Могилянскому и епископамъ Черниговскому Кириллу и Переяславскому Гервасію, чтобы «они сочинили проэктъ о выгодностяхъ малороссійскаго духовенства и обстоятельные пункты такового проэкта безъ замедленій представили къ разсмотрѣнію въ Св. Синодъ съ нарочнымъ, который бы могъ сдѣлать по онымъ потребныя объясненія, если бы таковыя понадобились, какъ въ самомъ Св. Синодѣ, такъ равно и въ Московской коммиссіи».

Во исполненіе прописаннаго указа Кіевская Консисторія, по резолюціи своего архипастыря, собрала (какія могла) привилегіи, разновременно жалованныя малороссійскому духовенству, какъ отъ великихъ князей литовскихъ и королей польскихъ, такъ и государей россійскихъ. На основаніи собраннаго матеріала и письменныхъ заявленій, присланныхъ нѣкоторыми малороссійскими протопопами и настоятелями монастырей, члены кіевской консисторіи, подъ руководствомъ митрополита Арсенія, составили затребованный проэктъ и въ 74 пунктахъ его изложили свою просьбу «о дарованіи малороссійскому духовенству разнаго рода выгодностей и возвращеніи ему тѣхъ правъ, привиллегій, вольностей и свободъ, которыми оно пользовалось въ прежнія времена».

На состоявшихся въ Кіевской Консисторіи 21, 22 и 23 февраля 1768 г. засѣданіяхъ упомянутый проэктъ былъ заслушанъ, одобренъ и подписанъ, какъ митрополитомъ Арсеніемъ, такъ и всѣми архимандритами, игуменами и протопопами Кіевской епархіи, и 4 марта того же года, при рапортѣ его преосвященства за № 139, чрезъ іеро-

---

[1]) Какъ переписка объ этомъ проэктѣ, такъ и копія его, подписанная митрополитомъ Арсеніемъ и всѣми архимандритами, игуменами, протопопами и намѣстниками ихъ, хранится въ архивѣ кіевской консисторіи въ книгѣ подъ заглавіемъ: „Опись полученнымъ указамъ изъ Св. Синода за 1767 годъ". Въ Кіево-Печерской лаврѣ хранится должно быть копія проэкта (См. *А. М. Лазаревскаго*) Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи III, 158.

монаха Кіево-Печерской Лавры Каллиста отосланъ въ Св. Синодъ, для разсмотрѣнія и передачи въ Московскую Коммиссію. Іеромонаху Каллисту на расходы его было выдано 500 рублей изъ суммъ, собранныхъ отъ малороссійскаго духовенства.

Краткое содержаніе каждаго изъ 74 пунктовъ проэкта.

1. О возстановленіи правъ, вольностей и свободъ, которыя дарованы были малороссійскому духовенству привиллегіею польскаго Короля Жигмунда Августа, подписанною 8 іюня 1569 года, и 1654 года вошли въ договоръ, заключенный Государемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и гетманомъ Зиновіемъ Богданомъ Хмельницкимъ.

2. О дарованіи равенства священнослужителямъ, ихъ женамъ и дѣтямъ съ лицами шляхетнаго чина.

3. О дарованіи священнослужителямъ права не только покупать козачьи грунты и угодія, но и принимать оные на поминовеніе.

4. О безпрепятственномъ производствѣ винокуреній священнослужителями для своихъ надобностей.

5. Объ освобожденіи вдовъ священнослужителей и сиротъ ихъ отъ общенародныхъ повинностей и податей.

6. Объ освобожденіи священнослужительскихъ дворовъ отъ военнаго постоя.

7. Объ освобожденіи священническихъ подсусѣдковъ отъ рублеваго налога.

8. О свободномъ пользованіи священно-и церковнослужителями ругою и доходами за совершеніе церковныхъ требъ.

9. О воспрещеніи помѣщикамъ имѣть власть надъ церквами и надъ священно-и церковнослужителями и ихъ семействами.

10. Объ освобожденіи поступающихъ на церковнослужительскія должности отъ податей и общенародныхъ повинностей.

11. Объ опредѣленіи къ соборнымъ храмамъ по два дьячка, по два пономаря и по два сторожа.

12. Объ ассигнованіи на содержаніе протопопскихъ правленій суммы въ такомъ же размѣрѣ, въ какомъ она ассигнуется на содержаніе свѣтскихъ правленій.

13. О назначеніи малороссійскимъ протопопамъ жалованья въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ оно выдается свѣтскимъ властямъ того же ранга.

14. О пресѣченіи беззаконныхъ браковъ.

15. Объ освобожденіи священно-и церковнослужительскихъ земель и угодій отъ налоговъ.

16. О присвоеніи церквамъ права пользоваться цеховыми денежными сборами.

17. О возобновленіи выдачи государевaго жалованья кіевскимъ и нѣжинскимъ священникамъ за царскіе молебны.

18. О вознагражденіи священниковъ за земли ихъ, которыя отошли къ новороссійской губерніи.

19. Объ освобожденіи монастырскихъ крестьянъ отъ податей и общенародныхъ повинностей.

20. О предоставленіи монастырямъ права отыскивать свои земли и угодія, которыя за потерею купчихъ крѣпостей или по другимъ обстоятельствамъ отошли въ чужія руки.

21. О свободной куплѣ монастырями недвижимыхъ имуществъ.

22. О воспрещеніи военнымъ командамъ чинить обиды монастырямъ чрезъ потраву ихъ сѣнокосовъ и посѣвовъ.

23. О воспрещеніи военнымъ командамъ занимать квартиры въ монастырскихъ деревняхъ.

24. О назначеніи платы за волы, которые берутся для арміи у монастырскихъ крестьянъ.

25. О безденежномъ возвращеніи монастырямъ земель, которыя отчуждены отъ монастырскихъ крестьянъ куплею и другими сдѣлками.

26. О даровомъ обмежеваніи монастырскихъ угодій и земель.

27. О воспрещеніи военнымъ командамъ рубить для своей надобности монастырскіе лѣса.

28. О невоспрещеніи монастырямъ производить винокуреніе и продажу питейныхъ напитковъ въ своихъ шинкахъ.

29. Объ освобожденіи монастырскихъ подворьевъ отъ постоя.

30. О воспрещеніи великороссійскимъ чиновникамъ безмездно пользоваться монастырскими лѣсами.

31. Объ освобожденіи монастырей отъ обязательнаго дарового отвода своихъ сѣнокосовъ для гарнизонныхъ лошадей.

32. О невоспрещеніи монастырямъ свободнаго владѣнія тѣми своими угодіями, которыя находятся за пограничными рогатками.

33. Объ освобожденіи монастырей отъ казеннаго оклада за пользованіе тѣми своими грунтами, которые находятся въ новороссійской губерніи.

34. О возвращеніи Кіево-Софійскому каѳедральному монастырю и прочимъ малороссійскимъ монастырямъ права пользоваться десятиною отъ рыбной ловли и пошлинами базарными, мельничными и

переѣзднымн чрезъ мосты и паромы, устроенные монастырскимъ коштомъ.

35. О подтвержденіи за монастырями свободнаго пользованія имуществомъ, остающимся по смерти монаховъ.

36. О возвращеніи кіевскимъ митрополитамъ ихъ прежнихъ правъ и преимуществъ.

37. О возвращеніи кіевскому митрополиту титула «Кіевскій, Галицкій и Малыя Россіи».

38. О бывшей подвѣдомственности черниговской епархіи кіевскимъ митрополитамъ.

39. О бывшей подвѣдомственности переяславской епархіи кіевскимъ митрополитамъ.

40. О бывшей подвѣдомственности кіевскимъ митрополитамъ епархій: 1) Володимірской и Берестенской, 2) Луцкой и Острожской, 3) Полоцкой и Витебской, 4) Туровской и Пинской, 5) Бѣльской, 6) Хелмской, 7) Галицкой, Львовской и Каменецкой, 8) Брестской, 9) Могилевской, Мстиславской и Оршанской, 10) Перемышльской, 11) Подольской и 12) Самборской,— которыя, исключая Могилевской, отпали отъ православія и подчиненія кіевскимъ митрополитамъ, а признали надъ собою власть римскаго папы.

41. О подчиненіи кіевскому митрополиту Кіево-Печерской Лавры.

42. О подчиненіи кіевскому митрополиту Кіево-Межигорскаго монастыря.

43. О возвращеніи кіевскому митрополиту издавна принадлежавшихъ ему правъ суда и расправы по дѣйствіямъ архіереевъ южнорусскаго края.

44. О возвращеніи кіевскому митрополиту права, безъ сношенія съ Св. Синодомъ, производить достойныхъ лицъ въ чинъ архимандричій.

45. О предоставленіи кіевскому митрополиту права имѣть типографію и разрѣшать, безъ сношенія съ Св. Синодомъ, печатаніе церковно-богослужебныхъ книгъ и руководствъ для питомцевъ кіевской академіи.

46. О возвращеніи въ составъ кіевской епархіи протопопій Крыловской и Новомиргородской.

47. Объ ассигнованіи для содержанія кіевскаго митрополита вмѣсто сборовъ отъ свадьбъ иной суммы.

48. О присвоеніи канцелярскимъ чиновникамъ Консисторіи тѣхъ правъ на положеніе священства, какими пользуются обучавшіеся въ академіи.

49. О порядкѣ сношеній кіевскаго митрополита и кіевской Консисторіи съ Малороссійской Коллегіею.

50. О присвоеніи настоятельскихъ правъ при соборныхъ церквахъ одному изъ заслуженнѣйшихъ соборныхъ священниковъ.

51. О представленіи правъ и преимуществъ наставникамъ кіевской академіи о подтвержденіи ея привиллегій.

52. О воспрещеніи кіевскому магистрату и Губернской Канцеляріи привлекать къ своему суду наставниковъ и питомцевъ академіи.

53. О возобновленіи выдачи жалованья изъ Губернской Канцеляріи ректору и наставникамъ кіевской академіи.

54. Объ ассигнованіи денежной суммы на содержаніе зданій и питомцевъ кіевской академіи.

55. О предоставленіи питомцамъ академіи правъ на полученіе чиновъ гражданскихъ.

56. Объ утвержденіи Высочайшею грамотою студенческаго дома Бурсы.

57. О рукоположеніи студентовъ академіи въ священный санъ безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ козачьей службы и о постриженіи ихъ въ монашество раньше трехлѣтняго монастырскаго послушанія.

58. О рукоположеніи окончившихъ курсъ академіи во священство безъ полученія ими отъ помѣщиковъ презентовъ на приходы.

59). О воспрещеніи свѣтскимъ чиновникамъ привлекать священнослужителей къ своему суду мимо вѣдома и соизволенія митрополита и обязательномъ приглашеніи духовныхъ депутатовъ въ гражданскіе суды, когда происходитъ судоговореніе о преступленіяхъ священно-и церковнослужителей.

60. О воспрещеніи свѣтскимъ командамъ брать подъ арестъ лицъ, подвѣдомственныхъ духовной власти, исключая только тѣхъ случаевъ, когда эти лица будутъ изобличены въ воровствѣ, убійствѣ и другихъ криминальныхъ преступленіяхъ.

61. О воспрещеніи приводить къ присягѣ священнослужителей и лицъ монашескаго званія.

62. О воспрещеніи гражданскимъ чиновникамъ вызывать священнослужителей, какъ свидѣтелей, въ гражданскіе суды къ допросамъ и о замѣнѣ такового вызова посылкою къ нимъ вопросныхъ пунктовъ.

63. Объ освобожденіи лицъ, лишенныхъ за свои преступленія священства, отъ всякаго другого рода наказаній, которыя опредѣлены закономъ за тѣ же преступленія.

64. О назначеніи строгой кары тѣмъ, которые самоправно обижаютъ священно-и церковнослужителей и монаховъ и покушаются присвоить себѣ церковное и монастырское имущество.

65. О назначеніи кары тѣмъ доносчикамъ и отвѣтчикамъ, которые въ назначенные сроки не являются въ духовныя правленія.

66. Объ избраніи вольными голосами кандидатовъ изъ природныхъ малороссіянъ на званіе митрополита кіевскаго.

67. О прекращеніи по монастырямъ и приходскимъ церквамъ кошельковаго сбора для вспомоществованія заграничнымъ монастырямъ и церквамъ.

68. Объ отмѣнѣ генеральной ревизіи надъ монастырскими церковными и священническими недвижимыми имуществами.

69. О составленіи духовныхъ завѣщаній не иначе, какъ въ присутствіи священнослужителей.

70. Объ ассигнованіи жалованья священно-и церковнослужителямъ ружныхъ церквей.

71. О предоставленіи монастырямъ и бѣлому духовенству права свободной купли хлѣба и дерева для производства винокуренія.

72. О предоставленіи исключительно духовной власти права налагать церковное покаяніе на явныхъ нарушителей Закона Божія.

73. О назначеніи кары тѣмъ, кто скрываетъ законопреступниковъ и знающихъ о нихъ, но не сообщающихъ.

74. Заключительная просьба о подтвержденіи въ прежнія времена дарованныхъ кіевскому митрополиту и всему малороссійскому духовному чину правъ, привилегій, преимуществъ, вольностей, свободъ и обыклыхъ поведеній.

Пункты о возвращеніи кіевскимъ митрополитамъ тѣхъ правъ и привиллегій, которыми они пользовались прежде.

36.

«Кіевскіе митрополиты, отъ самаго начала просвѣщенія Россійскаго народа крещеніемъ, со всѣми до митрополіи кіевской надлежащими епископами, архимандріями, игуменствами, братствами, монастырями, церквами, чиномъ духовнымъ и причтомъ церковнымъ были подъ благословеніемъ и послушаніемъ Святѣйшихъ вселенскихъ Константинопольскихъ патріарховъ, и отъ нихъ святѣйшихъ патріарховъ рукоположеніе и возведеніе на престолъ митрополіи кіевскія воспріймали и титуловались митрополитами кіевскими, галицкими и всея Россіи (а когда, кромѣ митрополита въ Кіевѣ, сталъ быть мит-

рополитъ въ Москвѣ, то всея Малыя Россіи) и Экзархами Святѣйшаго апостольскаго Константинопольскаго Ѳрону; а съ нихъ митрополиты Петръ Могила, Сильвестръ Косовъ и Діонисій Балабанъ и архимандритами Печерскія Кіевскія Лавры писались; и всегда они митрополиты кіевскіе со всѣми до митрополіи кіевской надлежавшими епископіями, архимандріями, игуменствами, братствами, монастырями, церквами, чиномъ духовнымъ и причтомъ церковнымъ при корояхъ польскихъ, великихъ князьяхъ литовскихъ пользовались во всемъ равными правами, привилегіями, преимуществами, вольностями и обыкновенными, какъ и знатное малорусское шляхетство. Якіе всѣ права, привиллегіи, преимущества, вольности и обыкновенія и блаженныя и вѣчно достойныя памяти государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, когда гетманъ Зѣновій Богданъ Хмѣльницкій, ради единовѣрія, приступилъ подъ высокодержавную Его Царскаго Величества руку, жалованными какъ всѣмъ малороссійскимъ чинамъ, такъ и духовному чину подтвердить, и малороссійскій народъ въ томъ числѣ и духовный чинъ при всѣхъ тѣхъ правахъ, привилегіяхъ, преимуществахъ, вольностяхъ и обыкновеніяхъ, при которыхъ они были за королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, содержать и сохранять, и большими наградить и пожаловать обѣщать изволилъ. И тѣ всѣ какъ прочіимъ малороссійскимъ чинамъ, такъ и духовному чину права, привилегіи, преимущества, вольности и обыкновенія и потомъ поновляемы и подтверждаемы были; да и когда весь Кіевской епархіи причетъ и всей Малой Россіи чинъ духовный, власти и подъ властію сущіе какъ духовныя особы, такъ и мірскіе чины на бывшей въ Кіевѣ въ церкви Св. Софіи 7173 года Элекціи избрали на вдовствовавшій коликонадесятъ лѣтъ кіевскія митрополіи престолъ пастыремъ и малороссійской церкви хранителемъ преосвященнаго Гедеона Святополка, князя Четвертинскаго, епископа Луцкаго и Острожскаго, и всеподданнѣйше просили великихъ царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великія государини благовѣрныя царевны и великія Княжны Софіи Алексѣевны, всея Россіи Самодержцевъ, кіевской епархіи быть подъ послушаніемъ и благословеніемъ святѣйшаго патріарха московскаго, между великороссійскими митрополіями первоначальною была поставлена кіевская; и когда потому оный преосвященный Гедеонъ Святополкъ, епископъ Луцкій, 7194 году ноября 8 дня отъ святѣйшаго Іоакима, патріарха Московскаго и всея Россіи, благословеніе и возведеніе на престолъ Кіевскія митрополіи воспріялъ, и грамота отъ святѣйшаго Іоакима,

патріарха Московскаго и всея Россіи, во вѣчное его утвержденіе, и впредъ хотящимъ хиротонисатися на кіевскій престолъ по немъ въ митрополиты, 7194 лѣта мірозданія, отъ воплощенія же Слова Божія 1685, индиктіона 9, декабря мѣсяца дана; то и тогда того жъ 7194 года декабря 15 дня отъ великихъ государей, царей и великихъ князей Іоана Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великія государыни, благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны, всея Россіи самодержцевъ, ему преосвященному Гедеону, митрополиту кіевскому и впредъ по немъ будучимъ митрополитамъ Кіевскимъ и всему епархіи кіевской причту и чину духовному, властямъ и подъ властію сущимъ данною жалованною милостивою грамотою прежніе духовнаго чина права и вольности подтверждены, и велѣно впредъ епархіи кіевской быти между великороссійскими митрополіями первоначальною, и судомъ митрополита кіевскаго въ своей епархіи быти и отправлятись по прежнимъ обычаямъ, и никому отъ тѣхъ судовъ въ царствующій градъ Москву съ челобитьемъ не приходити, и святѣйшему Іоакиму, патріарху московскому и всея Россіи и понемъ впредъ будучимъ святѣйшимъ патріархамъ московскимъ въ тѣ суды не вступатися, и челобитень ни у кого не принимать, а быти той кіевской епархіи въ такомъ же соблюденіи, въ какомъ она была до того времени подъ благословеніемъ святѣйшаго вселенскаго константинопольскаго патріарха, какъ въ митрополичей чести, такъ и во исправленіи духовнаго чина и церковнаго начала, и въ сохраненіи правъ и вольностей—обыклыхъ обрѣтающихся, по исконному обычаю; также всѣмъ высокимъ и низкимъ духовнымъ особамъ, а именно преосвященному архіепископу черниговскому и новгородскому сѣверскому, и Кіево-Печерскія Лавры архимандриту, и черниговской епархіи архимандритамъ новгородскому и елецкому, и игуменамъ тогда бывшимъ и впредъ будучимъ, такожъ и инымъ епископіямъ, архимандріямъ, игуменствамъ, братствамъ, монастырямъ, церквамъ, которые издавна надлежали къ оной митрополіи, непремѣнно и нынѣ повиноватися и послушаніе отдавать ему преосвященному Гедеону, митрополиту кіевскому и по немъ будучимъ митрополитамъ кіевскимъ, и на архіерейскій кіевскій престолъ въ предъидущія времена въ митрополиты обирати имъ вольною элекціею, по ихъ великихъ государей ихъ Царскаго Величества указа и за благословеніемъ Святѣйшаго патріарха московскаго, мужа въ божественномъ писаніи искуснаго и тихаго изъ здѣшнихъ природныхъ обивателей, и митру со крестомъ имѣющу, какъ въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ

приключающеся въ соборной и апостольской церкви пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи въ службѣ Божественныя Литургіи со святѣйшимъ патріархомъ и въ иныхъ градѣхъ, также и въ Малой Россіи; а предношеніе креста въ своей ему епархіи во всѣхъ походѣхъ, и печатаніе книгъ, такъ же и ученіе дѣтемъ греческаго и латинскаго языковъ невозбранно имѣти; и всѣ обыкновенія прежнія безъ примѣненія содержати, а когда по ихъ великихъ государей ихъ царскаго Величества указу сему преосвященному митрополиту прилучится для какихъ великихъ церковныхъ дѣлъ въ царствующій великій градъ Москву прибыти, и тогда ему въ прибытіи своемъ на Москвѣ времени не продолжити, а отпущенну по ихъ государской милости въ свою епархію ему быти вскорѣ; а по обыкновенію великороссійскихъ преосвященныхъ митрополитовъ въ царствующій градъ Москву на годовое и полугодовое время его не взывати; и тѣ всѣ вышеписанныя кіевской епархіи права и вольности тою государскою жалованною грамотою всемилостивѣйше обнадеженыи утверждены; и велѣно ему преосвященному Гедеону митрополиту кіевскому и по немъ будучимъ митрополитамъ кіевскимъ со всѣмъ причтомъ малороссійскаго народу духовнымъ быти подъ благословеніемъ и послушаніемъ Святѣйшаго Іоакима, патріарха московскаго и всея Россіи, и по немъ будучихъ патріарховъ московскихъ на вѣки неотступно по своему обѣщанію,—каково онъ учинилъ съ подписаніемъ руки своея при возведеніи и благословеніи своемъ въ митрополиты, не отлучаясь подъ повелѣніе и разсужденіе къ инымъ епархіямъ; а правамъ ихъ кіевскихъ митрополитовъ и вольностямъ, въ той ихъ царскаго Величества милостивой жалованной грамотѣ описаннымъ премѣненія и нарушенія быти неимѣетъ. Которая изъ царскаго Величества жалованная грамота, данная 6194 года преосвященному Гедеону, митрополиту кіевскому въ подтвержденіе и на утвержденіе Кіевской епархіи прежнихъ духовнаго чина правъ и вольностей, и въ 7199 году сентября 28 дня отъ великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича преосвященному Варлааму Ясинскому, митрополиту кіевскому, а потомъ и въ лѣто отъ созданія міра 7217, а отъ Рождества Христова 1708 сентября 14 дня отъ великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича преосвященному Іоасафу Кроковскому, митрополиту кіевскому данными жалованными грамотами утверждена. Того ради Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей Государыни, преосвященный митрополитъ кіевскій и кіевской епархіи чинъ духов-

ный проситъ: древніе митрополита кіевскаго и всей кіевской епархіи духовнаго чина права, привилегіи, преимущества, вольности и обыкновенія исконные, вышеозначенными милостивыми жалованными грамотами утвержденные, подтвердить и на то милостивую жалованную грамоту дать.

37.

Митрополиты кіевскіе прежде титуловались и писались митрополитами Кіевскими, Галицкими и всея Россіи (а когда, какъ выше показано, кромѣ митролита въ Кіевѣ сталъ быть митрополитъ и въ Москвѣ, то всея Малыя Россіи) и экзархами Святѣйшаго апостольскаго Константинопольскаго Ѳрону, а съ нихъ митрополитъ Петръ Могила, Сильвестръ Косовъ и Діонисій Балабанъ именовались и архимандритами святыя великія чудотворныя Лавры Печерскія Кіевскія до 7194 года, а того 7194 году ноября 8 дня преосвященный Гедеонъ Святополкъ, князь Четвертинскій, благословеніемъ святѣйшаго Іоакима патріарха московскаго и всея Россіи, когда престолъ митрополіи кіевскія воспріялъ и подъ благословеніемъ и послушаніемъ святѣйшаго Іоакима, патріарха московскаго, со всѣмъ причтомъ малороссійскаго народу духовнымъ быти обѣщаніе съ подписаніемъ руки своея учинилъ, пожалованнаго Высочайшаго на утвержденіе прежнихъ духовнаго чина правъ и вольностей 7194 года декабря 15 дня и патріаршего при возведеніи на степень митрополіи кіевскія тогожъ 7194 г. индиктіона 9, а отъ воплощенія Слова Божія 1685 г. декабря 3 дня данными грамотами онъ преосвященный Гедеонъ, съ будучими по немъ митрополитами кіевскими, утвержденъ быти митрополитомъ Кіевскимъ, Галицкимъ и Малыя Россіи; почему и бывшимъ по немъ митрополитѣ кіевскомъ Гедеонѣ митрополитамъ кіевскимъ въ грамотахъ: въ первой отъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ, лѣта отъ созданія міра 7199 мѣсяца сентября 28 д. митрополиту кіевскому Варлааму Ясинскому данной, по исключеніи уже епархіи черниговской съ подвѣдомства митрополіи кіевской, написано его Варлаама митрополитомъ Кіевскимъ, Галицкимъ и Малыя Россіи;—во второй отъ пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, отъ созданія міра 7217, а отъ Рождества Христова 1708 сентября 14 митрополиту кіевскому Іоасафу Кроковскому данной написано жъ его Іоасафа митрополитомъ Кіевскимъ, Галицкимъ и Малыя Россіи,

также и въ грамотѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великія государыни императрицы Анны Іоанновны, самодержицы всероссійскія о коронованіи Ея Величества, и о благодареніи всемогущаго Бога, состоявшейся 1730 года апрѣля 22 дня къ Варлааму Ванатовичу, архіепископу кіевскому, въ началѣ оной грамоты и въ окончаніи наименовано его Варлаама архіепископомъ Кіевскимъ, Галицкимъ и Малыя Россіи. Да и въ грамотахъ патріаршихъ, какъ въ первой выше объявленой отъ святѣйшаго Іоакима, патріарха московскаго, всея Россіи и Сѣверныхъ странъ, міросданія 7194 лѣта, а отъ Рождества Христова 1685 декабря 3 дня, при возведеніи на вдовствовавшій Престолъ, на степень кіевской митрополіи данной митрополиту кіевскому Гедеону Святополку повелѣно,—оттолѣ ему Гедеону именоваться Малыя Россіи митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ: такъ и въ другой отъ святѣйшаго патріарха Адріана Московскаго, всея Россіи и всѣхъ Сѣверныхъ странъ міросданія 7199 лѣта, а отъ Рождества Христова 1690 сентября 29 дня данной митрополиту кіевскому Варлааму Ясинскому изображено: что онъ Варлаамъ на кіевскія митрополіи возведенъ богоспасаемыхъ градовъ Кіева и Галича и Малыя Россіи; также и въ грамотѣ, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода 1748 года мая 13 д. данной митрополиту кіевскому Тимоѳею Щербацкому, по исключеніи уже и переяславской епархіи съ подвѣдомства кіевской митрополіи, написано что онъ Тимоѳѣй хиротѳнисанъ въ митрополита богоспасаемыхъ градовъ Кіева, Галича и Малыя Россіи. И потому какъ оный митрополитъ Гедеонъ Святополкъ, князь Четвертинскій, такъ и бывшіе по немъ митрополиты кіевскіе Варлаамъ Ясинскій, Іосафъ Кроковскій, Варлаамъ Ванатовичъ, Рафаилъ Заборовскій и Тимоѳей Щербацкій за силу Высочайшихъ монаршихъ жалованныхъ и благословенныхъ патріаршихъ и святѣйшаго Синода грамотъ, титуловались и писались митрополитами и архіепископами Кіевскими, Галицкими и Малыя Россіи. Уніатскій же митрополитъ польскій, кромѣ того титула Кіевскій и Галицкій, и нынѣ титулуется и пишется митрополитомъ всея Россіи. Если бы же православный митрополитъ кіевскій и Галицкій не сталъ именоваться митрополитомъ и Малыя Россіи, то оный уніатскій митрополитъ именоватись и писатись митрополитомъ всея Россіи и паче себѣ присвоять и утверждать будетъ, какъ то тѣ уніатскіе митрополиты и въ то время, когда бывало православный митрополитъ кіевскій скончаніемъ живота выбудетъ, дерзали писатись блюстителями кіевской епархіи. Того ради преосвященный митрополитъ про-

ситъ: какъ выше означенные митрополиты прежніе Кіевскими Галицкими и Малыя Россіи титуловались и писались, такъ и ему и по немъ будучимъ митрополитамъ титуловатись и писатись навсегда утвердить.

38.

Издавна до митрополитовъ кіевскихъ черниговская епархія вѣдомствомъ надлежала, и тоей епархіи архіепископъ Лазарь Барановичъ былъ администраторомъ митрополіи кіевскія; потомъ святѣйшихъ вселенскихъ константинопольскихъ патріарховъ благословенными грамотами та черниговская епархія отъ кіевской митрополіи отдѣлена и подъ благословеніе святѣйшаго патріарха московскаго вручена, потомъ же та черниговская епархія паки въ жалованной Высочайшей грамотѣ, преосвященному Гедеону митрополиту кіевскому, въ 7194 г. данной, написана въ присутствіе митрополіи кіевской. Когда же тоей черниговской епархіи преосвященный Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій, челобытье свое великимъ государямъ, царямъ и великимъ князьямъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу, самодержцамъ всероссійскимъ, и святѣйшаго вселенскаго константинопольскаго патріарха благословенную грамоту, которою та черниговская епархія отъ кіевской митрополіи отдѣлена и подъ благословеніе Святѣйшаго патріарха московскаго вручена, объявилъ, то по ихъ царскаго Величества жалованной грамотѣ, данной оному преосвященному Лазарю Барановичу въ лѣто отъ мірозданія 7195 укрѣплено и утверждено, по прежней благословенной Святѣйшаго вселенскаго константинопольскаго патріарха грамоты были ему подъ благословеніемъ и паствою Святѣйшихъ патріарховъ московскихъ вѣчно и неотступно, не отлучаясь подъ благословеніе и разсужденіе къ инымъ епархіямъ и кіевской митрополіи; а въ лѣто отъ мірозданія жъ 7201 по грамотѣ великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, самодержцевъ всероссійскихъ, той черниговской епархіи повелѣно быть между великороссійскими архіепископіями первоначальною,—что преосвященый митрополитъ кіевскій предаетъ на благоразсмотрѣніе.

39.

Издавна до митрополитовъ кіевскихъ переяславская епархія вѣдомствомъ надлежала, почему и въ данной 1708 году октября 14 дня блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра великаго бывшему тогда преосвященному Іоасафату Кроковскому, митрополиту кіевскому, грамотѣ, между прочимъ, повелѣно тогда бывшему переяславскому епископу Захаріи Корниловичу и инымъ, кои

въ томъ Переяславѣ будутъ, и всей той переяславской епархіи въ присутствіи были кіевской митрополіи по прежнему, для того что оный епископъ Захарія посвященъ митрополитомъ кіевскимъ и та переяславская епархія въ присутствіи его митрополита кіевскаго была; да и 1728 года іюля 24 дня бывшему тогда преосвященному епископу Іоакиму указомъ изъ Св. Синода велѣно о случающихся духовныхъ дѣлахъ съ тогда бывшимъ архіепископомъ кіевскимъ преосвященнымъ Варлаамомъ имѣть братолюбное согласіе по правиламъ святымъ. И епископы тоя переяславской епархіи были администраторами и коадъюторами митрополіи кіевскія до 1733 году, а когда того 1733 г. преосвященый епископъ могилевскій Арсеній Берло по имянному блаженныя и вѣчно достойныя памяти великой государыни императрицы Анны Іоанновны высочайшему указу, изъ могилевской въ переяславскую епархію переведенъ, то февраля 19 дня того 1733 года учиненнымъ на его епископа Арсенія Берла доношеніе во Св. Правительствующемъ Синодѣ опредѣленіемъ велѣно ему Арсенію быть подъ властію токмо Св. Синода, а въ коадъюторѣхъ архіепископіи кіевской не быть;—почему въ той переяславской епархіи и бывшій и настоящій епископъ вѣдомствомъ до митрополита кіевскаго не надлежитъ;—что преосвященный митрополитъ кіевскій предаетъ на благоразсмотреніе.

40.

Изъ давнихъ временъ, кромѣ великороссійскихъ и оныхъ малороссійскихъ черниговской и переяславской епархій, до митрополита кіевскаго вѣдомствомъ по духовному чину и обыкновенію надлежали еще и нынѣшнія заграничныя епископіи, бывшія благочестивыя: 1) Володимирская и Берестейская; 2) Луцкая и Острожская; 3) Полоцкая и Витебская; 4) Туровская и Пинская; 5) Бѣльская; 6) Хельмская; 7) Галицкая, Львовская и Каменецкая; 8) Брестская; 9) Могилевская, Мстиславская, Оршанская и Бѣлорусская; 10) Перемышльская; 11) Подольская и 12) Самборская; а потомъ всѣхъ тѣхъ епископій епископы, кромѣ Могилевской, приняв съ Римскимъ костеломъ унѣю, отдались въ разныхъ годѣхъ подъ послушаніе папѣ римскому и отъ Святѣйшихъ патріарховъ цареградскаго и московскаго и отъ митрополита кіевскаго отступили, а осталась только въ благочестіи могилевская епархія, которой епархіи епископъ по духовному чину и обыкновенію пріймаетъ благословеніе и рукоположеніе отъ кіевскаго митрополита; и въ трактатѣ вѣчнаго мира, между Россіею и Поль-

шею 1686 года состоявшемся, упоминается о могилевской епархіи; но и та могилевская епархія предъ недавнымъ временемъ до митрополита кіевскаго вѣдомствомъ не стала надлежать,—что преосвященный митрополитъ кіевскій предаетъ въ благоразсмотрѣніе.

43.

Когда преосвященные митрополиты кіевскіе были подъ благословеніемъ и послушаніемъ Святѣйшихъ Константинопольскихъ патріарховъ, то имѣли всегда по исконному обычаю право и вольность, судъ и расправу, по духовнымъ и по прочимъ, до разсужденія духовнаго касающимся дѣламъ, въ кіевской епархіи содержать, и отъ митрополита кіевскаго дѣла къ суду вселенскихъ Константинопольскихъ патріарховъ не переносились, и Святѣйшіе Константинопольскіе патріархи въ таковы митрополіи кіевскія суды не вступали и челобытень ни у кого не принимали; почему и когда въ 1670 году при избраніи и поставленіи малороссійскаго гетмана Юрія Хмѣльницкаго, по просительнымъ того гетмана Юрія и малороссійской старины статьямъ, въ 8 статьи великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, самодержецъ всероссійскій, указалъ митрополиту кіевскому и прочимъ духовнымъ Малыя Россіи быть подъ благословеніемъ святѣйшаго патріарха московскаго и всея Россіи, изволилъ обнадежить, что въ права духовныя митрополита кіевскаго святѣйшій патріархъ московскій вступатись не будетъ; такожъ и когда потомъ преосвященный Гедеонъ Святополкъ, князь Чертвертинскій, митрополитъ кіевскій учинилъ съ подписаніемъ своея руки обѣщаніе быти со всѣмъ духовнаго чина причтомъ подъ благословеніемъ и послушаніемъ Святѣйшаго Іоакима, патріарха московскаго на вѣки неотступно, то данною 7194 года декабря 15 дня отъ великихъ царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государыни благовѣрныя цесаревны великія княжны Софіи Алексѣевны, всея Россіи самодержцевъ, милостивою высокомонаршею жалованнаго грамотою оному преосвященному Гедеону митрополиту кіевскому и всѣмъ по немъ будучимъ митрополитамъ кіевскимъ оные о содержаніи въ кіевской епархіи по духовнымъ и прочимъ до разсужденія духовнаго касающимся дѣламъ суды и расправы, право и вольность подтверждены, и тою грамотою точно повелѣно: судамъ митрополита кіевскаго въ его епархіи быти и отправлятись по прежнимъ обычаямъ и никому отъ тѣхъ судовъ въ царствующій градъ Москву съ челобытьемъ не приходити, и Святѣйшему Іоакиму, патріарху москов-

скому и по немъ впредъ будучимъ Святѣйшимъ патріархамъ московскимъ въ тѣ суды не вступатись и челобытень ни у кого не принимать, а быти той кіевской епархіи въ такомъ же соблюденіи, въ каковомъ она была до того времени подъ благословеніемъ Святѣйшаго вселенскаго Константинопольскаго патріарха; соблюденіе правъ и вольностей за кіевскою митрополіею обнадежено такожде всемилостивѣйшими жалованными грамотами, данными преосвященному Варлааму Ясинскому 7199 г. сентября 28 дня и Іоасафу Кроковскому 7217 года сентября 14 дня.—И сіе такожъ преосвященный митрополитъ кіевскій предаетъ въ благоразсмотрѣніе.

44.

Когда преосвященные митрополиты кіевскіе были подъ благословеніемъ и послушаніемъ Константинопольскихъ патріарховъ, то имѣли, по исконному обычаю и правамъ и вольностямъ, кромѣ свободнаго исправленія духовнаго чина и церковнаго начала, и власть не токмо епархіи своея кіевскія монастыри въ архимандриты епархіи своея людей заслуженныхъ и достойныхъ на убылые мѣста производить, но и во епископы въ епархіи, подлежавшія до митрополіи кіевскія, хиротонисати... И въ данныхъ преосвященнымъ митрополитомъ кіевскимъ Гедеону отъ Святѣйшаго Іоакима.... 1685 г., Варлааму Ясинскому 1690 г. сентября 26 д... грамотахъ точно повелѣно: имъ митрополитамъ власть имѣти хиротонисати во свою епархію епископы, архимандриты, игумены, пресвитеры, діаконы и иподіаконы, пѣвцы и чтецы и все приличествующее церковное потребство въ епископіяхъ, архимандріяхъ, Братствахъ и училищахъ творити... Того ради митрополитъ кіевскій проситъ: ему митрополиту кіевскому въ состоящіе въ епархіи кіевской монастыри на упалыя вакансіе во архимандриты тоей же епархіи кіевской заслуженныхъ... и къ знатнымъ послушаніямъ способныхъ... по прежнему производить дозволить и на всегда сіе дозволеніе утвердить.

66.

Духовный малороссійскій чинъ при своихъ вольностяхъ и обыклыхъ поведеніяхъ съ давнихъ временъ и лѣтъ право, когда митрополитъ кіевскій преставится или другимъ какимъ образомъ выбудетъ,—на вдовствующій кіевскія митрополіи престолъ митрополита вольными голосами и совѣтомъ избирати себѣ изъ малороссіянъ природныхъ. И за силу того древняго малороссійскому духовному чину позволеннаго права, какъ въ прежнихъ, такъ и въ недавнихъ годахъ, а именно: въ

7193 преосвященный Гедеонъ Святополкъ, князь Четвертинскій, епископъ Луцкій, 7198—Варлаамъ Ясинскій, архимандритъ Кіево-Печерской Лавры, 6217—Іоасафъ Кроковскій, архимандритъ же Кіево-Печерской Лавры—на вдовствовавшій митрополіи кіевскій престолъ одинъ по другому въ митрополиты кіевскіе вольными голосами и совѣтомъ избираны и по Высочайшей всероссійскихъ великихъ государей Конфирмаціи благословеніе и рукоположеніе въ митрополиты на престолъ кіевскій отъ Святѣйшихъ патріарховъ московскихъ воспріймали: якое малороссійскому духовному чину по ихъ вольностямъ и обыклымъ поведеніямъ позволенное право и въ данныхъ отъ всероссійскихъ великихъ государей онымъ преосвященнымъ Гедеону, Варлааму и Іоасафу митрополитамъ кіевскимъ, по воспріятіи имъ отъ святѣйшихъ патріарховъ московскихъ на престолъ митрополіи кіевской благословенія и рукоположенія, всемилостивѣйшихъ жалованныхъ грамотахъ подтверждено, и между прочіими того права о содержаніи, тѣми жалованными грамотами всемилостивѣйше обнадежено и утверждено неподвижно. Да и когда на Кіево-Печерскую архимандрію по тому жъ малороссійскаго духовнаго чина праву выбранные кандидаты блаженныя и вѣчноблаженныя памяти великой государинѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ для конфирмаціи въ 1730 году представлены, то Ея Императорское Величество государыня императрица Анна Іоанновна изволила указать архіерею кіевскому и печерской обители, по ихъ древнимъ правамъ и подтвердительнымъ грамотамъ вѣдомымъ быть въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, какъ то при московскихъ патріархахъ было, а Синоду того архіерея кіевскаго и архимандрита Печерскаго невѣдать, и въ права ихъ и выборъ не вступать,—Того ради духовный Малороссійскій кіевской епархіи чинъ проситъ малороссійскому чину утвердивъ быть при прежнихъ своихъ вольностяхъ, обыклыхъ поведеніяхъ и правахъ, Высочайшими грамотами подтвержденныхъ, за силу тѣхъ же вольностей, обыклыхъ поведеній и правъ, повелѣть по прежнему когда митрополитъ кіевскій преставится, или другимъ какимъ образомъ выбудетъ, на вдовствующій кіевскія митрополіи престолъ въ митрополита вольными голосами и общимъ совѣтомъ избирати себѣ изъ малороссіянъ природныхъ.

Проэктъ преосвященнаго Арсенія Могилянскаго остался, какъ и многое въ коммиссіи, неразсмотрѣннымъ и неразрѣшеннымъ.

Протоіерей Петръ Орловскій.

Изъ жизни Кіева въ началѣ исходящаго столѣтія.—Намъ поручено было переслать въ Церковно-Археологическій Музей при Кіевской духовной Академіи переплетенный экземпляръ „Московскихъ Вѣдомостей" за 1802-й годъ. Пересматривая эту библіографическую рѣдкость, мы нашли здѣсь *двѣ корреспонденціи изъ Кіева*: одну небольшую—строкъ въ 10, а другую—довольно обширную. Изъ первой отъ 13 марта (№ 26-й) говорится, что кіевскій митрополитъ Гавріилъ (*Банулеско*) въ великой соборной церкви Успенской лавры, по окончаніи литургіи преждеосвященныхъ даровъ „со всѣми сей лавры соборными старцами и со всѣми лаврскими іеромонахами, іеродіаконами и монашествующими—служилъ *благодарственный молебенъ* о здравіи Его Императорскаго Величества и всей Высочайшей фамиліи, но послѣ молитва была читана съ колѣнопреклоненіемъ, по случаю прибавленныхъ Его Императорскимъ Величествомъ на содержаніе Лавры на годъ *по 3 тысячи руб.*, коихъ полученіе началось съ 1-го января сего 1802 года.

Что же касается второй корреспонденціи,—то мы считаемъ нелишнимъ привести ее всю цѣликомъ на страницахъ *Кіевской Старины*, ибо, кто и когда можетъ встрѣтить ее въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1802 г.?! А между тѣмъ гражданамъ Кіева *конца вѣка* очень интересно будетъ узнать кое-что изъ кіевской жизни *начала вѣка*—въ передачѣ тогдашняго собственнаго кіевскаго лѣтописца.

«*Изъ Кіева, февраля 28*».

«Кіевскій Магистратъ, имѣвъ счастье удостоиться Высокомонаршаго благоволенія, полученіемъ Государственной, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, Грамоты, подтверждающей всѣ его права и преимущества, которыми издревле сей городъ пользовался, въ силу Высочайше жалованныхъ въ разныя времена отъ Пресвѣтлѣйшихъ, въ Бозѣ почивающихъ Россійскихъ Государей Грамотъ, совершалъ, съ позволенія здѣшняго начальства, въ Нижнемъ городѣ Кіевоподолѣ торжественно, во изъявленіе таковаго всерадостнѣйшаго для кіевскихъ гражданъ происшествія, праздноваиіе слѣдующимъ образомъ:

Февраля 16-го, въ день воскресный, по собраніи въ Кіевскій Магистратъ всѣхъ его чиновниковъ, и по прибытіи туда Его Превосходительства, г-на Генералъ-Маіора, Кіевскаго Коменданта и Кавалера, *Массе*, началось въ 11 часу утра изъ Магистрата въ Кіево-Успенскій соборъ, при пушечной пальбѣ, шествіе; предварительно

же для сего съ особливымъ устройствомъ по обѣ стороны пути до собора стояли всѣхъ 15 цеховъ мѣщане въ надлежащемъ своемъ вооруженіи, съ ихъ начальниками и корунгвами. Высочайшей Грамотѣ предшествовали въ народномъ одѣяніи съ обнаженными саблями по три въ рядъ всѣ почетнѣйшіе, такъ называемые *Рейстровые граждане*. Потомъ песены были штандартъ и золотое Магистратское знамя при играніи градской духовой музыки.

Государственная Грамота несена была на бархатной съ золотою бахрамою и кистями подушкѣ Кіевскаго Магистрата Войтомъ, Именитымъ Гражданиномъ, *Георгіемъ Рибальскимъ*, и двумя Депутатами, Именитымъ Гражданиномъ, *Семеномъ Балабухою*, и Степеннымъ Гражданиномъ, Бургомистромъ *Петромъ Барщевскимъ*. За сими слѣдовалъ г Комендантъ съ полицейскими чиновниками, потомъ Магистратскіе члены и почетнѣйшее гражданство. Въ продолженіи Божественной литургіи, которую совершалъ Его Высокопреосвященство, Митрополитъ Кіевскій и Кавалеръ *Гавріилъ*, присутствовали: Его Высокопревосходительство, Господинъ Кіевскій Военный Губернаторъ и Кавалеръ *Андрей Семеновичъ Феньшъ*, и Его Превосходительство, г. Гражданскій Губернаторъ и Кавалеръ, *Михайло Степановичъ Коробышъ*, съ прочимъ Генералитетомъ, знаменитѣйшими воинскими и Присутственныхъ Мѣстъ чиновниками. Высочайшая Грамота во время отправленія литургіи лежала предъ Спасительною иконою на особо пріуготовленномъ для того столѣ; по окончаніи же литургіи говорена была пристойная сему случаю проповѣдь онаго Собора Священникомъ *Максимовичемъ*; а по окончаніи проповѣди читана была среди церкви Магистратскимъ Писаремъ *Оробіовичемъ* Высочайшая Грамота. Наконецъ, отправлялось благодарственное о вожделѣнномъ Его Императорскаго Величества и всей Высочайшей Фамиліи здравіи молебствіе. Предъ возглашеніемъ многолѣтія Высочайшая Грамота окроплена святою водою; послѣ того продолжался колокольный звонъ и пушечная пальба. Изъ церкви несена оная Высочайшая Грамота съ равными обрядами и таковымъ же порядкомъ въ Магистратъ, для храненія ея между прочими въ особливомъ ковчегѣ. Обѣденный столъ того дня состоялъ на 112 кувертахъ въ новопостроенномъ для Контрактовъ домѣ, куда изъ Церкви, по предварительному приглашенію, прибыли: Его Высокопреосвященство, Митрополитъ Кіевскій, со знаменитѣйшимъ духовенствомъ; Его Высокопревосходительство, Г. Кіевскій Военный Губернаторъ и Кавалеръ, *Андрей Семеновичъ Феньшъ*, и Его Превосходительство, г. Граждан-

скій Губернаторъ, *Михайла Степановичъ Коробышъ*, съ прочимъ Генералитетомъ, знаменитѣйшими воинскими и Присудственныхъ Мѣстъ чиновниками. При питіи за Высочайшее здравіе Его Императорскаго Величества и Императорской Фамиліи, изъ пушекъ, поставленныхъ противъ онаго дому на горѣ Андреевской, учинено 150 выстрѣловъ; ввечеру же Контрактовой домъ, Магистратъ, Андреевская противъ Контрактоваго дому на горѣ стоящая церковь, были иллюминованы, и вообще весь городъ освѣщенъ; предъ домомъ же, гдѣ былъ балъ и ужинъ, поставлены были иллюминованные щиты съ вензловыми Именами Ихъ Императорскихъ Величествъ, и прозрачными пристойными картинами. Балъ продолжался до 2 час. по полуночи, и за ужиномъ, при питіи за Высочайшее здравіе, вторично изъ стоящихъ на Андреевской горѣ пушекъ производима была пальба. Таковое въ городѣ празднество, сопровождаемое балами и подобными прежнему освященіями, продолжалось сряду 3 дня; при чемъ всякаго состоянія граждане и другіе городскіе обыватели были приличнымъ образомъ отъ Магистрата угощены. Чувствованіе сердечнаго удовольствія было ясно изображено на лицѣ каждаго, и каждый житель сорадовался благополучію своихъ согражданъ, облагодѣтельствованныхъ милосердіемъ Всеавгустѣйшаго Монарха. Гражданское общество, объемля всю цѣну таковаго Высокомонаршаго къ городу ихъ благоволенія, и въ засвидѣтельствованіе богоугодныхъ своихъ намѣреній, изъ вѣроподданнической благодарности составило по общему согласію сумму 10,000 руб., предполагая на оную для ста человѣкъ дряхлыхъ, увѣчныхъ и бѣдныхъ сего города мѣщанъ, которое число и по Высочайше утвержденному отъ Ея Императорскаго Величества, Блаженныя памяти Императрицы Екатерины *Второя*, Штату содержать положено,—построить на каменномъ фундаментѣ съ надлежащими службами вновь, вмѣсто обвѣтшалой,—богадѣльню; и притомъ опредѣлено, соорудить каменной памятникъ, съ устроеніемъ фонтана, на Крещатицкомъ источникѣ, мѣстѣ бывшаго крещенія сыновей Святаго и Равноапостольнаго князя Владиміра, и учредить тамъ ежегодно торжественнѣйшій крестный ходъ Іюля 15 дня, въ воспоминаніе будущимъ родамъ нынѣ дарованныхъ сему городу, яко древней Столицѣ, Монаршихъ милостей.

(Моск. Вѣд. 1802 года апрѣль 30. Среда № 35, стран. 519—520).

Сообщ. **Левъ Мацѣевичъ.**

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе августа мѣсяца въ контору нашей редакціи поступили вновь пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: отъ Н. П. Василенка—*5 руб.*; Я. Н. Шульгина, Ѳ. Я. Юцевича, Н. Н. Косюры—*по 3 руб.*; Ф. Столяревскаго, В. Полищука, Д. А. Кармазина, А. А. Гурскаго—*по 2 руб.*; Ан. Лащенковой—*1 р. 50 к.*; М. Моргуна, Н. Тюрина, А. Лащенка, В. Чайковскаго, А. А. Тулуба, Н. В. Левитскаго, А. Ѳ. Якубовскаго, А. Н. Козинцева, И. М. Бугаева, Н. А. Крысенка, Э. П. Б—ъ, отъ И., отъ Г., отъ трехъ неизвѣстныхъ—*по 1 руб.*; отъ И. Мировича, Я. Аврамова, А. Авраменка, А. К. Т—й, отъ Х.—*по 50 коп.*; отъ NN—*20 коп.*, всего *42 р. 2 коп.*, что вмѣстѣ съ прежними *567 р. 82 к.* (см. № 7—8) составитъ *610 р. 2 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

Библіографія.

И. Филевичъ. Исторія древней Руси. Томъ I. Территорія и населеніе. Варшава. 1896 [1]).

Еще на IX Археологическомъ Съѣздѣ рефератъ проф. И. П. Филевича «Угорская Русь и научные вопросы, съ нею связанные» вызвалъ замѣчаніе проф. А. И. Соболевскаго, что «вопросы, затронутые референтомъ, не всегда правильно поставлены имъ, не столь новы и не столь пренебрегаемы были въ наукѣ, какъ ему это представляется», но «И. П. Филевичъ остался при своемъ утвержденіи» [2]) и въ доказательство того, что онъ не измѣнилъ ему «и до сего дня», выпустилъ въ этомъ году новое произведеніе на свои излюбленныя темы подъ сенсаціоннымъ заглавіемъ «*Исторія древней Руси*». Въ «Предисловіи» авторъ уже дѣлаетъ заявленіе, что «исторія цѣлой территоріи... до сихъ поръ не включена въ историческое изложеніе древнерусской жизни» (с. VIII); сюда присоединяются жалобы на то, что указанная авторомъ территорія пренебрегается русской наукой, и варіаціи на эти излюбленныя темы г. Филевича повторяются имъ почти на каждой страницѣ. Къ кому относится первая изъ этихъ жалобъ, довольно трудно понять. Повидимому, авторъ намекаетъ на такъ называемыя общія сочиненія по русской исторіи, (ср. с. 219), но въ такомъ случаѣ претензіи автора слишкомъ странны и неосновательны. Дѣйствительно, авторы почти всѣхъ этихъ

[1]) Въ виду того интереса, который представляетъ изъ себя новый трудъ по исторіи древней Руси г. Филевича, редакція находитъ нужнымъ напечатать оба полученные ею почти одновременно разбора, освѣщающіе достоинства и недостатки этого труда съ различныхъ сторонъ.—*Ред.*

[2]) Извѣстія IX Археологическаго Съѣзда. Вильна. 1893, № 12, с. 5—6.

общихъ сочиненій обозначили предѣлы своего изслѣдованія, можно сказать, въ заголовкахъ сочиненій: почти вездѣ стоитъ Россія, т. е. названіе государства. На какомъ же основаніи въ исторію этого государства, этой территоріи, образующей извѣстную политическую единицу, включать исторію «отъ начала и до сего дня» территоріи, входящей въ составъ другого государства, другой политической единицы? Только на томъ основаніи, что она принадлежала одной изъ вѣтвей русскихъ славянъ, въ древности на одинъ моментъ примкнула къ политической жизни другихъ частей Руси и вскорѣ вошла въ составъ Мадьярскаго государства? Но въ такомъ случаѣ достаточно включить въ исторію Россіи, т. е. опредѣленной политической единицы, исторію интересующей автора территоріи за то время, когда судьбы ея были связаны съ судьбами остальныхъ частей Руси, тѣхъ частей, которыя образовали потомъ эту Россію, включать же исторію ея «и до сего дня» излишне, такъ какъ это относится къ исторіи другой политической единицы—Венгріи. Вѣдь не требуетъ же г. Филевичъ включенія полностью исторіи Галицко-Володимірской Руси, а между тѣмъ послѣдняя дольше жила общей жизнью съ другими частями Руси, чѣмъ указанная авторомъ территорія. Если послѣдовать примѣру г. Филевича, то можно потребовать съ равнымъ основаніемъ включенія въ исторію Германіи исторіи Англіи, Франціи, Испаніи и пр., такъ какъ въ составъ ихъ вошли германскія племена. Не менѣе странны жалобы автора, что интересующая его территорія пренебрегается русской наукой, между тѣмъ какъ знакомство автора съ этой наукой далеко не полно, и можно было бы привести цѣлый списокъ книгъ и статей по интересующимъ его вопросамъ, которыя ускользнули отъ его вниманія. Напримѣръ, мы не нашли въ разбираемой книгѣ ссылокъ на сочиненіе г. Лонгинова «Червенскіе города. Варшава. 1895», хотя здѣсь затронуты между прочимъ и вопросы, интересующіе г. Филевича. Вообще, знакомство автора съ литературой по трактуемымъ имъ предметамъ заставляетъ желать нѣкотораго пополненія: напр., мы не встрѣтили ссылокъ на новое сочиненіе по исторіи Волынской земли, принадлежащее г. Иванову и вышедшее въ прошломъ году въ Одессѣ; касаясь географіи С.-З. Россіи, онъ ссылается на книжку г. Статскаго и только для могилевской губерніи пользуется спеціальнымъ трудомъ г. Дембовецкаго, хотя и для другихъ губерній есть спеціальныя сочиненія Зеленскаго, Бобровскаго и др. Къ сожалѣнію, этимъ не ограничивается рядъ излюбленныхъ темъ г. Филевича, поэтому мы

не станемъ увеличивать списокъ сочиненій, неизвѣстныхъ ему, и перейдемъ къ другимъ вопросамъ, вызываемымъ чтеніемъ «Исторіи древней Руси». Напримѣръ, весьма трудно понять встрѣчающіяся въ разбираемой книгѣ разсужденія объ истинной наукѣ, о «безпримѣрно рѣдкостномъ ходѣ развитія» русской исторической науки и т. п., а также разглагольствованія о самыхъ элементарныхъ методахъ историческаго изслѣдованія, при чемъ все это служитъ или прелюдіей, или заключеніемъ къ многочисленнымъ экскурсамъ автора въ область исторіи вопросовъ, трактуемыхъ имъ. Нечего и говорить, что постоянныя разсужденія автора въ указанномъ выше духѣ не только неумѣстны въ ученомъ трудѣ, но и прямо не приличны. Можно подумать, что до выступленія на научное поприще г. Филевича, въ Россіи не существовало истинной науки, а русскіе ученые были всѣ бездарны и круглые невѣжды, незнакомые даже съ элементарными методами изслѣдованія, и только съ появленіемъ г. Филевича, да немногихъ ученыхъ, удостоившихся его одобренія, явилась на Руси истинная наука. Какъ мы уже сказали выше, всѣ эти разсужденія автора сопровождаются обзоромъ мнѣній ученыхъ о «вопросахъ громадной важности», трактуемыхъ г. Филевичемъ, или заключаютъ его. Мы ничего не можемъ возразить противъ изложенія мнѣній ученыхъ по изслѣдуемому вопросу, такъ какъ это даетъ возможность читателю провѣрить взгляды автора и составить самостоятельное заключеніе о данномъ вопросѣ, но изложить всѣ эти мнѣнія ученыхъ можно въ нѣсколькихъ словахъ, и дѣлается это обыкновенно въ примѣчаніяхъ, такъ какъ изложеніе мнѣній въ текстѣ нарушаетъ послѣдовательность разсказа, чѣмъ сильно затрудняется чтеніе книги. Но авторъ дѣлаетъ это не съ такими цѣлями, какъ мы указали выше,—онъ производитъ ихъ «для примѣра», для доказательства своей излюбленной мысли о «безпримѣрно рѣдкостномъ ходѣ развитія» русской науки. Неумѣстность такого образа дѣйствій автора, кромѣ высказанныхъ выше соображеній, очевидна уже по одному тому, что все это не имѣетъ никакого отношенія къ прямой задачѣ его книжки (см. Предисловіе), такъ такъ она должна представлять историческое изслѣдованіе, а не критико-библіографическій обзоръ мнѣній ученыхъ по разнымъ вопросамъ, затронутымъ авторомъ по пути и не по пути. Дѣйствительно, не только примѣчанія книги г. Филевича, но и текстъ наполненъ массой излишняго матеріала, такихъ вещей, которыя не относятся къ исторіи древней Руси и никакъ не могутъ быть поставлены въ связь съ изложеніемъ автора.

Напримѣръ, въ изслѣдованіи г. Филевича можно найти подробное описаніе современнаго состоянія православныхъ жителей Угорской Руси (с. 189—213), замѣчаніе о латыни Вольфа (с. 7, пр.), сообщеніе о времени 100-лѣтняго юбилея со дня рожденія Надеждина (с. 57, пр.) и пр. и пр.; къ этому нужно присоединить постоянныя выходки автора противъ Мадьяръ, Нѣмцевъ, Румынъ, Поляковъ и др., вслѣдствіе чего въ книгу вносится много такого, что трудно отнести къ исторіи древней Руси, напр.—замѣчаніе объ оффиціальномъ приглашеніи со стороны венгерскаго правительства перемѣнять немадьярскія фамиліи на мадьярскія (с. 197, пр.), анекдотъ о мальчикѣ-Словакѣ, отказавшемся отъ своей народности (с. 199—200, ср. также 200—213 и пр.), торжественное пророчество автора объ Угорской Руси (с. 84, пр.) и т. п. Послѣднее обстоятельство особенно насъ поразило, такъ какъ авторъ, повидимому, самъ неодобрительно относится къ *политиканству* въ трудахъ другихъ ученыхъ (с. 199), и въ тоже время вноситъ въ свое изслѣдованіе не только политиканство, но прямо духъ національной нетерпимости [1]). Вообще, авторъ вноситъ, по нашему крайнему разумѣнію, слишкомъ много субъективнаго элемента, слишкомъ много чувства въ свое изложеніе; достаточно просмотрѣть полемическія замѣчанія его, разсыпанныя въ большомъ числѣ по всей книгѣ, особенно же полемику, съ норманнизмомъ и съ Куникомъ, какъ наиболѣе виднымъ представителемъ его, больше всего. Напрасно мы стали бы искать въ возраженіяхъ автора сходства съ тѣми возраженіями, какія обыкновенно дѣлаются въ ученыхъ трудахъ: въ полемическихъ замѣчаніяхъ автора много чувства, много громкихъ словъ и фразъ, большое количество вопросительныхъ и восклицательныхъ знаковъ, встрѣчаются даже напоминанія о здравомъ смыслѣ, но научной обоснованности, фактическихъ данныхъ нельзя найти. Возьмемъ, напримѣръ, упомянутую выше полемику автора съ норманнизмомъ: въ ней много громкихъ словъ и фразъ, патетическихъ восклицаній и другихъ слабыхъ въ научномъ отношеніи элементовъ, и въ тоже время нѣтъ не только никакихъ новыхъ данныхъ, которыя могли бы послужить для вящшаго опроверженія этой теоріи, но авторъ не исчерпалъ даже раньше сдѣланныя возраженія. Все это придаетъ изложенію автора какой-то фельетонный характеръ, и мы не нашли никакой разницы между «*Исторіей древней Руси*» и напечатанной имъ недав-

[1]) Въ этомъ отношеніи особенно характерны с. с. 189—275.

но газетной статьей *«У свѣжей могилы»* (Новое Время, № 7313), посвященной, кстати сказать, также Угорской Руси. Однако и это еще далеко не исчерпываетъ тѣхъ излишнихъ элементовъ, которые авторъ внесъ въ такомъ количествѣ въ свою книгу. Много можно было бы еще указать странностей въ «Исторіи древней Руси», но характеръ журнальной рецензіи не позволяетъ намъ сильно распространяться въ этомъ направленіи, а потому мы ограничимся указаніемъ только двухъ наиболѣе бьющихъ въ глаза образцовъ. Прежде всего странна и непонятна любовь г. Филевича къ цитататамъ изъ различныхъ книгъ и статей: вся первая часть его книги наполнена ими, во второй части онъ сначала воздерживается отъ цитатъ, такъ какъ занятъ составленіемъ списковъ географическихъ именъ и разсужденіями относительно нихъ, но затѣмъ выписки появляются снова, и такъ дѣло идетъ до конца. Нельзя было бы ничего возразить, если бы авторъ цитировалъ in extenso источники, но къ сожалѣнію, онъ рѣдко ссылается на источники, и того рѣже цитируетъ ихъ, да и цитаты изъ книгъ и статей, не относящихся къ разряду источниковъ, не заключаютъ въ себѣ ничего предосудительнаго,— приводятся же онѣ и въ другихъ научныхъ трудахъ, — странно количество ихъ. Кромѣ того, авторъ вводитъ въ изложеніе безъ всякой надобности цѣлый рядъ словъ и выраженій, которыя мало употребляются въ литературномъ языкѣ, напримѣръ, *свѣдомый, прозвучивало, цѣлокупный, наклоненіе современной русской исторической науки, индѣ, доселѣшній, смѣшаніе, значительно густо населенный, внятень* (вмѣсто понятенъ), *вскрай, рушить, нестѣснительно провозгласилъ, вселеніе, чужеродныя вліянія, необработанность вопросовъ, оглосовка, тяуче-устойчивый ходъ исторической жизни, межеумочность* и т. д. и т. д. Затѣмъ нѣкоторыя фразы автора не совсѣмъ удобопонятны, напримѣръ, «оба берега Дуная связываются рѣчными долинами», «вся сила водъ Вислы лежитъ на правомъ берегу ея средняго теченія», «первую цѣпь, огибающую горы на сѣверѣ, составляютъ Малые Карпаты, Бѣлявы и Западный Бескидъ. *Эта цѣпь отличается особенно тѣсной связанностью* и собственно говоря, тянется до границъ Трансильваніи...» и т. д. Приведенныхъ фактовъ, какъ намъ кажется, вполнѣ достаточно. чтобы составить себѣ представленіе объ общемъ характерѣ книги г. Филевича, приведемъ еще нѣсколько фактовъ, характеризующихъ ее въ научномъ отношеніи.

Неумѣніе автора сосредоточиться на непосредственно намѣченной имъ себѣ задачѣ, любовь отвлекаться посторонними вопросами привели къ тому, что не только ни одинъ изъ этихъ вопросовъ не получилъ надлежащаго разрѣшенія, но и выполненіе намѣченной имъ цѣли не таково, каково оно могло и должно быть. Возьмемъ хотя бы «Надеждинскій методъ», столь восхваляемый авторомъ,— какъ это ни странно, тѣмъ не менѣе онъ плохо понялъ его. Прежде всего номенклатурныя данныя сами по себѣ недостаточны для построенія научныхъ выводовъ: они должны быть подкрѣплены другими, болѣе авторитетными данными, это говорилъ и Надеждинъ, какъ знаетъ отлично и г. Филевичъ [1]). Къ сожалѣнію, теорія и практика у него плохо согласованы между собою: нельзя же считать, что всѣ его разсужденія о вопросахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ намѣченной имъ задачей, которыми занята добрая половина второго отдѣла его книги, подкрѣпляютъ его выводы, построенные на данныхъ географической номенклатуры. Ошибочность метода г. Филевича сказывается особенно ярко, такъ какъ онъ довольно странно и односторонне объясняетъ географическія названія: онъ истолковываетъ всѣ названія только съ помощью русскаго языка, при такихъ обстоятельствахъ, конечно, всѣ эти названія оказываются русскими. Насколько такой пріемъ раціоналенъ, понятно и людямъ, малознакомымъ съ филологіей. Дѣйствительно, сходство географической номенклатуры изслѣдуемой территоріи съ номенклатурой несомнѣнно русскихъ мѣстностей ни въ какомъ случаѣ не доказываетъ, что данная территорія принадлежитъ или принадлежала Русскимъ: сходство это могло произойти и отъ того, что русскій языкъ, какъ принадлежащій къ семьѣ славянскихъ языковъ, имѣетъ много общихъ и другимъ славянскимъ языкамъ корней, поэтому необходимо тщательное филологическое изслѣдованіе этихъ названій, такъ какъ сходство можетъ оказаться чисто внѣшнимъ, только въ корняхъ названій, напр: Бобръ и другія несомнѣнно русскія названія отъ того же корня и *Боброва*, *Бобровка*, *Бобровчизна* (с. 99), *Болотня* (и т. д.) и *Блотница* (с. 100) и т. д. Кромѣ того, г. Филевичъ сравниваетъ такія названія, сходство которыхъ или весьма сомнительно, или совершенно случайно, напр.: *Самець* (притокъ Сбруча) и угорскій «*Самошъ*» (с. 90), *Полтва* и *Полква* (ibid), *болонье* и *Ploni* (с. 97), *Коростынка* и *Костржинъ* (с. 104), *Кропивна* (Кра-

[1]) См. I часть его книги, ср. также II-ю.

пивна) и *Копржевянка* (ibid), *Морочь*, *Меречанка* и *Мочалецъ* (с. 106), *Пещанка* и *Пищанка* (с. 107), *Слупянка* и *Столпецъ* (с. 109) и т. д. Впрочемъ, данныя современной географической номенклатуры г. Филевичъ пытается подкрѣпить номенклатурными данными древнихъ документовъ; но тутъ дѣло обстоитъ еще хуже: документы эти написаны, большею частью, на латинскомъ языкѣ,—при такихъ обстоятельствахъ, понятно, трудно возстановить истинную форму названій, вслѣдствіе чего авторъ вынужденъ сопоставлять ихъ съ современными названіями, а иногда возстановлять ихъ въ виду ихъ полной непонятности. Само собой разумѣется, что эти «документальныя данныя» сами нуждаются въ подкрѣпленіи,—даже всѣ конъектуры и объясненія г. Филевича мало возвышаютъ ихъ достовѣрность. Впрочемъ, объясненія какъ «документальныхъ данныхъ», такъ и данныхъ современной географической номенклатуры бываютъ у г. Филевича довольно сомнительны, да и мотивы измѣненія названій поражаютъ иногда своею странностью; напр.: *Pelono*, *Илавы*, *Цлевица*, и *Пульвы* (с. 118); *Narasd* превращается сначала въ *Harasd*, а потомъ авторъ заявляетъ, и «что въ формахъ Worosth и Harasd мы имѣемъ искаженіе слова: хворостъ, какъ называются народомъ и понынѣ два поселенія мукачевской епархіи» (с. 171—172); *Lyuk* (или *Lyuch*) авторъ объясняетъ, какъ «*Лукъ* или *Лукъ*», потому что эти названія повсемѣстны (с. 173); озеро *Siemińskie* авторъ превращаетъ въ *Соминское*, такъ какъ названіе «Сомино» носятъ нѣсколько озеръ немного восточнѣе (с. 177, пр. 2), и т. д.[1]). Насколько серьезны эти «номенклатурныя указанія», насколько могутъ быть достовѣрны основанные на нихъ выводы автора, какъ мало соотвѣтствуютъ «Надеждинскому методу» его пріемы и методы, совершенно излишне говорить. Еще хуже обстоитъ дѣло, когда авторъ вступаетъ въ область историческихъ фактовъ,—тогда фантазія его не знаетъ уже никакихъ границъ. Напримѣръ, на страницѣ 137 мы читаемъ слѣдующее: «Тѣсная связь между представителями Литвы и Руси на пограничьяхъ встрѣчается въ источникахъ уже въ половинѣ XII вѣка (Ип. л. 340), наконецъ, исторія отношеній Мстислава

[1]) Для подкрѣпленія указанныхъ выше номенклатурныхъ данныхъ авторъ пользуется еще названіями урочищъ, связанныхъ съ корнемъ Руси,—с. 170 слл.; но слабость этого пріема много разъ доказывалась при разборѣ различныхъ теорій о „происхожденіи Руси“, авторы которыхъ прибѣгали къ такому же способу доказательства, поэтому мы считаемъ лишнимъ доказывать снова слабость пріема г. Филевича.

Мономашича къ Полоцку несомнѣнно доказываетъ солидарность не только русскихъ и литовскихъ князей, но и русскаго и литовскаго населенія: за войной съ «Кривичами» слѣдуетъ война съ «Литвой». Съ этого времени Полоцкъ все сильнѣе втягивается въ литовскія отношенія, почти совершенно устранившись отъ того, что происходило на русскомъ югѣ и сѣверо-востокѣ. Но есть факты, позволяющіе думать, что полоцкіе Кривичи не бездѣйствовали и притомъ—какъ оказалось—«русскія земли дѣля». Не отвергая существованія тѣсной связи между представителями Литвы и Руси, мы должны сказать, что «связь» эта была далека отъ «солидарности не только русскихъ и литовскихъ князей, но и русскаго и литовскаго населенія». Во-первыхъ, за все указанное время нѣтъ совершенно извѣстій, указывающихъ на общность интересовъ населенія Полоцкой земли и Литвы, поэтому странно говорить о какой-то «солидарности» между ними. Во-вторыхъ, данныя лѣтописей не позволяютъ намъ говорить и объ отношеніяхъ русскихъ и литовскихъ князей въ это время, такъ какъ въ относящихся сюда мѣстахъ лѣтописей нѣтъ даже упоминанія о литовскихъ князьяхъ, поэтому нельзя съ точностью констатировать, имѣли-ли тѣ части Литвы, о связи которыхъ съ полоцкими князьями можно говорить, своихъ національныхъ князей, или онѣ находились въ непосредственной зависимости отъ полоцкихъ князей [1]). Но еще болѣе странно ставить въ зависимость отъ отношеній къ Литвѣ столкновенія полоцкихъ князей съ Мстиславомъ Мономашичемъ, такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ лѣтописей, гдѣ говорится объ этихъ столкновеніяхъ, нѣтъ ни слова ни о Литвѣ, ни о литовскихъ князьяхъ, а походъ на Литву, на который авторъ ссылается въ подтвержденіе, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поставленъ въ связь съ полоцкими дѣлами [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ трудно понять, откуда почерпнулъ авторъ свѣдѣнія о полной почти изолированности полоцкихъ князей въ періодъ, послѣдовавшій за борьбой ихъ съ Мстиславомъ Мономашичемъ: наоборотъ, можно съ полнымъ основаніемъ утверждать, что полоцкіе князья въ это время принимали больше участія въ событіяхъ остальной Руси, чѣмъ раньше [3]). Наконецъ, намъ было бы интересно знать, о какихъ это фактахъ, доказывающихъ дѣятельность полоцкихъ Кривичей «рус-

---

[1]) Сл. нашу работу „Очеркъ исторіи Полоцкой земли", с. 128—130.

[2]) Ibid. с. 76—80.

[3]) Ibid, с. 83—108.

скія земли дѣля», говоритъ г. Филевичъ, такъ какъ ни въ русскихъ, ни въ иностранныхъ источникахъ мы не встрѣтили ничего подобнаго. Далѣе авторъ приводитъ довольно непонятный фактъ: «Ердень и Товтивилъ утверждаются, при содѣйствіи Мендовга, въ земляхъ полоцкой и витебской» (с. 139). Автору слѣдовало бы просмотрѣть хотя Ипатскую лѣтопись, и онъ увидѣлъ бы, что на означенной территоріи утвердились, при содѣйствіи Мендовга, Виконтъ, Товтивилъ и Эрдивидъ, а Гердень (или Ердень) въ это время и не думалъ княжить въ Полоцкой землѣ и вокняжился тамъ уже послѣ смерти Мендовга[1]). Интересно было бы узнать, о какомъ родѣ Мендовга, сохранившемъ верховенство въ Литвѣ, говоритъ г. Филевичъ (с. 140), такъ такъ изъ дѣтей Мендовга только одинъ Войшелкъ княжилъ нѣкоторое время въ Литвѣ, а о другихъ потомкахъ Мендовга, которые княжили бы тамъ, изданные до сихъ поръ источники и сочиненія не говорятъ[2]). А вотъ и блестящій образчикъ логики г. Филевича: «Гдѣ поле, тамъ и земля польская, поляне, и потому полянъ встрѣчаемъ и на кіевскомъ полѣ, и на ляшскихъ поляхъ... Обычное ограниченіе кіевскаго поля пространствомъ между Днѣпромъ, Росью и Ирпенемъ можетъ имѣть, поэтому, лишь значеніе предѣловъ кіевской волости. Придавать этому термину другое значеніе, искать границъ территоріи русскихъ полянъ въ Кіевщинѣ—значитъ искать то, чего нельзя найти, такъ какъ терминъ—«поляне»—имѣетъ чисто топическое, а никакъ не этнографическое значеніе» (с. 143—144). Слѣдуя благому примѣру автора, считающему противоположныя мнѣнія недостойными опроверженія (с. 143, пр.), мы поступимъ такъ же и съ его мнѣніемъ, такъ какъ научная слабость сказаннаго имъ очевидна и безъ того. Прибавимъ только, что при помощи такой блестящей логики, авторъ можетъ доказывать присутствіе Руси, гдѣ угодно, образчики чего можно найти въ изобиліи въ его книгѣ.

Переходя къ третьему отдѣлу книги г. Филевича, мы должны признаться, что не замѣтили въ немъ никакого улучшенія въ пріемахъ и методахъ изслѣдованія. Напримѣръ, авторъ не признаетъ показаній византійскихъ писателей точными (с. 285—287), и въ то же время провозглашаетъ авторитетными арабскихъ писателей (с. 283—289 и 337). Не говоря уже о происхожденіи, составѣ, характерѣ и пр. извѣстій арабовъ, мы укажемъ на разночтенія

[1]) Ипат., с. 541, наша работа, с. 134—147.

[2]) Ср. Антоновича. Монографіи, т. I с. 30—35.

названій, приведенныя, напримѣръ, въ сочиненіи г. Гаркави[1]), и этого будетъ вполнѣ достаточно для того, чтобы признать сомнительнымъ авторитетъ арабскихъ писателей и согласиться съ скептическимъ взглядомъ на нихъ Костомарова, хотя взлядъ этотъ и былъ высказанъ 36 лѣтъ тому назадъ[2]). Но допустивъ даже, что тѣ или другія названія прочитаны вполнѣ правильно, мы находимъ сходство ихъ съ русскими и другими названіями слишкомъ слабымъ; напримѣръ, *хашанинъ* и *Кашубы* (с. 288, пр. 3), *бамджинъ* и *Бужане* (с. 337, пр. 3). Сказаннаго, по нашему мнѣнію, вполнѣ достаточно для того, чтобы понять, насколько опасно строить выводы на основаніи извѣстій арабовъ; между тѣмъ, авторъ пользуется ими въ самыхъ широкихъ размѣрахъ (с. 307 и т. д.). Но и дальнѣйшее изложеніе у него слабо въ научномъ отношеніи: напримѣръ, говоря о движеніи Аваръ, онъ отождествляетъ *Савировъ* съ *Сѣверянами*, и хотя это только гипотеза, тѣмъ не менѣе авторъ кладетъ ее въ основаніе своихъ выводовъ, какъ будто онъ имѣетъ дѣло съ самими точными данными (с. 328 слл.). Не входя въ подробный разборъ мнѣній автора о времени составленія и составѣ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», мы скажемъ, что толкованія тѣхъ или другихъ мѣстъ лѣтописи въ разбираемомъ отдѣлѣ поражаютъ, по обыкновенію, своимъ несоотвѣтствіемъ прямому смыслу лѣтописнаго текста. Впрочемъ, такой образъ дѣйствій автора будетъ вполнѣ понятенъ, если принять во вниманіе, что всѣ разсужденія автора клонились къ слѣдующему выводу: «*сказаніе о переходѣ русскаго имени съ Дуная и Карпатъ въ Кіевъ и составляло задачу начальной повѣсти о русской землѣ*» (с. 572). Слѣдуя методу автора, можно доказать любое положеніе, и поэтому нельзя удивляться тому, что «*списки лавр. и ипат.— древнѣйшіе по времени, представляютъ текстъ несоотвѣтствующій заглавію, а, слѣдовательно, позднѣйшій, надо думать, искаженный редакторами*» (369), за то въ никоновскомъ уцѣлѣла «*редакція древнѣйшаго свода*» (напр. с. 268), и всѣ эти «безпримѣрно рѣдкостныя» гипотезы высказаны только для того, чтобы доказать указанное уже нами мнѣніе о «задачѣ» начальной повѣсти. Если принять во вниманіе, что авторъ слишкомъ произвольно толкуетъ текстъ своихъ источниковъ, что онъ видитъ повсюду «карпато-дунайскую Словенъ-Русь», что онъ воспользовался далеко не всѣми извѣстными

---

[1]) Сказанія мусульманскихъ писателей, passim.

[2]) Начало Руси, с. 30—32.

списками «начальной повѣсти» и совершенно игнорировалъ многіе другіе источники, какими располагаетъ современная наука, то легко понять, насколько шатки какъ указанные выше выводы автора, такъ и другія предложенныя имъ въ этомъ дѣлѣ гипотезы. Вообще, любовь автора къ «карпато-дунайской Словенъ-Руси» заставляетъ его дѣлать весьма странныя вещи: отвергая съ невѣроятнымъ ожесточеніемъ норманнизмъ и готизмъ, не признавая также возможности самостоятельнаго образованія государства въ Руси (с. 377), онъ впадаетъ въ ту же ошибку, какъ и сторонники норманнизма и другихъ теорій о призваніи и объ иноземномъ происхожденіи Варяговъ-Руси, и предлагаетъ новую теорію, конечно, объ угорскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси (с. 368—369), при чемъ это относитъ онъ только къ Южной Руси (с. 368—377), а Сѣверную Русь онъ признаетъ «новою Русью» и къ ней примѣняетъ «поморскую теорію» (l. c.). Дальше этого трудно идти! Остается только пожалѣть, что г. Филевичъ не закончилъ свои фокусы съ исторіей древней Руси въ этой книгѣ и намѣревается терзать несчастную древнюю Русь еще въ нѣсколькихъ томахъ (с. IX).

Іюль 1896 года.

В. Е. Данилевичъ.

И. Филевичъ. Исторія древней Руси. Томъ 1. Территорія и населеніе. Варшава. 1896. (Стр. X+383).

Сочиненіе это напечатано по опредѣленію совѣта варшавскаго университета, какъ о томъ свидѣтельствуетъ подпись ректора П. Ковалевскаго. Печаталось оно въ типографіи Франца Чернака на ул. Краковское Предмѣстье, д. № 6.

Считаемъ необходимымъ занести эти свѣдѣнія на страницы «Кіевской Старины» для облеченія поисковъ будущимъ изслѣдователямъ нашей новины на случай утраты книги.

Безпристрастная критика должна признать то неоспоримое положеніе, что въ русской исторической литературѣ давно уже не появлялось сочиненій, написанныхъ столь живо и увлекательно, и при томъ съ такою невольно подкупающею наивностью и простосердечіемъ, какъ книга г. Филевича. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нельзя же отрицать,

что читателю доставляетъ извѣстное своеобразное удовольствіе узнать отъ автора какого-нибудь суроваго ученаго труда не только то, что соприкасается съ его прямой задачей, но и познакомиться съ самимъ авторомъ, его настроеніемъ, его размышленіями на различныя темы современности, проникнуть въ его сокровенныя думы omnibus de rebus et quibusdam aliis.. По нашему мнѣнію, оффиціальные представители науки слишкомъ сурово и жестоко обращаются съ читателями, стремясь по мѣрѣ силъ направить ихъ вниманіе прямо къ дѣлу. Эта дурная привычка представляетъ печальное наслѣдіе школьной рутины. Кто изъ насъ не помнитъ строгихъ окликовъ всѣхъ этихъ педантовъ-учителей: не отвлекайтесь въ сторону! къ дѣлу! По правдѣ сказать, все это очень скучно и неинтересно. Гораздо пріятнѣе, если можно бесѣдовать по душѣ.

Именно такой опытъ побесѣдовать съ читателемъ по душѣ и представляетъ собою книга г. Филевича, и въ этомъ мы усматриваемъ ея первое и существеннѣйшее, но конечно не единственное, достоинство. Если мы особенно настаиваемъ на немъ, то лишь потому, что въ такой сильной степени не встрѣчали проявленія этой симпатичной черты историческаго творчества со временъ незабвенной памяти Погодина.

Все сочиненіе г. Филевича подернуто легкой дымкой грусти, которая выливается въ выраженіяхъ истинно трогательныхъ. Не грустно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что исторія русскаго народа до сихъ поръ не обнимаетъ содержанія жизни всего русскаго народа, а только часть послѣдняго, вошедшую въ составъ русскаго государства? Не печально-ли, что историки русскаго народа изъ-за какихъ-то политическихъ границъ забываютъ о Руси карпатской? Необходимо исправить этотъ недочетъ,—въ этомъ и задача новаго труда г. Филевича подъ заглавіемъ: Исторія древней Руси. Авторъ оставляетъ въ сторонѣ позднѣйшія политическія подраздѣленія, для него терминъ «древняя Русь» имѣетъ лишь этнографическое значеніе, ему важно опредѣлить «объемъ и взаимное отношеніе» составившихъ ее элементовъ. Это «частный сводъ по исторіи русскаго цѣлаго», только и возможный по состоянію науки. Настоящій томъ—вводный. Когда выйдутъ другіе томы, то, безъ сомнѣнія, придется вносить поправки въ содержаніе настоящаго тома (стр. IX). Такъ предупреждаетъ авторъ неопытнаго читателя, повидимому, опасаясь чтобы читатель по наивности и въ самомъ дѣлѣ не повѣрилъ всему

тому, что дальше говорится въ этомъ вводномъ томѣ. Тѣмъ не менѣе, читатель тутъ же узнаетъ, что авторъ взялся за дѣло серьезно, пользовался совѣтами и указаніями акад. Ягича, проф. Пича и Кочубинскаго, производилъ поиски въ архивахъ Пешта и Вѣны и т. д., ознакомился самолично съ словаками и угро-руссами. Значитъ, хотя въ будущихъ томахъ, быть можетъ, и придется «возвратиться на первое», но и настоящій томъ не незаслуживаетъ вниманія.

Глава первая названа: «задача и методъ изслѣдованія». Это очень любопытная и поучительная глава. Оказывается, что автора интересуетъ не только угорская Русь и ея предполагаемая древность, какъ матеріалъ для русской Vorgeschichte, но и румунское покарпатье. Къ обоимъ относятся и темные намеки лѣтописи, и завѣтныя преданія и пѣсни народа (Дунай). «Какую роль въ обще-славянскомъ играетъ частное-русское? Какую роль въ русскомъ родѣ играютъ отдѣльные его виды?—Вотъ вопросъ! Какой отвѣтъ даетъ на него наша историческая наука? Никакого». Археологія и этнографія молчатъ, филологія младенчествуетъ, а «изслѣдователь древне русской жизни на Карпатахъ чувствуетъ шаткость научной постановки вопросовъ даже о взаимоотношеніяхъ отдѣльныхъ частей русскаго вида, чувствуетъ изолированность своего положенія въ общемъ ходѣ развитія науки» (стр. 21). Поиски за таинственною русью привели науку въ безвыходное положеніе, но все таки «главное наклоненіе современной русской исторической науки въ вопросахъ нашей древности обращено на югъ. Карпато-дунайской Руси въ этомъ случаѣ не миновать. До сихъ поръ, однако, нѣтъ труда, который бы на ней сосредоточился» (стр. 23). Положимъ, и есть кой что, но все это частности, исчерпывающаго ничего нѣтъ, а прочее—никуда негодится. Восполнить этотъ пробѣлъ—такова задача, о которой, по правилу non bis in idem, вновь сообщаетъ намъ предупредительный авторъ.

Положеніе изслѣдователя при разрѣшеніи этой задачи поистинѣ трагическое: матеріала почти нѣтъ, а что и «найдется индѣ, такъ разбросано, что собрать существующій матеріалъ весьма нелегко. Кромѣ того, и въ томъ, что имѣется въ трудахъ нашихъ сосѣдей—поляковъ, мадьяръ, румунъ, цѣли и задачи изслѣдователей вовсе не заключаются въ постановкѣ и обслѣдованіи вопросовъ, связанныхъ съ русскимъ племенемъ. Это отвлекаетъ вниманіе изслѣдователя по сторонамъ (куда?—авторъ не поясняетъ), заставляетъ его много разъ терять нить и почти безнадежно опускать руки... Од-

нимъ словомъ, научные вопросы, связанные съ Карпатами, такъ широки, запутаны, такъ скуденъ относящійся къ нимъ матеріалъ, такъ онъ, при всей своей скудости, неясенъ и критически неразработанъ, что развѣ только будущему удастся разсѣять туманъ, окутывающій древность Карпатъ непроглядною тьмою... На этой нивѣ еще долго одно поколѣніе русскихъ ученыхъ будетъ соревновать съ другимъ. Будущее—дай Богъ не особенно отдаленное! — прольетъ, безъ сомнѣнія, полный свѣтъ на затронутые въ настоящемъ изслѣдованіи вопросы, но собираніе матеріала безконечно, а для научнаго движенія необходимы попытки сводить существующія данныя» (стр. 24).

До сихъ поръ о задачѣ. Правда, все это нѣсколько темно и даже запутано и похоже на оправданія невыучившаго уроковъ ученика, но, въ самомъ дѣлѣ, каково положеніе ученаго въ этомъ туманѣ непзвѣстности и въ тоже время какая трогательная, можно сказать самоубійственная преданность этому туману вѣковъ, безъ просвѣта и надежды. Очевидно, у нашего изслѣдователя есть пути и способы какъ нибудь продержаться въ такой тяжелой обстановкѣ, хотя-бы и опуская много разъ почти безнадежно руки и теряя нить. Этотъ способъ и заключается въ его методѣ, основы коего развиваются на стр. 25—68. Это методъ покойнаго Надеждина, а именно—изслѣдованіе *языка земли* или, по просту говоря, географическихъ названій, и языка народа или племени вообще, изученіе этнографіи, антропологіи и археологіи и критическое обслѣдованіе древнихъ письменныхъ памятниковъ. Конечно, все это не ново и наука собственно и идетъ по этому пути независимо отъ Надеждина, но ошибка огромнаго большинства ученыхъ заключается въ томъ, что они ведутъ изслѣдованіе отъ мрака древностей къ намъ, а не отъ насъ къ мраку временъ. Это способъ архаическій, свойственный неразвитому критическому чутью старинной письменности. Народъ довольствуется преданіемъ и на немъ возводитъ свои историческія представленія, но наука этимъ не довольствуется, она требуетъ доказательствъ старобытности. Эти доказательства и могутъ быть найдены лишь путемъ обратнаго или регрессивнаго метода. Между тѣмъ, основы этого надеждинскаго метода не усвоены русскою наукою. На западѣ Шембера работалъ, правда, въ этомъ направленіи, но нѣмцы его осмѣяли, хотя Шембера повторилъ положенія Надеждина почти слово въ слово. «Какъ отнеслась къ нимъ наука, мы видѣли. Какъ раздвивается она и по настоящее время, тому можно-бы привести не мало примѣровъ. Въ какой мѣрѣ это соотвѣтствуетъ достоинству науки, нечего говорить...

Но слѣдуетъ твердо помнить: въ настоящее время раздвоеніе замѣчается только въ области изученія славянскихъ древностей, а во всѣхъ другихъ областяхъ обратный методъ имѣетъ и въ настоящее время единственное право гражданства» (53).

Идеи Надеждина (въ изложеніи нашего автора) не нашли прямого отголоска въ наукѣ русской исторіи, отчего и произошли гибельныя послѣдствія, «безпримѣрно рѣдкостный ходъ развитія ея.» Славянская наука совершала порочный кругъ, вертѣлась какъ бѣлка въ колесѣ, а ларчикъ просто открывался. «Какъ ни грустно это обстоятельство само по себѣ, оно безспорно устраняетъ малѣйшую тѣнь сомнѣнія въ вѣрности основъ надеждинскаго метода, который, послѣ всесторонней провѣрки, является прочнымъ научнымъ пріобрѣтеніемъ, незыблемой основой, на которой славянская наука смѣло можетъ строить свое величественное зданіе, а имена Суровецкаго, Шафарика, Надеждина и Шемберы записаны будутъ на фронтонѣ этого зданія, какъ имена первыхъ его строителей» (50).

Мы ни мало не сомнѣваемся, что на этомъ фронтонѣ будутъ записаны и нѣкоторыя другія имена, столь же значительныя, какъ Шембера, и увѣковѣчена память работниковъ, столь же потрудившихся для славянской древности, какъ Надеждинъ. Въ частности-же г. Филевичу принадлежитъ заслуга, такъ сказать, открытія Надеждина: «Только черезъ 57 лѣтъ мы почувствовали необходимость обратиться къ самому «Опыту» (Надеждина), разыскать старый томъ «Библіотеки для чтенія» и положить мысль Надеждина въ основу изученія предмета. Примѣч. 4: Моя «Угорская Русь» Варш. унив. изв., 1894. V». (44)[1]).

Вотъ то существенное, что сообщаетъ читателю авторъ о методѣ, котораго онъ намѣренъ придерживаться. Методъ очень хорошій, не стоитъ возражать противъ него, если только авторъ дѣйствительно будетъ его держатся. Ибо надо твердо помнить слѣдующее требованіе Надеждина, извѣстное г. Филевичу (38): для пользованія *языкомъ земли* «необходима предварительная работа надъ географической номенклатурой, восходящая отъ нынѣшнихъ названій къ древнимъ, старобытнымъ, первоначальнымъ, черезъ весь рядъ измѣненій, которыя они вытерпѣли».

---

[1]) Авторъ ссылается еще и на изслѣдованіе П. В. Голубовскаго о Смоленской землѣ, но эта ссылка просто неосторожна, принявъ во вниманіе различіе задачъ обоихъ трудовъ въ данномъ вопросѣ.

«Судьба идей Надеждина поселяетъ утѣшительную увѣренность въ томъ, что истина не пропадаетъ; но процессъ ея торжества способенъ возбуждать грустныя мысли,» элегически замѣчаетъ нашъ авторъ на стр. 57 своего пространнаго экскурса въ область методологіи. Но жаль, что на стр. 59 это торжество уже ступевывается: оказывается, что «обратный методъ, конечно, не замѣнитъ прогрессивнаго, ибо послѣдній представляется наиболѣе естественнымъ въ изложеніи судебъ народа, излагая ихъ въ послѣдовательной постепенности отъ начала до конца. Но такъ какъ прогрессивный методъ не имѣетъ никакой возможности установить въ точности начальный моментъ—нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, связывать начало народной жизни съ текстуальнымъ упоминаніемъ народнаго имени—то, въ этомъ отношеніи, онъ долженъ уступить мѣсто обратному и терпѣливо ожидать своей очереди, т. е. того времени, когда славянская древность, путемъ обратнаго изученія, будетъ установлена. Наступитъ это, во всякомъ случаѣ, не скоро, ибо обратный методъ можетъ допускать лишь частное обслѣдованіе древности отдѣльныхъ племенъ славянскихъ, и только послѣ этого можно будетъ дѣлать заключеніе о славянскомъ родѣ, который, слѣдуетъ надѣяться, предстанетъ тогда въ полномъ и дѣйствительно вѣрномъ освѣщеніи» (60). Методы борьбу ведутъ, прогрессивный методъ, ошибочный, одолѣлъ, а вѣрный регресивный, за недостаткомъ матеріала, можетъ противопоставить врагу лишь чувство и здравый смыслъ. «Это, конечно, не мало, но лишь тогда, когда чувство выступаетъ не порывомъ, когда здравый смыслъ представляетъ методъ. То и другое начинается лишь съ Надеждина (открытаго нашимъ авторомъ). Но и Надеждинъ оказался безсиленъ...

Только на почвѣ борьбы двухъ научныхъ методовъ изученія славянской древности можетъ получить надлежащее объясненіе и наша «славянская» школа (Пассекъ, Савельевъ-Ростиславичъ, Морошкинъ). Это объясненіе—прямая задача будущаго (?!), а по количеству накопившагося матеріала, Богъ дастъ, будущаго неособенно далекаго» (63).

Итакъ методы борются, но нашъ авторъ предпочитаетъ методъ обратный, т. е. нѣчто въ родѣ противоположнаго общаго мѣста. Но вотъ бѣда: на стр. 65 вновь узнаемъ, что Карпаты во многихъ мѣстахъ и понынѣ terra incognita, особенно въ діалектологическомъ и даже археологическомъ отношеніи, а для нѣкоторыхъ мѣстъ и этнографическія данныя весьма не богаты. Поэтому главными источниками остаются—письменные и языкъ земли. Правда, это матеріалъ скользкій—этотъ языкъ земли. Поэтому авторъ не считаетъ пока

возможнымъ вдаваться въ частности и въ систематизаціи географическихъ именъ укажетъ лишь самыя общія группы. Съ этнографіей дѣло еще хуже, поэтому придется пополнять крайне скудныя указанія анологіями. Засимъ, на стр. 67 узнаемъ, что, «по справедливому замѣчанію Войцѣховскаго, обратный методъ есть собственно комбинація метода прогрессивнаго и обратнаго».

Итакъ, вотъ, съ божьей помощью, какой поворотъ: прогрессивный методъ занялъ чужое мѣсто; между тѣмъ, онъ долженъ ожидать своей очереди, пока не исполнитъ свою роль методъ регрессивный; но сей послѣдній не можетъ ее исполнить безъ помощи врага. И получается сказка о бѣломъ бычкѣ. Несмотря на похвальныя усилія автора нѣчто уяснить, получается впечатлѣніе очень скверной шутки, за которую школьнику учитель сказалъ-бы: «мальчикъ, ты начинаешь завираться».

Но такъ какъ «Исторія древней Руси» написана повидимому человѣкомъ совершеннолѣтнимъ, то считаемъ необходимымъ отмѣтить еще одну особенность его методологіи и вмѣстѣ съ тѣмъ поставить категорическій вопросъ акад. Кунику: г. Куникъ, куда вы дѣвали рукописи Гедеонова? Казусъ вотъ въ чемъ: г. Филевичъ очень не любитъ норманнистовъ и разумѣется прежде всего г. Куника за его ужасныхъ Родсовъ. Г. Филевичъ съ свирѣпостью героини крыловской басни преслѣдуетъ почтеннаго академика многочисленными уколами, по счастью не ядовитыми, ибо они не отравлены ядомъ наукъ. А такъ какъ противъ норманнистовъ выступалъ въ свое время Гедеоновъ, который написалъ при этомъ какую то неизданную статью о Карпатской Руси, и такъ какъ г. Филевичу весьма интересно было-бы знать взглядъ Гедеонова на Карпатскую Русь, а между тѣмъ рукописи покойнаго находились въ разсмотрѣніи г. Куника, то г. Филевичъ «при посредствѣ лица, оффиціально стоящаго довольно близко къ почтенному академику, наводилъ справку о судьбѣ бумагъ Гедеонова, но получилъ самый неопредѣленный отвѣтъ». Поэтому наука потеряла возможность узнать взглядъ Гедеонова на Карпатскую Русь (43) и вмѣстѣ съ тѣмъ потерялъ ее и г. Филевичъ.

Полагаемъ, что г. Кунику не предстоитъ оправдываться предъ ученымъ міромъ, но отмѣчаемъ эту интересную попытку приложенія регрессивной методы къ изслѣдованію карпато-русскихъ вопросовъ.

Оставляемъ въ сторонѣ множество другихъ не менѣе поучительныхъ эпизодовъ, разсѣянныхъ въ великомъ изобиліи на протяженіи первой главы, такъ какъ они тоже не относятся къ дѣлу, т. е.

къ вопросу о задачѣ и методѣ изслѣдованія. Конечно, можно быть въ претензіи на автора за то, что онъ оставляетъ читателя въ какомъ то тяжкомъ недоумѣніи и смятеніи всѣхъ чувствъ, но въ этой путаницѣ идей и представленій есть что-то до такой степени своеобразное, такъ сказать разухабистое, что остается удовольствоваться изреченіемъ: «по плодамъ ихъ узнаете ихъ» и обратиться къ главѣ второй: «территорія и населеніе» (69—275). Здѣсь именно и должны воочію обнаружиться всѣ достоинства регрессивнаго метода, препрославленнаго столь запутанно нашимъ авторомъ, очевидно не принадлежащимъ къ числу знатоковъ подобныхъ трудныхъ вопросовъ.

Прежде всего авторъ преподноситъ намъ весьма и весьма смутное описаніе карпатской территоріи. Описаніе сдѣлано по труду Регмана, вышедшему въ прошломъ году (Ziemie dawnej Polski etc., cz. I). Къ сожалѣнію, нашъ авторъ недостаточно обратилъ вниманія на методу труда Регмана, предупреждающаго противъ телеологическаго направленія въ географіи и въ частности противъ писателей, которые «соединяютъ невѣжество съ научнымъ шарлатанствомъ». Дѣло въ томъ, что Регманъ разсматриваетъ природу страны исключительно въ физическомъ отношеніи и не пускается ни въ какія догадки по части политической географіи. Г. Филевичъ не удовлетворенъ такимъ отношеніемъ къ дѣлу и берется договорить невысказанное Регманомъ. (75). Именно впадая въ ошибку, указанную Регманомъ, г. Филевичъ весьма докторально толкуетъ о связи Карпатъ съ сосѣдними плоскогоріями и долинами и о вліяніи, которое связи эти должны были имѣть на этнографическій обмѣнъ; но всѣ эти соображенія отличаются такою примитивностью и наивностью, что разбирать ихъ подробно не стоитъ. Не понявъ методы Регмана, нашъ авторъ побѣдоносно заявляетъ, напр., что на востокѣ карпатскій міръ естественно сливается съ русскимъ міромъ, не представляя съ этой стороны никакой (!) природной грани и связываясь со всѣмъ русскимъ югомъ въ общемъ тяготѣніи къ древнему «Русскому» морю (74). Это значитъ притягивать географію за волосы къ доказательству какихъ угодно нелѣпостей, но такой пріемъ слишкомъ дешевъ, и Регманъ за него не похвалилъ-бы нашего автора. У Регмана рѣчь идетъ о связи горообразованій, а подъ перомъ г. Филевича эта связь превращается въ естественное слiяніе двухъ этнографическихъ областей. Это неосторожно,—мы привыкли думать, что горные хребты все же служатъ нѣкоторымъ препятствіемъ для этнографическаго обмѣна, но теперь ясно, до чего мы заблуждались. Въ общемъ, предложенное г. Фи-

левичемъ описаніе Карпатъ и смежныхъ съ ними областей, какъ всякая торопливая компиляція, не только ничего не уясняетъ, но способно лишь породить отвращеніе къ географическимъ экскурсамъ историковъ, и во всякомъ случаѣ не видно отношенія этого описанія къ исторіи древней Руси, ибо Русь этимъ не объяснить, а приводимыя авторомъ имена славянскаго корня ровно ничего не даютъ читателю и никакой для него новости не представляютъ, какъ и указанія съ чужаго голоса на взаимное вліяніе языковъ славянскихъ и венгерскаго съ румунскимъ. По нашему мнѣнію, всѣ эти экскурсы служатъ автору лишь рамкой для ознакомленія читателя съ его собственной личностью, и въ смыслѣ автобіографическомъ «территорія и населеніе» г. Филевича отличаются большими достоинствами. Онъ имѣлъ несчастіе побывать въ Угорской Руси. Не зная вергерскаго языка, въ чемъ нетрудно убѣдиться по характеру его источниковъ, авторъ не можетъ успокоиться отъ опасенія, что кому нибудь останется неизвѣстнымъ его пребываніе въ Венгріи. И вотъ, «нѣсколько знакомый съ положеніемъ дѣлъ Угорской Руси по личнымъ впечатлѣніямъ», онъ «беретъ смѣлость (далѣе курсивомъ) рѣшительно утверждать, что черезъ какихъ нибудь 50 лѣтъ нынѣшняя сплошная русская территорія Угріи будетъ имѣть такой же видъ, какой имѣетъ теперь угорская равнина» (84), онъ дважды оповѣщаетъ, что видѣлъ въ архивѣ выписки-фоліанты историка Горвата (которыми, замѣтимъ, не могъ пользоваться по незнанію языка) и т. д. Все это прекрасно, но гдѣ же тутъ исторія или территорія Руси? Эту несчастную Русь г. Филевичъ все никакъ не можетъ схватить за рога и ему остается, безпомощно опустивъ руки, лишь бесѣдовать съ читателемъ по душѣ.

Мы всецѣло признаемъ необходимость для историка знать современный бытъ народа, исторію котораго онъ изслѣдуетъ, но признаемъ мы это отнюдь не на основаніи опыта г. Филевича, ибо ни одной живой или неизвѣстной черты, уясняющей эту исторію, онъ привести не можетъ. Это все какія то жалкія потуги вставить и свой голосъ въ разговоръ взрослыхъ и въ вѣковой споръ народностей, но голосъ этотъ лишенъ всякаго разумнаго содержанія. Авторъ все продолжаетъ продѣлывать надъ читателемъ ту же скверную штуку: пишетъ безъ конца и краю, а къ чему это все—уловить невозможно. Эта тайна только и можетъ быть уяснена съ точки зрѣнія автобіографической: автору не убѣдить читателя нужно, а лишь познакомить

съ оригинальнымъ складомъ своего мышленія. Конечно, такая книга не заслуживаетъ серьезнаго разбора.

Обнаруживъ въ географической номенклатурѣ Покарпатья только «путаницу», весьма характерную для откровенности автора, и нисколько не распутавъ ее, г. Филевичъ «отваживается коснуться» этнографіи этой территоріи. Вопросъ здѣсь въ томъ, какъ связать славянъ VI в., населявшихъ области позднѣйшей Венгріи, съ племенемъ русскимъ, выступившимъ въ историческую эпоху. Для этого г. Филевичъ провозглашаетъ прежде всего положеніе, требующее доказательства, а именно, что «съ начала исторической эпохи мы видимъ на нашей территоріи малорусскій или южно-русскій видъ русскаго племени» (87). Хорошо, повѣримъ автору на слово. Сближеніе мѣстныхъ названій (Самошъ-Самецъ), общность названій рѣкъ (Гуечка-Гуйва и пр.) доказываютъ, что эта территорія (т. е. Трансильванія, Побужье, Поверпіе, Понаревье и Понѣманье) этнографически однородная (89).

Опять приходится вѣрить автору на слово, потому что этнографическая связь, въ смыслѣ общей славянской основы, не требовала доказательства: очевидно, рѣчь идетъ о связи частей русскаго племени.

Засимъ, довольно неожиданно, авторъ переходитъ къ мѣстнымъ названіямъ въ т. наз. припятской впадинѣ. Это потому, что для этой мѣстности есть извѣстія, какихъ для «нашей» территоріи не имѣется. Пріемъ весьма оригинальный. Разумѣется, тутъ сейчасъ и Moriz съ Plot'омъ = болотомъ и шафариковскіе Марицане, — исторія довольно извѣстная и до смерти надоѣвшая. Засимъ, идутъ народныя названія лѣсовъ въ различныхъ областяхъ славянскихъ поселеній, но бѣда въ томъ, что «мы не знаемъ, какъ древни эти названія» (92), названія мостовъ, гатей—съ такимъ же успѣхомъ. «Такое же (какое?) значеніе имѣетъ и названіе *буда*. Оно распространено по всей Россіи, въ мѣстахъ болѣе или менѣе сухихъ и лѣсистыхъ», (96), а въ связи съ будами находятся *майданы*: въ восточной Россіи для населенія этихъ мѣстъ существуютъ названія «паны, бутаки, поляки, литва ягуны, что указываетъ на бѣлорусовъ.» Затѣмъ идутъ рудни, ржавцы, болонья и т. д. и т. д.

Считаемъ излишнимъ доказывать всю колоссальную нелѣпость подобнаго пріема и всю огромность невѣжества нашего автора въ вопросѣ, для обсужденія котораго онъ не располагаетъ самыми элементарными данными. Конечно, эти буды и руды, какъ доказатель-

ство автохтонности карпато-руссовъ, неподражаемы, но насъ интересуетъ вопросъ, какимъ филологическимъ методомъ пользуется авторъ и на чемъ основываетъ онъ свои сближенія (которыя, впрочемъ, во всякомъ случаѣ къ дѣлу не относятся). Никакія усилія не въ состояніи выяснить этотъ трудный вопросъ: авторъ все жалуется на бѣдность славянской діалектологіи, на скудость матеріала и при этомъ свысока отзывается о такихъ, напр., трудахъ, какъ извѣстные «Очерки» Барсова. Нагромоздивши безъ толку названія новѣйшаго времени и, какъ *буда*, несомнѣнно поздняго происхожденія, нашъ авторъ съ видомъ скромнаго знатока заключаетъ: «быть можетъ, такимъ образомъ, не вполнѣ неосновательно предположеніе, что картина жизни, какую мы можемъ въ точности прослѣдить на русской почвѣ, особенно на востокѣ, еще въ XVII—XVIII вѣкахъ, открывается по отрывочнымъ указаніямъ на западно-славянской почвѣ съ самаго начала исторической эпохи» (98). «Можно-ли запрещать изслѣдователю примѣнять аналогію въ тѣхъ случаяхъ, когда она сама предлагается очевиднымъ (?!) смысломъ явленій?» и т. д., и т. д. Оказывается еще, что Буда (Пештъ) несомнѣнно славянскій поселокъ, хотя славянство этого слова еще не установлено, да и самое имя это появляется въ документахъ отнюдь не начала исторической эпохи. И въ концѣ концовъ остается темнымъ, что собственно думаетъ доказать всѣмъ этимъ наборомъ словъ трудолюбивый нашъ авторъ.

Далѣе картина еще болѣе изумительная: авторъ начинаетъ читать *языкъ земли*, то есть выписываетъ рядъ мѣстныхъ названій изъ общедоступныхъ источниковъ на пространствѣ чуть-ли не всей Галичины, царства польскаго, сѣверо и юго-зап. края (98—110). Названія эти требуютъ ближайшаго изслѣдованія какъ со стороны языка, такъ и въ отношеніи хронологіи. Авторъ беретъ актъ XIII в. объ основаніи одного монастыря въ Силезіи, излагаетъ его in extenso и затѣмъ заключаетъ: «документъ представляетъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ во многихъ отношеніяхъ. Передъ нами съ полнѣйшей наглядностью открывается исторія заселенія и обработки клочка славянской земли. Выкорчевываются лѣса, проводятся просѣки на далекое пространство, основываются поселенія. И это дѣло, очевидно, давнее-давнее!» Разсужденіе объ этомъ неотносящемся къ дѣлу документѣ тянется на нѣсколькихъ страницахъ, затѣмъ идутъ размышленія о дотаціи плоцкой епископіи, и заспмъ оказывается, что «для русской части нашей территоріи мы не имѣемъ столь подробныхъ перечней древнѣйшаго времени» (т. е. даже XI—XIII в.). Остается обратиться къ

позднѣйшимъ картамъ и перечнямъ. Въ филологическій анализъ авторъ рѣшилъ не вдаваться (еще-бы!), а предпочитаетъ слѣдить по картамъ за характеромъ языка земли, дабы узнать, какъ далеко на с. в. и ю. з. отъ Карпатъ простирается славянскій чеканъ названій и гдѣ онъ прерывается. Засимъ слѣдуетъ новая выписка словъ на 10 страницахъ (123—132) уже изъ польскаго географич. словаря, относящихся какъ къ Малой, такъ и Вел. Польшѣ и Литвѣ. Въ результатѣ такое грустное сознаніе: «Мы не можемъ всесторонне освѣтить вопросы, связанные съ этимъ рядомъ названій, потому что не можемъ взять на себя ихъ филологическаго анализа. Оттого представленная нами часть лѣтописной страницы (?!) нашего края теряетъ много въ своей доказательности.»

Это святая истина, но тѣмъ не менѣе, при всемъ безсиліи своемъ справиться съ этими нагроможденными безъ толку рядами именъ, авторъ «ни малѣйше не сомнѣвается, что отмѣченныя названія неразрывно связываютъ нашу территорію съ Литвой и русскимъ славянствомъ на с. в., съ одной стороны, съ славянствомъ лашскимъ на с. з.—съ другой стороны. Позволительно даже допустить, что въ отмѣченныхъ звукахъ языка земли скрываются, быть можетъ, отголоски того языка, который не былъ ни литовскимъ, ни славянскимъ въ собственномъ смыслѣ слова, но который заключалъ въ себѣ зародышъ того и другого языка» (134)... Adhuc филологія, а затѣмъ слѣдуетъ исторія отношеній Литвы къ полоцкимъ князьямъ, но и здѣсь получается путаница жестокая (137 сл.) и тѣмъ болѣе прискорбная, что все это разсужденіе къ дѣлу не относится.

Въ такомъ же родѣ и предлагаемый авторомъ «анализъ возвышенности» (142—169), т. е. области полянъ, Подолья, Побужья, Покутья, Бескидъ: снова рядъ именъ, ничего не говорящихъ и къ дѣлу не относящихся, такъ какъ они не даютъ намека на русское племя. Разсужденія автора по поводу сихъ именъ—рядъ загадокъ и растерянныхъ признаній о томъ, что съ этими именами, въ сущности, ничего не подѣлаешь. По отношенію къ Трансильваніи авторъ останавливается на словахъ съ корнемъ *рус.*, венг. orosz, нѣм. reuss. Оказывается однако, что древность этихъ названій ничѣмъ не установлена (174 стр.), при чемъ авторъ не потрудился даже прослѣдить исторію отношеній Венгріи къ русскому племени хотя-бы съ 12 в., дабы отвергнуть предположеніе, что эти названія могли возникнуть въ позднюю историческую эпоху путемъ мирной или насильственной колонизаціи. Между тѣмъ, свѣдѣнія эти онъ легко могъ-бы почерпнуть

въ самыхъ доступныхъ сочиненіяхъ по исторіи венгерскаго государства.

Труднаго вопроса о русской стихіи въ валашскомъ племени авторъ тоже избѣгаетъ касаться, и въ результатѣ мы довольно неожиданно читаемъ: «Такимъ образомъ въ сотый разъ мы убѣждаемся, что номенклатурныя указанія представляютъ серьезныя данныя, которыя нельзя игнорировать при освѣщеніи древнѣйшихъ судебъ народа» (177). Но народа пока еще нѣтъ, авторъ еще не провелъ моста чрезъ пропасть между VI и IX в. в. Ему нѣтъ времени этимъ заниматься, такъ какъ вотъ онъ уже въ области бродниковъ и берладниковъ, въ Подольи, слегка затронулъ гуцуловъ, Подолье, Бессарабію, и вотъ мы уже на Бихарскихъ горахъ. Никакого самостоятельнаго труда въ этихъ странствіяхъ автора не видно: все это рядъ выписокъ чужихъ мнѣній и сводовъ, туманныхъ соображеній, полунамековъ, какое то кокетничанье съ наукой, а русскаго народа и его Vorgeschichte обѣщанной все таки нѣтъ какъ нѣтъ. Авторъ любезно беретъ на себя посредничество между почтенными работниками на полѣ угорско-русской этнографіи, языка и исторіи, Гунфальви и проф. Кочубинскимъ (194), но никакого толку и эта метода не даетъ, ибо для рѣшенія сложныхъ вопросовъ исторической этнографіи необходимо самостоятельное изслѣдованіе, къ которому нашъ авторъ явно неспособенъ, какъ это видно изъ каждой строки его пестраго и занимательнаго труда. Непонятно лишь одно: для чего пишется книга почти въ 400 страницъ, если она переполнена признаніями въ родѣ нижеслѣдующаго: «Отмѣченные выше вопросы о славянствѣ занимающей насъ территоріи едва-ли когда нибудь будутъ освѣщены такъ, чтобы исключать всякую возможность сомнѣній и недоумѣній. Научная требовательность и точность не можетъ удовлетвориться общимъ освѣщеніемъ столь важнаго вопроса, а указаніе частностей при отсутствіи опредѣленныхъ свидѣтельствъ (напр., данныхъ о времени основанія поселеній, статистическихъ свѣдѣній о взаимодѣйствіи народностей) *невозможно*» (210). Если это такъ, то не правы-ли мы были, утверждая, что «Исторія древней Руси» г. Филевича есть собственно аллегорическая автобіографія, ибо если она не такова, то въ такомъ случаѣ это очень скверная шутка въ отношеніи читателя.

Мы дошли до 210 страницы—еще остается 170 страницъ, не менѣе интересныхъ и поучительныхъ въ научномъ смыслѣ, полныхъ открытій изумительныхъ и мыслей блестящихъ. Признаемся, мы опускаемъ въ безсиліи руки предъ этою неистощимою любезностью г.

Филевича, который говоритъ рѣшительно обо всемъ, кромѣ исторіи русскаго племени въ древнемъ Покарпатьи: такъ до самаго конца книги онъ и не можетъ отыскать этого племени, усердно знакомя читателя лишь съ своей біографіей въ обширномъ смыслѣ слова. Отъ рѣшенія каждаго сколько нибудь толково поставленнаго вопроса авторъ упорно уклоняется, ссылаясь то на свою профессію историка, которому позволительно не быть филологомъ, то на отсутствіе матеріаловъ, то на недостаточность подготовительныхъ работъ, то на мудрое изреченіе: festina lente и т. д. Нѣтъ возможности перечислить всѣ извороты и ухищренія нашего автора, пишущаго автобіографію и не желающаго сознаться въ этомъ. Безъ сомнѣнія непріятно написать толстую книгу по исторіи народа, въ которой никакой исторіи нѣтъ, какъ въ этомъ наглядно убѣждаютъ выставленные авторомъ тезисы (272), гдѣ все вѣрное не ново и къ дѣлу не относится, а новое—не доказано или просто не имѣетъ смысла; но, какъ фактъ біографическій, и такая книга имѣетъ свое значеніе въ общемъ ходѣ бытія.

Авторъ потратилъ много усилій для сокрытія истинной цѣли книги, много спорилъ съ разными учеными и неучеными людьми, упрекалъ мадьяръ, нѣмцевъ, поляковъ за отсутствіе у нихъ истиннаго славянскаго чувства и «метода», много потрудился надъ разъясненіемъ основъ своего собственнаго метода (отнюдь не надеждинскаго); наконецъ, своею задушевностью и нѣкоторою развязностью въ отношеніи читателя онъ доставилъ послѣднему не мало веселыхъ минутъ Такія минуты и мы испытали, изслѣдуя сокрытую аллегорію «Исторіи древней Руси». Въ благодарность автору за его теплое отношеніе къ любителямъ біографическихъ этюдовъ, позволимъ себѣ тоже высказать нѣсколько тезисовъ по поводу этой высоко любопытной книги:

1) При изслѣдованіи Vorgeschichte угорскихъ руссовъ или даже славянъ вообще не мѣшало-бы ознакомиться ближайшимъ образомъ также съ бытомъ, языкомъ и научной литературой какъ самихъ руссовъ, такъ мадьяръ и румынъ.

2) Приступая къ изслѣдованію этой Vorgeschichte, необходимо твердо помнить, что наука не признаетъ никакихъ отговорокъ для историка, заявляющаго, что онъ не филологъ и т. п., ибо ежели безъ помощи филологіи нельзя обойтись въ этомъ случаѣ, то незачѣмъ и предпринимать дѣло невыполнимое. Тоже относится и до этнографіи, антропологіи, археологіи: что-же дѣлать, приходится Vorgeschichtsschreiber'амъ знакомиться и съ этими трудными науками.

3) Необходимо твердо помнить, что наука требуетъ разумныхъ доказательствъ, ибо въ противномъ случаѣ она обратилась-бы въ семейное развлеченіе или пошлую шутку.

4) Слѣдуетъ памятовать, что не всегда изъ столкновенія чужихъ мнѣній вытекаетъ истина, и что мѣшокъ съ горохомъ отнюдь не составляетъ органическаго цѣлаго.

5) Ежели волею судебъ пришлось истребить массу бумаги на писанія, не приводящія ни къ какому результату, то не слѣдуетъ написанное предавать тисненію иначе, какъ въ формѣ автобіографической записки.

6) Не мѣшаетъ иногда поучиться хотя-бы у нѣмцевъ. Такъ, напр., нашему автору весьма и весьма полезно было бы проштудировать основательно хотя-бы книгу Вильг. Арнольда: «Ansiedelungen und Wanderungen deutscher Stämme (Marbug, 1875). Это сильно содѣйствовало-бы проясненію нездоровой мечтательности автора «Исторіи древней Руси» по вопросу о регрессивномъ или, точнѣе сказать, декадентскомъ методѣ въ историческихъ изученіяхъ, дало-бы ему понять, что болтовня о методѣ отнюдь не помогаетъ работѣ историка и что для примѣненія всякой разумной методы нуженъ прежде всего усиленный и самостоятельный трудъ, ибо истина даромъ не дается историку. Правда, есть истина и истина. Уже блаж. Августинъ сказалъ: Ubi scandalum est veritas, ibi scandalum jam fit, sed veritas modo dicitur.

Н. М.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LIV 1896 г. Іюль, Августъ и Сентябрь

ОТДѢЛЪ I-й.

		стр.
I.	ЮЖНОРУССКАЯ ПАСХАЛЬНАЯ ДРАМА. **Мирона**	1—29
II.	ПИСЬМА ПРОТОІЕРЕЯ АРСЕНІЯ ЛЕБЕДИНЦЕВА, б. БЛАГОЧИННАГО ЦЕРКВЕЙ ЮЖНАГО БЕРЕГА КРЫМА, КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ИННОКЕНТІЮ, АРХІЕПИСКОПУ ХЕРСОНСКОМУ И ТАВРИЧЕСКОМУ, СЪ ДОПЕСЕНІЯМИ О ХОДѢ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ И СОСТОЯНІИ ЦЕРКВЕЙ И ДУХОВЕНСТВА ВО ВРЕМЯ 11-ТИМѢСЯЧНОЙ ОСАДЫ СЕВАСТОПАЛЯ	30—63
III.	СЕРБЫ ВЪ ГЕТМАНЩИНѢ. Историческая повѣсть. **А. Полницкаго.** 64—94.	197—228
IV.	ХАРЬКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО БЛАГОТВОРЕНІЯ ВЪ 1812—1817 г.г. Историческій очеркъ. **В. Лапина**	95—112
V.	ОЧЕРКИ ДОРЕФОРМЕННАГО БЫТА ВЪ ПОЛТАВСКОМЪ ПОБЕРЕЖЬИ **Н. В—цкаго.**	113—132
VI.	СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ **Н. Ѳ. Сумцова.** 133—150	262—274
VII.	ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКО. (1719—1723 и 1754 г.).	151—196
VIII.	СМЕРТЬ, ПОГРЕБЕНІЕ И ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ ПО ПОНЯТІЯМЪ И ВѢРОВАНІЮ НАРОДА. **Ив. Бѣньковскаго.** . .	229—261
IX.	ПИСЬМА М. А. МАКСИМОВИЧА КЪ С. П. ШЕВЫРЕВУ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями. **В. Науменка.**	275—294
X.	ИЗЪ КОЛОМЫИ ВЪ КОСОВЪ. *Перев. съ чешскаго.* **А. Степовича.**	295—310

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Универсалъ гетмана Разумовскаго о прекращеніи старшинскихъ наси-

стр.

лій. **А. Л.** б) Дѣло (2—22 октября 1694-го г.) о пожалованіи двухъ черкасъ за выходъ и полонное терпѣнье деньгами и сукномъ изъ галицкаго и малороссійскаго приказовъ. Сообщилъ **Василій Сторожевъ**. в) Бурты (чигир. у.), какъ мѣсто археологическихъ находокъ. **Н. Бо—скаго** г) Новое изслѣдованіе о жизни французской королевы Анны Ярославны. **П. Голубовскаго**. д) Къ исторіи перевода и свода законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи. **Д. Вишневскаго**. е) Къ біографіи Ивана Мазепы. **В. И.** ж) Интересный народный обычай во время жатвы. **Ив. Бѣньковскаго**. з) Эпизодъ при выборахъ въ законодательную коммиссію 1767 г. **В. Щербины**. и) Письмо архимандрита кіево-печерской лавры Тимоѳея Щербацкаго къ митрополиту кіевскому Рафаилу Заборовскому. і) По вопросу о происхожденіи названія «Полтава». Сообщ. **Левъ Мацѣевичъ**. к) Къ вопросу объ источникахъ «Вія». **В. Милорадовича**. л) Къ исторіи малорусскаго духовенства. **Протоіерея Петра Орловскаго**. м) Изъ жизни Кіева въ началѣ исходящаго столѣтія. Сообщ. **Левъ Мацѣевичъ**. 1—26 . . . . . 45—68

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое подъ ред. Николая Тихонравова и Владиміра Шенрока. Т. VII и VIII. **Е. Пѣтухова**. б) Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Т. VII-й. **И. Каманина**. в) Жерела до історіи Украины-Руси. Видае комісия археографічна Наукового Товариства імени Шевченка. Том I. **В. Щербины**. г) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1892 годъ. **В. Науменка**. д) И. Филевичъ. Исторія древней Руси. Томъ I. Территорія и населеніе. **Е. В. Данилевича**. е) И. Филевичъ. Исторія древней Руси. Томъ I. Территорія и населеніе. **Н. М.** 27—44. . . . . 69—93

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ» *(въ концѣ книги)*. . . . . 1—7

III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (305—320), (321—336), (337—352).

2) Любецкій Архивъ. (177—192), (193—208).

рано въ Сварковъ и осмотрѣвши тамъ, черезъ короткое время повернулъ я домой на обѣдъ, а ездилъ зъ самого дому до двора сварковского отсель и оттуда сюда часъ. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ. уснувъ, ездилъ до Паска и у оного посидя, повернулся. Отъ швакгра моего Якова Полуботка получилъ листъ черезъ служителя его, Завадзкого, которій отпущенъ зъ мѣстечка Ракова на семъ боцѣ Брестя Литовского, неподалеку отъ оного, где обозний енералний, командиръ и бунчуковіе товарищи стоятъ у палацу бѣскупа „ " которій партіи Лящинского, а протчіе козаки, якихъ при обозномъ толко на 3000, стоятъ около, протчіе же козаки пойшли до Вѣлни зъ регулярними полками, а генералъ аншефъ Лессій отправивши бунчукового товариша Ширая въ габѣнетъ ея величества за полученіемъ резолюцѣи на доношеніе противъ которого рангу обозного енералного и бунчуковихъ товарищей щитать, самъ съ полками рушилъ до Кракова (якъ онъ же Завадзкій говорилъ) воеводу Кіевского, Потоцкого, доганяючи. Генерала же лейтенанта Загрязкого до Гданска виправилъ, где слишно, что Лящинскій зъ примасомъ и многими сенаторами найдуется и готуется уступать у Стралзундъ, оттоль для того, что по указу ея ім. в—ва генералъ Лессій посилалъ къ Гданчанамъ зъ тимъ угроженіемъ, что ежели они помянутого Лящинского не випроводятъ зъ Гданска, то онъ приидетъ туда бомбардировать ихъ городъ.

Пятокъ. 14. День былъ хмарній зъ силнимъ вѣтромъ, снѣгомъ и метелицею, которая о полднѣ перестала, а къ вечеру стало тепло, а черезъ ночъ дощикъ ишолъ, такъ что зъ стрѣхъ велми капало до свѣта. Былъ я у судѣ и подалъ чолобитте на Ерофѣя и попа сторони дворовъ поля пахатного и мелници ними владѣемихъ, а зъ тихъ добръ никакой службы до двора моего не отправляютъ, хочай и унѣверсалъ покойного тестя въ такой силѣ онъ, Ерофѣй, получилъ. Родитель поехалъ въ Кролевець передъ вечоромъ. Въ судѣ енер. опредѣленіе учинено по дѣлу Коховского сискать брата Семена допросить его порука (?) въ листѣ до его писанномъ. Да по дѣлу черцовъ новгородскихъ опредѣленіе учинено сторони перевозу Шабалиновского—принять отъ насъ купчіе на берега и взять сказку.

Субота. 15. День былъ хмарній, вѣтрянъ, вѣтромъ полуденнимъ, тепелъ, мокроватъ и у вечеру зъ дощемъ, ночъ такова жъ, а зъ полночи вѣтеръ полунощний холодний зъ снѣгомъ и стужею, къ свѣту вияснилось велми и морозъ прибавился жестокій. Обѣдалъ я въ дому и со мною попъ генералской отецъ Якимъ, а у вечеру ездилъ до Синявина, и тамъ доволно посидѣвши, отехалъ домой.

Неделя. 16. День былъ свѣтлій, тихій, погодній зъ жестокимъ морозомъ, ночъ тиха, свѣтла, погодна съ жесточайшимъ морозомъ, а къ свѣту хмарно, снѣгъ зъ метелицею. Родителка зъ Ромна пріехала на обѣдъ, зъ которою обѣдалъ и съ нами Косовичъ, а у вечеру зъ Кролевца пріехалъ родитель.

Понедел. 17. День былъ хмарній сперва съ снѣжкомъ, а посля оттеплѣло и тихо, къ вечору вѣтеръ полуденний зъ малимъ дощемъ, ночъ тепла, вѣтряна зъ великимъ дощемъ, зъ полночи полунощний вѣтеръ силний велми и морозъ. Банкетъ билъ у гетманскомъ дворѣ для тезоименитства его гетманского и подпіяхомъ. Вѣжевскій зъ Нѣжина черезъ Александра писалъ ко мнѣ Левицкого, что указъ отъ генерала Вейзбаха привезли греки, жебы Пѣперови товари розобрать кредиторамъ его почасти, а въ допросѣ билъ, что не имѣютъ чимъ отдавать долгу. Отъ швакгра п. Акима Троцкого получилъ я вѣдомость, что онъ въ добромъ обрѣтается здоровю и вернулся зъ всѣмъ бунчуковимъ товариствомъ зъ подъ Варшави до Брестя Литовского на винтерквартеру для того, что у Варшави возъ сѣна по червонному, а овса и не достать нигде и для такой скудости конского корму мусѣли зимовать у Яновѣ.

Вовтор. 18. День былъ вѣтрянъ велми, вѣтромъ холоднимъ и гололедиця такая была, что весма трудно некованою лошаддю поехать, морозъ и хмарно, такова жъ власне и ночъ. Праздновали тезоименитство ея височества государинѣ цесаревни Елисавети Петровни у столу гетманского и подпіяхомъ.

Середа. 19. День былъ вѣтрянъ зъ ранку зъ снѣжницею, а посля такъ, ночъ зъ вѣтромъ же и зъ дощемъ великимъ до полночи, а зъ полночи жесточайшій вѣтеръ насталъ до свѣта и зъ холодомъ. Были на пастовнику зъ родителемъ службы божой и панахиди по покойной тіотцѣ ясневелможной слушали.

Четвер. 20. День былъ сперва хмарній, а после свѣтлій, вѣтренъ велми и холоденъ, ночъ сперва свѣтла, а после хмарна зъ жестокимъ вѣтромъ. Былъ я на службѣ Божой у ст. Николая и заходилъ до п. Михаила, у вечеру ездилъ до Паска, Радищева и Синявина въ моемъ дѣлѣ, сторони должниковъ грекозъ—просить ихъ. Юско у ночѣ отпущенъ въ Роменъ и въ футоръ Гамалѣевскій за конми, чтобъ ихъ сюда привесть, далъ ему приказъ и 50 к. Извѣстно заподлинно, что князь Алексѣй Ивановичъ Шаховскій ординованъ зъ войсками въ Полщу въ маетности недоброжелателного россійскому государству воеводи Кіевского Потоцкого. Да пріехалъ зъ Москви Михайло Циганчукъ и сказивалъ, что дочъ Ѳедора Карпѣки небожчика, зъ которою Семенъ Карпѣка уехалъ въ С.П.Бурхъ, вийшла тамъ замужъ за Манковского, гуслѣсту при дворѣ ея величества обрѣтаючогося и сватба ихъ въ дворцѣ государевомъ отправлялась.

Пятокъ. 21. День былъ хмарній, а послѣ свѣтлій, толко велми вѣтрянъ, ночъ свѣтла, вѣтряна и холодна. Сегодня рано я ездилъ до Синявина за моимъ дѣломъ, чтобъ указъ послать о должникахъ въ Нѣжинъ, и ничего не здѣлалъ. Дворникъ новий, кучировъ сынъ, у Сварковѣ устроенъ.

Субота. 22. День былъ подобний вчорайшому, такова жъ и ночъ. Причащались род. и я и въ дому обѣдали. Климъ зъ ревѣзѣи повернулся зъ Сухонос.

Неделя. 23. День былъ свѣтлій, тихій, холодній, ночъ хмарна зъ отлигою и тепловата. На службѣ были у ст. Анастасіи, заходили до гетмана, обѣдали у себе, а у вечеру ездилъ я до Радищева и незаставши, заехалъ до Кишкина и, посидя тамъ и поговоря сторони дѣла о должникахъ, воротился. Гололедица что некованною лошаддю отнюдь нелзя ехать, отъ 18-го декавр. до сихъ поръ пакоститъ.

Понедел. 24. День былъ хмарній зъ снѣгомъ велми густимъ, мокримъ, которий потаялъ скоро, ночъ сперва показалась свѣтла, а после хмарна зъ снѣжкомъ и дощемъ и тепла. Въ ночъ противъ Рождества пріехалъ зъ С.П.Бурху полковникъ інгермоландского полку пехотного Авраамъ Григор. Шамординъ и сталъ квартерою

въ квартерѣ генералской Нарѣшкина, Семена Григоріевича, которій его наездъ сумнѣніе задалъ.

Рождество Х—во. Вовтор. 25. День былъ мокрій, хмарний, теплій зъ дощемъ мало не чрезъ увесь день, ночь вѣтряна зъ снѣгомъ, а зъ полночи переставъ вѣтеръ, вияснилось и морозъ сталъ жестокій. Сегодня зъ поздравленіемъ были у гетмана, где видѣли и ново пріехавшого полковника Шамордина зъ протчими, обѣдалисмо у себе, и после того никуда неездили. Вѣжевскій и Алексѣй пріехали зъ Нѣжина, ничого не вигравши.

Середа. 26. День былъ хмарній, вѣтряній и холодній, а особливе къ вечеру, ночъ хмарна зъ снѣгомъ и вѣтромъ, а найпаче къ свѣту. На службѣ былъ я у церквѣ генералской, обѣдалъ въ дому, а родители зъ женою у п. гетмановой, куда и я пріехалъ, и обще зъ п. Михайломъ и другими ездили до Радищева, у которого сынъ Іванъ сегодня родился, где и подпіяхомъ очинъ. Полковникъ Шамординъ сеей ночи отъ Радищева поехалъ въ Кіевъ и взялъ зъ собою капитана Буроту, а для чего неизвѣстно.

Четвер. 27. День былъ вѣтрянъ зъ метелицею и холоденъ велми; зъ полдня вияснилось зъ вѣтромъ и холодомъ, какова и ночъ била со жестокимъ велми морозомъ. Обѣдалисмо у себе, а у вечеру ездили до Паска и тамъ впервое играли въ карти въ контру, зъ проиграшомъ моимъ 10 к.

Пятокъ. 28. День былъ свѣтлій, вѣтряний зъ жесточайшимъ морозомъ, такова жъ и ночъ была. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ пріехалъ до мене п. Михайло, зъ которимъ кофе напившись, онъ отехалъ, а я зъ род. ездилъ до Синявина и тамъ забавившись доволно, пріехалъ.

Субота. 29. День былъ свѣтлій, холодний велми, ночъ такова жъ. Обѣдалисмо у себе, а у вечеру ездили до Синявина, где посидѣвши доволно, повернулись домой позно. Жена зъ дѣтми рано поехали до Михайловки (лебединск. у.) въ гостѣ до швакгра п. Андрѣя Полуботка.

Неделя. 30. День былъ подобний вчорайшому и ночъ такова жъ. На службѣ билъ у ст. Анастасіи. Обѣдали у себе, а по

обѣдѣ былъ у п. Михайла у вечеру и посидя, отехалъ. Унѣверсалъ нового короля полского Августа III-го курфирста Саксонского присланъ отъ Грабянки, полковника Гадяцкого, видѣлъ я, въ которомъ призиваетъ партизановъ Станислава Лящинского до соединенія, обѣщавая ихъ противности вѣчному предать забвенію.

Понедел. 31. День былъ хмарній и студений зѣло, такова жъ и ночъ. Былъ я въ лавкахъ и смотрѣлъ ярмарку, оттоль повернувшись домой, обѣдалъ зъ род., а у вечору ездилъ до п. Михайла и тамъ посидя повернулся и засталъ здо Синявина и Хрипунова загостившихъ.

Берейтеру дача: сент. 23 д. отослалъ копу жита, а 2 копи овса, возъ сѣна.

Октовр. 3-го отослалъ барановъ 3-хъ.

— 21 д. далъ ему жъ копу жита и 2 копи овса.

1734 годъ. Генварь мѣсяцъ.

Вовтор. 1. День былъ хмарній, толко жестоко холодний, а съ полдня свѣтелъ со жестокою стужею, отчего на небѣ столпи два явились, ночъ свѣтла, тиха, жестоко холодна. Рано былисмо на службѣ Божой у ст. Анастасіи, а обѣдали у себе и по обѣдѣ ездилъ я до п. Михайла, отъ которого у лавкахъ билъ и повернулъся домой.

Середа. 2. День былъ свѣтлій, тихій, холодний очинъ, такова жъ и ночъ. Обѣдалисмо у себе и съ нами братъ Семенъ, пріехавшій сегодня зъ Ромна. Полковники миргор. и лубенскій зъ женами пріехали въ Глуховъ, которимъ у вечеру визиту я отдалъ. При мнѣ прійшолъ въ гетманскій домъ капитанъ здешнего гварнѣзонного полку и взялъ зъ собою Храповѣцкого молодого, брата полковници лубенской и попровадилъ въ домъ генерала Нарѣшкина, где стоитъ полковникъ Шамординъ, вчера повернувшійся зъ Нѣжина сюда.

Четвер. 3. День былъ зъ жестокимъ морозомъ, свѣтлій, такова жъ и ночъ, сходніе прежнимъ. Сегодня банкетъ билъ у дому гетманскомъ, били великороссійскіе Шамординъ, Радищевъ, Кишкинъ, Синявинъ, Хрипуновъ, Неплюевъ, Пасекъ и мы зъ род. и полковники миргор. и луб. и п. Михайло и подпіяхомъ зѣло. Въ ночъ по банкетѣ отехалъ Шамординъ и зъ собою взялъ и Храповѣцкого.

Пятокъ. 4. День былъ хмарній зъ невеликимъ снѣжкомъ, ночъ холодна очинь противъ прежнихъ. Ездилъ я въ Сварковъ и оттоль въ футоръ, протверезуючись. Повернувшись, обѣдалъ въ дому, по обѣдѣ зъ п. Михайломъ ездилъ до полков. луб. на Бѣлополовку, где пили кофе и розехались.

Субота. 5. День былъ почасти хмарній и почасти свѣтлій, а особливе къ вечору, а морозъ въ жестокости своей однакий, ночъ была такъ же жестоко холодна, тиха и погодна. Никуда я не ездилъ, а отправилъ Клима Крисковского до стар. Крис. зъ листомъ, чтобъ купчую исправилъ и прислалъ, чтобъ реестръ Шмуйла апрабовалъ и... прислалъ, чтобъ ктитора не зъ грунтовихъ до церкви вибрать, чтобъ Сухомлину за ниву заставную отъ Кривопущенка денги отложилъ, чтобъ Данило Пилипенко нивою Николая Товкаченка владѣлъ покамѣстъ Николай денги уплоченніе Тимченкомъ Сухомлину отдастъ Тимченку. Дѣдику да Гломаздѣ далъ я листъ до Сотника Кризкого (Крига-Бѣлополье) о доправкѣ денегъ 9 р. 50 к. на Кризчанахъ, должнихъ намъ.

Неделя. 6. День былъ хмарній почасти и почасти свѣтлій, тихій, однакого воздуха растворенія зъ вчорайшимъ, ночъ такова жъ. На службѣ билъ у ст. Николая, не ездилъ на Іордань, но зъ дому своего смотрѣлъ. Обѣдалъ у себе зъ род., а по обѣдѣ проежджался и повернулся позно. Вѣстно, что обозний енералний съ походу отправилъ въ С.П.Бурхъ бунч. товарища Ширая въ габѣнетъ до ея величества, прося милости въ томъ, что генералъ порутчикъ Загрязкій видачею жалованія государева понизилъ, какъ его обозного, которого противъ полуполковника положилъ, такъ и бунчуковихъ товарищей противу вахмистрей.

Понедел. 7. День былъ тихій, хмарній зъ знатною отлигою, а особливо къ вечору и черезъ ночъ отмѣна воздуха къ теплу и мокротѣ показалась. Билъ я сегодня на службѣ у ст. Михаила, обѣдалъ у дворѣ гетманскомъ зъ п. Михайломъ и пол. Луб. и Миргор. и пріехавши домой, никуда уже не ездилъ.

Вовтор. 8. День былъ хмарній зъ дощемъ густимъ (которій до вечора самого ишолъ), теплій, тихій, ночъ такъже хмарна, мокра и тиха. На крестинахъ были у Радищева и подпіяхомъ очинъ.

Середа. 9. День былъ сперва мокрій, о полднѣ снѣгъ сухій и морозъ, которій къ вечору прибавился очинъ, а ночъ хмарна, вѣтряна зъ стужею. Былисмо на банкетѣ у сотника глуховского Уманца для окрещенной дочери его и подпіяхомъ. Слишно, что яко би генералъ аншефъ и кавалеръ фонъ Вейзбахъ зъ Кіева пошолъ зъ войскомъ подъ Бѣлую Церковъ и зъ артилеріею.

Четвер. 10. День былъ хмарній зъ снѣгомъ и зъ холодомъ великимъ, ночъ еще холоднѣйшая, свѣтла. Обѣдалисмо зъ род. обома на пастовнику, а по обѣдѣ ездилъ до Паска и до п. Петра (Апостола) и посидя, вернулся.

Пятокъ. 11. День былъ хмаренъ зъ невеликимъ снѣгомъ, холоденъ, ночъ хмарна, холодна очинъ, сходство зъ вчорайшими. Подалъ я въ судѣ енер. чолобитную на должниковъ Пѣпера съ товарищи и Ѳармакѣя, чтобъ ихъ въ судъ енер. искать, а товари ихъ пріарештовать. Жена моя зъ дѣтми повернулась зъ гостини отъ швакгра п. Андрѣя Полуботка.

Субота. 12. День былъ свѣтлий, холодний, тихій, къ вечору хмаренъ зъ снѣжкомъ малимъ мокримъ, ночъ тиха, хмарна и мокровата. Сегодня банкетъ былъ у родителей на пастовнику для начавшогося акту веселного брата Івана.

Неделя. 13. День былъ хмарній зъ снѣжкомъ мокримъ, тепловатъ, ночъ такова жъ власне, толко почасти вѣтряна. Актъ веселний совершился брату моему Івану зъ дочерю Ломиковской Анастасіею, а внукою гетманскою [1]). Гетманъ г. Апостолъ повторно

[1]) Дочь Ивана Ивановича Ломиковскаго († 1730), женатаго на дочери гетмана Татьянѣ. При Апостолѣ Лі—й былъ „господаремъ Гадяцкаго замка“.

тяжко заболѣлъ на прежную свою болѣзнь паралѣтичную, которая ему отняла свободную мову.

Понедел. 14. День былъ свѣтлій и холодний, а посля хмаренъ и оттеплѣлъ зъ снѣжкомъ, ночъ хмарна, тиха и мокровата. Банкетъ билъ по прежнему на пастовнику у родителей, у вечеру, и пріехали господа наши великороссійскіе, Радищевъ, Кишкинъ и Пасекъ, сваха Ломиковская и полковница Миргородская. Слишно, что будто пойманний шпионъ у Новгородку и сюда въ Глуховъ привезенний въ розиску сказалъ, что онъ посланъ отъ Сапѣги молодого, нѣякогось Салогуба, осмотрѣвать въ полкахъ Старадубовскомъ и Чернѣговскомъ сколко нашего имѣется войска, знатно хотя ударить непріятелскимъ способомъ на оніе полки. Да такихъ же шпіоновъ кромѣ сего будто 11, а всѣхъ 12 вислано.

Вовтор. 15. День былъ холодний, вѣтряний велми, зъ мокроватимъ почасти воздухомъ, ночъ хмарна, холодновата и вѣтряна очинъ. Сегодня у насъ на пастовнику совершилась сватба братняя, на которой билъ Мякининъ зъ женою, п. писаръ енер., п. Стефанъ Миклашевскій и протчіе мѣлшіе. Панъ гетманъ нашъ зъ болезни своей жадной неощущаючи отради, къ болшому сталъ приходить безсилію и прійшла другая ему болезнь, именуемая lemogus (?).

Середа. 16. День былъ подобний вчорайшому, толко тихшій, тако жъ и ночъ. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездили до пастовника и оттуду повернулся и никуда не ездилъ. Панъ гетманъ еще горше сталъ себе ощущать и никакого движенія не сталъ имѣть, толко въ одной правой нозѣ.

Четвер. 17. День былъ подобний прежнимъ и ночъ таковажъ. Сегодня были у п. гетмана очинъ слабаго, оттоль повернувшись, обѣдали на пастовнику у родителей. Вѣжевскій да Алексѣй отправлены въ Нѣжинъ за должниками моими, которимъ далъ я 7 р. на дорогу. Гетманъ и кавалеръ ордина ст. Александра Невского Данило Павловичъ Апостолъ умре зъ полдня часа 5-го у вечеру, которого тѣло винесено въ столовую избу, убрано богато зъ кавалеріею и положено публѣчно, по обѣихъ сторонахъ капраловъ человѣка два стало на караулѣ.

Пятокъ. 18. День былъ и ночъ подобніе вчорайшимъ, безъ снѣгу, а у вечеру щось мокрое да холодное на примѣръ дощу ишло. Ездилъ я въ городъ зъ род. до Синявина сторони дѣла зъ Коховскимъ и самъ до Паска, да былъ у гетманскомъ дворѣ, и на пастовнику у родителей. Братъ мой Лука отпущенъ зъ братомъ Маркомъ и женою его въ Стародубъ, для сватби его Лукиной зъ дочерю Плотной.

Субота. 19. День былъ и ночъ во всемъ сходніе зъ вчорайшими. Сей день отправили зъ молебствіемъ и зъ публѣчнимъ стреляннемъ ради возшестія на престолъ ея Імператорскаго Величества и подніяхомъ у полковника Радищева до позна.

Неделя. 20. Сей день и ночъ подобний вчорайшимъ, толко къ вечору зъ теплѣйшимъ съ мокротою, растворенiемъ, а рано съ густимъ на малое время снѣгомъ. Сегодня виносъ былъ зъ двора гетманскаго въ церковъ ст. Николая тѣла гетманскаго такою церемонѣею и порадкомъ: ушикованніе по обоихъ сторонахъ стояли козаки сотнѣ глуховской и жолнѣре, сперва несено маръ нѣсколько, а за марами несена короговъ гетманская Искрицкимъ и другими, потомъ шаблю на подушкѣ несли братъ мой Іванъ Заборовскій Федоръ, за ними несли на подушкѣ алой аксамитной кавалерію красного банта писаръ енералний Турковскій, а по бокахъ Андрѣй Трощинскій, да сотникъ Опошнянскій Корицкій [1]) за ними несли тожъ на подушкѣ борхатной алой булаву гетманскую, бунчукъ и печать суддя енералний Борзна да по бокахъ я и Стефанъ Миклашевскій около того, по обоихъ сторонахъ ишло духовенство и школники попереду, а вслѣдъ несенъ гробъ чорнимъ бархатомъ зъ золотимъ пузаментомъ аббитий, и покамѣстъ донесли до церкви, стреляно зъ мозчирей [2]) помѣнутно, а якъ внесенъ гробъ въ церковъ и поставленъ, то и клейноти помянутіе при гробѣ положени на столикахъ по обоихъ бокахъ: зъ правой сторони—булава и бунчукъ, а зъ лѣвой кавалерія, и караулъ два человѣка капраловъ

[1]) Женатый на внукѣ умершаго гетмана, дочери Ивана Ломиковскаго. См. стр. 343.

[2]) Небольшія пушки.

стали по обоихъ бокахъ и дневалнихъ по два человѣка знатнихъ козаковъ опредѣлено почережно, по суточно, стоять. По службѣ Божой великая отправлена панахида и тако оная окончилась церемонѣя. На памятку золотіе обручики давани великороссійскимъ господамъ, генералной старшинѣ и оберъ-офѣцерамъ, на которихъ билъ надписъ, что покойний гетманъ Апостолъ родился 1658-го году, декабр. 4 д., а преставился 1734-го году, генвар. 17 дня латинскимъ діялектомъ. Правленіе енералной канцеляріи переменилось на таковий видъ: указами стали писать до подкомендних, на которихъ подписъ полковниковъ Радищева и Кишкина, подполковника Сенявина и Паска, а пониже ихъ писара енералного Турковского.

Понедел. 21. День былъ и ночъ подобніе вчорайшимъ, хмарніе, тихіе, безъ снѣгу зъ теплѣйшимъ еще воздуха растворенiемъ. Обѣдалъ я у себе зъ женою и дѣтми. Зять п. Стефанъ повернулся зъ Новгородка и привезлъ виданніе отъ Максима Турковского одни фанти, а клейнотовъ невидано, что осталось по смерти жени его Максимовой, а племѣнници нашой.

Вовтор. 22. День былъ еще отъ прежнихъ якъ бы теплѣйшій, мокроватъ, хмаренъ и тихъ, такова жъ и ночъ. Сегодня ездилъ я въ судъ и не подавши чолобиття на Паска, чтобъ ему по дѣлу Коховского не присутствовать для средства, для того, что его не было въ судѣ, повернулся и обѣдали на пастовнику зъ родителми. У вечеру ездилъ я до брата п. Михайла и посидя мало, вернулся домой. Родитель подарилъ зятеви моему шаблю хорошую подъ камѣннемъ яхонтами.

Середа. 23. День и ночъ таковіе жъ были, якъ и вчорайшіе, толко зъ болшою мокротою дождевною. Обѣдалисмо у себе зъ дѣтми, а родители на пастовнику. По обѣдѣ, уже смеркомъ, виехала жена, и съ нею дѣти, зять Стефанъ зъ Ганнусею и Пазя на веселле братнее Луки, а оттоль до свата п. обозного Есимонтовскаго въ Мглинъ зъ дѣтми, оттоль у вечеру поехалъ я до Синявина и сидѣлъ долго у контру играючи. Слишно, что енералъ—аншефъ фонъ Вейзбахъ зъ Кіева пошедшій Бѣлой Церкви атаковать, получилъ оную безъ бою, для того, что тамошній комендантъ винеслъ

за городъ ключи отъ города и вручилъ генералови. Слишно, что еще одного поймали шпіона зъ тихъ, которихъ вислалъ Сапѣга внутръ Малой Россіи, довѣдуючись, много ли зде у насъ имѣется войска.

Четвер. 24. День и ночъ были во всемъ сходніе вчорайшимъ. Былъ я у судѣ енер. и подали челобитте отъ родителя, отрѣшаючи Паска отъ присутствія въ судѣ по дѣлу Коховского, затѣмъ, что онъ сватъ ему Коховскому, понеже двоюродная сестра жени Пасковой за Стефаномъ Коховскимъ, роднимъ братомъ. Обѣдалисмо на пастовнику у родителей, а по обѣдѣ матка отехала въ Ромень и при ней братъ Іванъ зъ женою, а я у вечеру былъ у п. Михайла и тамъ полковнику лубен. подарилъ табакеръ новую зъ табакомъ, отвдячаючи за уступленніе имъ скиртъ 2 сѣна у футорѣ мой Криворудскій.

Пятокъ. 25. День былъ зранку зъ морозцемъ, а после тепелъ, хмаренъ и тихъ, такова жъ и ночъ. Ездилъ я до Сваркова рано, где осмотрѣлъ палей и мосту нового, теперъ дѣлаючогося, оттоль повернулся и заездилъ до футора и съ футора домой.

Субота. 26. День и ночъ были противъ вчорайшихъ, толко вѣтеръ показался силний, полуденний. Банкетъ былъ послѣдній въ дворѣ гетманскомъ ради поминанія покойнаго гетмана, господина Апостола, и подпіяхомъ. Зъ С.П.Бурха принесени писма, въ томъ числѣ отъ Андрея Горленка, который обявляетъ, что въ габѣнетѣ ея величества опредѣленіе состоялось—жалованне денежное видавать въ нинѣшномъ походѣ обозному генералному противъ генерала маіора, полковникамъ настоящимъ противъ подполковниковъ, полковникамъ наказнимъ противъ маіоровъ, бунчуковимъ товарищамъ противъ капитановъ, сотникамъ противъ подпорутчиковъ. Сынъ Гаврила Івановича Головнина, Іванъ Гавриловичъ, паралѣжемъ зараженний, умре.

Неделя. 27. День былъ хмарний, вѣтрянъ и холодноватъ, а отъ вчорайшого тепла и дощу гололѣдица стала, ночъ хмарна жъ, вѣтряна велми и снѣжна, а после тиха и мокровата. Сегодня по службѣ Божой отвезено тѣло гетманское зъ Глухова въ Сорочинцѣ

для погребенія, куда и архіепископъ кіевскій зъ Кіева, а виносъ былъ зде зъ публѣчною церемонѣею нижей слѣдуючимъ порядкомъ: 1) Сперва козаки зъ ружжемъ ишли 30; 2) за ними ишолъ полкъ гварнѣзонний; 3) за полкомъ несено маръ 11; 4) за марами ехалъ конюшій въ черномъ одѣяніи и за нимъ ведени верховіе конѣ, а на остатку конь въ чорномъ одѣяніи; 5) Посля ишли маршалки два въ чорномъ одѣяніи и флорахъ зъ палками маршалковскими, на верхъ которихъ таблички зъ гербомъ гетманскимъ, обязанніе палки фліоромъ чорнимъ и бѣлимъ; 6) за ними несена шабля; 7) за тимъ несена короговъ; 8) посля несенъ штандартъ, контерфектъ (портретъ) покойного гетмана; 9) а посля несена кавалерія; 10) за тимъ клейноти гетманскіе, булава, бунчукъ и печать порядкомъ прежнимъ; 11) около духовенство и архимандритъ новгородскій; 12) потомъ два вершники въ черномъ платтѣ ехали; 13) а за ними балдахинъ съ тѣломъ, чорно убранний, подъ нимъ 6 лошадей въ капахъ чорнихъ, въ немъ гробъ; за гробомъ ишла фамилія гетманская и съ такою церемонѣею ишли въ браму кіевскую за городъ увесь, а въ полѣ полкъ трижди залпомъ огонь дали и козаки, а зъ города помѣнутно зъ пушокъ были. Клейноти и кавалерія взяти въ минѣстерскую канцеллярію, а они въ свой путь поехали, гетманова, полковники оба, миргор. и луб., асаулъ енер. Лисенко и проч., а мы возвратились домой.

Понедел. 28. День былъ хмарний, мокроватъ и не холоденъ и ночъ такова жъ зъ таяніемъ снѣга. Были на молебствіи ради дня рожденія ея величества, откуду родитель до Кишкина поехалъ, а я домой, где и обѣдалъ и никуда неездилъ. Федоръ Чуйкевичъ пріехалъ съ Нѣжина (куда посиланъ былъ зъ суда енер. зъ указомъ по челобитію моемъ описать и заарештовать товари должниковъ моихъ Пѣпера съ Константіемъ и Димитріемъ и Фармакѣя) и ничево тамъ не здѣлалъ за препятствіемъ коменданта.

Вовтор. 29. День былъ сперва свѣтелъ и холодненіокъ сухимъ морозцемъ, а къ вечору хмаренъ, тихъ и тепелъ зъ таяніемъ снѣгу. Такъ же и ночъ хмарна, тиха, мокра почасти отъ дощу и

снѣгу. Обѣдалисмо у себя зъ род., а у вечеру ездили до Синявина и посидя повернулись домой.

Середа. 30. День былъ зъ ранку зъ морозцемъ, а после тепелъ зъ таяніемъ снѣгу, ночъ тепла, тиха, къ свѣту морозъ. Сегодня былъ я у судѣ, где по доношенію Чуйкевича приговорували суддѣ писать до генерала Вейзбаха на коменданта Нѣжинского сторони показанного отъ его помѣшателства въ описаніи товаровъ Пѣперовихъ, Фармакѣемъ взятихъ. Приговорили въ судѣ искать Проценка и Филонѣнка, бывшихъ старостъ коровазовскихъ и братовъ Семена и Марка, по дѣлу Коховского. Обѣдалисмо въ дому род. и я, а у вечеру ездилъ до Радищева и посидѣвши доволно, повернулся домой.

Четвер. 31. День былъ почасти хмарний и вѣтрѣний и почасти свѣтлій и холодний, ночъ хмарна, вѣтряна велми и холодна. Сегодня обѣдалисмо у Хрипунова маіора, для покойника брата его Івана и подпіяхомъ.

Февраль м—ць. Пятокъ. 1. День былъ подобний вчорайшому, холодний, вѣтряний и снѣжний, ночъ тепловата и хмарна. Вчорайшого дня пріехавшіе чили привезенніе должники мои Іванъ Пѣперъ съ товарищи принесли ко мнѣ часовъ двое зъ репетицѣями, перстень шафѣровий зъ діяментиками, да другихъ перстней 5, однакихъ, по два очка, яхонтовое и алмазное, да 50 р. да оставили облѣковъ у род. сѣмъ. Увѣдомился я отъ многихъ, что Пасекъ челобитте подалъ на насъ, за то что въ челобиттю нашемъ, въ которомъ приписали его въ свойствѣ бить Коховскому, и однородцемъ назвали, просили, даби онъ при дѣлѣ Коховсхого не присутствовалъ.

Субота. 2. День былъ хмарний, вѣтряний, а после тепелъ зъ дощемъ, ночъ то жъ хмарна, тепловата, къ свѣту морозъ. Сегодня обѣдалисмо у себе. Принесенъ указъ зъ С.П.Бурха зъ колегіи Иностранніхъ дѣлъ за подписаніемъ графа Остермана, до судей великороссійскихъ и малор. что посланъ указъ до князя Шаховского, которий зъ комендою въ Немѣрови, ехать ему въ Глуховъ для правленія дѣлъ Малороссійскихъ до опредѣленія о изобраніи новаго гетмана.

Неделя. 3. День былъ сперва свѣтелъ, тихъ, а посля силная зъ снѣгомъ метелица до ночи и ноччю, а около полночи перестало. Банкетъ былъ у писара енер. Турковского, по молебствіи, за именинницу ея императорское величество, и подпіяхомъ.

Понедел. 4. День былъ хмарний и свѣтлий, по перемѣнкамъ холодний исперва, а къ вечору мокръ, такова жъ и ночъ. Ездилъ я въ Сварковъ и оттоль въ футоръ и поворотясь, обѣдалъ, а у вечеру ездилъ до Радищева и Борзни и посидѣвши, повернулся домой. Стало правленіе енералной канцеллярiи отмѣнное, понеже въ вишпомянутомъ указѣ велено, обще великороссійскимъ и малороссійскимъ суддямъ всякіе дѣла править до прибитія генерала лейтенанта князя Шаховского и клейноти гетманскіе въ енералной канцеллярiи содержать, а за пріездомъ князя до себе взять, по силѣ пунктовъ гетмана Богдана Хмелницкаго, до опредѣленія ея величества о избраніи нового гетмана, такъ въ указѣ прописано.

Вовтор. 5. День былъ сперва дня съ морозцемъ, а посля зъ таяніемъ снѣгу, а къ вечору со жестокимъ вѣтромъ черезъ всю ночъ, однако жъ теплимъ и зъ снѣжницею. Былъ я рано въ судѣ енер. и подалъ челобитте на Гогу [1]) о сиску его и свѣдителей въ судъ енералний за должніе 339 чер. Сватба инспекторови племянника моего Івася Зварковскому зъ дочерю попадѣ Астровской отправлялась. Климъ пѣщанскій отправленъ въ Сухонос. и въ Лубнѣ до полковника луб. зъ прошеніемъ, чтобъ онъ писмомъ утвердилъ владѣніе моего стопку до футора Кривоpудского прилеглого, отъ той стороны рѣчки Кривухи взявши отъ Зимници до могилокъ (?) далнихъ, дорожкою черезъ рѣчку Кривуху поузъ футорище Зеленского поузъ потокъ до шляху до Горошина идучого, где дорожка зъ Лубенъ до моего футора идетъ. О томъ же писалъ и до писара пол. Савѣцкого и ему коня дрикганта послалъ сивого корноуха, а Климу приказъ данъ въ исправленіи господарскихъ нуждъ и 50 р. на роздачу на сѣнокосъ. Черезъ Леонтія Кравця писалъ до п. Михайла, чтобъ пріехалъ въ Глуховъ.

[1]) Должно быть тоже одинъ изъ Нѣжинскихъ грековъ, которымъ Марковичъ давалъ въ долгъ для комерческихъ оборотовъ деньги.

Середа. 5 [1]). День былъ вѣтрянъ особливе съ полдня съ жестокимъ вѣтромъ и силною метелицею, ночъ ясна безъ снѣгу, толко зъ силнимъ такимъ же вѣтромъ и солнцемъ. Обѣдалисмо въ дому, а у вечеру ездилъ я до Кишкина и Синявина и позабавившись доволно повернулся.

Четвер. 6. День былъ свѣтелъ, тихъ почасти и холоденъ велми, зъ сухимъ воздухомъ, ночъ то жъ ясна и тиха и холодновата, къ свѣту снѣгъ. До сихъ дней зима была въ снѣгъ (sic) и потому въ санную дорогу очень оскудна, (sic) а въ теплоту и вѣтри доволна. Ездилъ род. и я и господа суддѣ и проч. до Годунувки, въ гостѣ до господара двору гетманского и подпіяхомъ и смеркомъ уже возвратились, ехали туда 3 четверти часа. Семенъ Шохъ отправленъ въ Рибное для куплѣ двора у капитанши Крисковского и на то и на рибу далъ ему 25 р.

Пятокъ. 7. День былъ зранку холоденъ, а после влаженъ, а потомъ мокръ и дощеватъ, такова жъ и ночъ, зъ полночи вѣтеръ полнощний, холодний зъ снѣгомъ до свѣта. Ездилъ я въ судъ енералний и оттоль повернувшись, обѣдалъ зъ родителемъ. У вечеру были Андрей и Стефанъ Миклашевскіе у мене, играли въ карти зъ виг. моимъ 1 р. 60 к.

Субота. 8. День былъ свѣтлій, тихий и холодний сухого воздуха, ночъ еще холоднѣйшая, свѣтла, тиха и холодна. Жена пріехала зъ гостини своей зъ дочерю Пазею и обѣдалисмо вкупѣ, а у вечеру ездилъ я до Синявина и Борзни и посидѣвши, повернулся домой. Укази зъ С.П.Бурха, на русскомъ и польскомъ діалектахъ напечатанніе, достались тутъ, въ которихъ ея величество указала всѣмъ бѣжавшимъ за рубежъ въ полскую сторону воинскимъ служивимъ людемъ крестянамъ и малороссіянамъ возвратится на прежніе жилища, а имъ въ томъ вини ихъ отпускаются; срокъ приходу ихъ положенъ мѣсяцей два, а буде не повернутся, а после ихъ сищутъ, то зъ ними, яко зъ бѣглецами по силѣ прежнихъ указовъ поступлено будетъ.

[1]) Должно быть, повидимому, 6-е февраля, но ошибка эта, тянущаяся дальше, оставляется нами безъ исправленія.

Неделя. 9. День былъ свѣтлій, тихій, холоденъ, ночъ такова жъ, толко еще холоднѣйшая, сухого воздуха. На службѣ я былъ у ст. Николая, а по службѣ зъ Паскомъ у Мякинина обѣдалъ въ дому у вечеру и Миклашевскій и игралъ съ нами у панфиля зъ проиграшомъ 40 а. Зъ Москви отъ Петра пріехалъ Манжула и привезлъ карету новую и прочая.

Понедел. 10. День быль хмарній, снѣжний и влажний, ночъ такова жъ, сперва, а после свѣтла, тиха и холодновата, къ свѣту, снѣжна и влажна. Сегодня обѣдалисмо у Астровской, у которой молодому одружившомуся на дочери еи Зварковскому дарилъ я кобилу, овець 10, а жена корову. У вечеру билъ я у Миклашевского Андрѣя, зъ которимъ, Александромъ и Коленскимъ (?) игралъ у карти зъ виграшомъ 40 а.

Вовтор. 11. День былъ холодний, хмарний, ночъ хмарна и зъ снѣжною метелицею, къ свѣту випогодилось зъ силнимъ морозомъ и тихо стало. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ у вечеру ездилъ я въ городъ до Миклашевскихъ, где п. Стефану корцикъ старий дарилъ и въ карти игралъ зъ виграш. 10 а.

Середа. 12. День былъ холодний, хмарний, вѣтрянъ, ночъ ясна, тиха и очинь холодна съ жестокимъ морозомъ, а найпаче къ свѣту. Обѣдалисмо вкупѣ, въ дому, а по обѣдѣ ездилъ до Миклашевскихъ и съ ними игралъ въ карти зъ виграшомъ 1 р.

Четвер. 14. День былъ тихій, свѣтлий, а найпаче къ свѣту зъ жестокимъ морозомъ, ночъ была холодна, тиха и свѣтла. Обѣдали господа наши и великороссійскіе, родитель и я у Мякинина и подпіяхомъ, у карти играли зъ проиг. 1 р. 20 к. Капралъ отъ гвардіи преображенского полку Кудравцовъ пріехалъ въ Глуховъ зъ указомъ енерала Семена Анд. Салтикова до канцеляріи минѣстерской. Уже третий чили четвертий день, якъ господаръ Бузинскій ходитъ до суду зъ челобиттемъ и представляетъ бѣглого захожого человѣка, въ Ясманѣ явившогося и непріймаютъ.

Пятокъ. 15. День бы вѣтряний зъ отлигою морозу, хмарний, такова жъ и ночъ, а къ свѣту туманъ. Проносное лѣкарство отъ бока принималъ и имѣлъ операцѣй немного, такъ же и родитель.

122. Государи мои, драгоцѣннѣйшіе вънуки Н. П. и И. С. Съ новостей посилаю указъ нашего монархи и сенатское опредѣленіе. Каково вамъ покажется? О! дѣла дивніе устраеваетъ хозяинъ добрый! Теперъ съ Чернѣгова ужо пишутъ до Григорія Г.—господа бѣдніе, которіе толко и жили что жалованямъ, что искать служби партикулярной будутъ, весма таковихъ много будетъ. Какъ необходимо ужо довелось мнѣ празновать здѣсь, то толко и остается предверіемъ праздника слѣдующего васъ, моихъ ангеловъ, поздравить и зъ желаніемъ отъ чистаго моего сердца вамъ всякаго благощастія, здравія и долгоденствія, провождать сей праздникъ въ радости. А я однимъ одиніохенка, при болномъ, въ горчайшой скуки, да что дѣлать, видно такъ угодно Провидѣнію въсевидущему. Покрайности, не лѣнѣтесь писать о вашомъ для мене драгоцѣнѣмомъ здравіи, которое да сохранитъ Предвѣчной на должайшіе лѣта и проч. Н. П. 1796 году, декабря 26, изъ Смячи.

123. Душа моя, ангелъ и дочъ Н. П. Тебѣ, душа моя, не безпокою ничемъ, знаю совершенно, сколько ти таперъ клопотъ имѣешь въ разсужденіи виезда Ивана Степановича и сина, а только всеприлѣжнѣйше прошу на Всевидущаго въсе свое упованіе (возложить?). Тотъ тебе во всемъ твоемъ предпріятіи устроитъ и утѣшитъ; великую я на Его имѣю надежду. А при томъ прошу не заживатись въ Брахловѣ. Я знаю твою горячесть къ хозяйству, чтобъ себе не повредила! Пріедь, душа моя, отвѣдай мене и дѣточокъ вашихъ; великое утѣшеніе увидишь изъ старого и молодого пана, которіе благодарятъ за гостинчикъ и цалуютъ матерніе ручки мислено. Шляпки посилаю Пашечки и Настечки, желаю здоровенкимъ носить. Я Марфу пришлю на ярмонокъ, когда то такъ, что на Успеніе Богоматери ярмонка въ Стародубѣ, о чемъ пожалуй увѣдоми мене, душа моя. Много надобно кое-чего купить до зановѣси (на икону?) да и работать отнюдь ужо будетъ нѣчево дѣвкамъ, да и синелѣ купить можно ли будетъ въ Стародуби, пожалуй, ангелъ мой, буди можно, провѣдай о семъ, чтобъ напрасно ей не ездить. За симъ поручаю тебе Божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду до послѣднихъ дней моей жизни тебѣ всѣхъ добръ желателнѣйшая и готовая къ услугамъ Н. П. 1801 году, августа 13—го. Изъ Боровичъ.

124. Душа моя, ангелъ и дочь Н. П. Напиши душа моя, каково ти доехала и застала каковихъ дѣточокъ и все ли благополучно въ домѣ вашемъ? Дѣточки ваши, а мои драгоцѣнѣйшіе компанѣони, дуженки и здорови, равно и я благодарю Всевидущаго, здорова и

дужа. Даруй Господи, чтобъ и ти въ такихъ лѣтахъ такова била. Г-нъ Глинской, по отездѣ твоемъ, скоро пріѣхалъ и до свѣта віехалъ въ извѣстное мѣсто. Купленихъ въ Седневѣ яблокъ посилаю двадцять и одно оливное, которое сама г-жа Лизогубина сорвавши, (толко двѣ и било, и въ первое сърodили у ея), одно мнѣ и другое тебѣ прислала. Вотъ яблока! Не знаю, какови то будуть на вкусъ, а какъ Господь дастъ, что садовника Иванъ Степановичъ привезетъ, то можете отъ ихъ получить розки. Рози такое множество изъ Жукотокъ привезли, что я не могла лембика сискать для перегону води; посилаю къ вамъ изъ симъ самимъ,—не сищете ль ви у себе, или на котли въ заводѣ перегонить будете. Я сіе дѣлаю только для того, чтобъ ти, душа моя, знала, сколько собрано. Винограду своего саду посилаю, въ гронѣ 21 ягоду, токмо за куріозъ, что уродило съ столко у мене; покушай, душа моя, моего разводу. Дай Господи послѣдующой годъ гронъ столко къ тебѣ прислать. Доброжелателная тебѣ и готовая ко услугамъ Н. П. Сентябр. 2-го, 1801 г. С. Боровичи.

125. Душа моя, ангелъ Н. П. Полученное отъ г-на Глинскаго на твое имя писмо съ нарошнимъ посилаю. Что касается до лошадей ему, г. Глинскому, куда ему надобность укажетъ поехать, дано будетъ, о семъ не заботся. Что касается до сивця (?), то прошу сождать, а пришлете въмѣстѣ съ покупкою. За присилку сира премного благодарю, кой такъ хорошъ, что лучего желать нелзя, а тебѣ, душа моя, винограду три грони посилаю, кушай здоровенка, я оной получила отъ Троцкой. Думаю, что въ Чернѣговѣ будетъ таперъ Крымской виноградъ, яко чрезъ Боровичи повезено бочокъ нѣсколько въ Могилевъ, и сколко я ни старалась купить, но не захотіели откуперовать бочокъ и когда куплю въ Чернѣговѣ, пришлю къ тебѣ. За випалку премного благодарю, но Господу вѣстъ что будетъ зъ горелкою, яко хлѣбъ надчуръ дорогъ, по 50 к. здесь ужо пудъ и набѣги за онимъ весма великіе. Почему у васъ горелку продаютъ по шинкамъ? увѣдоми мене, душа моя, я подешевила, а таперъ опять хочу поднять, но твоего совѣта ожидаю. Приказъ въ Золотоношку посилаю о видачи овса и ячменю, а васъ прошу за оной приказать мнѣ купить витую трубу въ два оборота, и прошу, буди ви на сіе согласни, и прислать безъ замедленія, яко по оной надобно и шапку дѣлать, то есть пригрубокъ какою шириною. Денегъ у мене таперъ отнюдь нѣтъ въ разсужденіи покупки, да и хлѣба запасного ничего нѣтъ, роспожичила людямъ, а собрать мочи нѣтъ; вотъ мое хозяйство каково порядочное, какъ хочете разсуждайте. Дроздиковъ пять паръ посилаю,

желаю здоровенкой кушать. Пшеницѣ, развѣ сождавши, болше пришлю, яко люде всѣ въ розсплки, а теперъ толко три чвертки посилаю. Дѣточки и я зъ ними, благодарю Господа, дужи и здорови, поручаю васъ Божіеему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею, всехъ добръ желателнѣйшею и готовою ко услугамъ Н. П. 1801 году. Сентября 16. Изъ Боровичъ.

126. Душа моя, ангелъ Н. П. Замѣдлѣла я къ тебѣ, душа моя, съ посилкою, и се то всему виною Марфа, которая съ Чернѣгова сію минуту толко что пріехала. За недосугомъ, я покупки вашей и не разсматривала, которую по реестру ея поси(лаю) за печатю; я отъ себе посилаю вамъ платочокъ, въ разнощиковъ купленъ, а дѣточкамъ ленточки. Извинѣте, что бездѣличкою служу, яко лучого ничево не било. Я сискала на столику, въ парадной, какое то дѣло до Савинокъ принадлежащое, можетъ бить оное и надобно, но хто то его положилъ не знаю. За увѣдомленіе мене о Ивану Степановичу и Петрушенки чувствительно тебе, душа моя, благодарю, возъсилая при томъ ежеденно Господу благодареніе за успіехъ. Даруй толко, Предвѣчной, чтобъ здорови всѣ ви били и благополучни и дѣточкамъ да пошлетъ Всевидущой охоту и успѣхъ въ наукахъ и должайшіе лѣта, о чемъ неусипно ежеденно Господа молю. Я читая твое, душа моя, писмо о Петрушечки, не могла удержатись отъ слезъ, какъ онъ горко заплакалъ, поминутно его воображая, сокрушаюсь. Дай Господи, чтобъ онъ скоро привикъ, а въ протчемъ надѣюсь на милосердіе Божіе, что будетъ съ нево дитя умное; ти вспомнишь мене не одинажди, что не лгу. Радуюсь, что и дочери ваши, а мои неоцененіе правнучки учатця весма хорошо, но мадамъ кажется слишкомъ дорогенка, но что дѣлать, когда надобно, то такъ аби толко бъ того она стоила. Завитую трубу.... (?) съ васъ будетъ, пожалуйте, здѣлайте милость, толко прикажѣте безъ замедлѣнія оную прислать, я доплачу сколко надобно, ибо за ячмѣнь и овесъ я болше не располагаю, какъ 50 р., а по справки, дай Господи, чтобъ и восмидесятю рублями кончится. Я би васъ и симъ не безпокоила, но право денегъ теперъ у мене нѣтъ. Писмо отъ г-дъ Милорадовичевъ при писмѣ посилаю, на имя Петра Ивановича, что распечатала извинѣте..... (?) онъ самъ писалъ, а протчего не знаю. Вѣстей никакихъ болше нѣтъ. Десять арбузовъ посилаю, ибо толко могъ сей взять, а по времени болше пришлю; кушайте здоровенки! Пріедь, мой ангелъ, хотя на часочокъ, зъ любезними моими правнучками, которыхъ нетерпеливно видѣть желаю вмѣстѣ съ тобою. Старой панъ весма великорѣчивой отъ времени

до времени и младенчикъ такъ резовъ, что я тебѣ описать не могу, кои, благодару Въсевидущаго, дужи и здорови, дай Господи, чтобъ и васъ въсехъ таковихъ видѣть и слишить. Адье, душа моя, твоя всехъ добръ желателнѣйшая бабка Н. П. 1801 году, сентября 29. Изъ Боровичъ.

У мамки благодареніе Господа молоко прибавилось и таперъ рѣдко, когда молочко пьетъ; чтоже сему причина? пріехалъ мужъ мамкинъ, матка ея и свекрова, и какъ разумно поступили—нелзя луче, цѣлой день не говорили ей ничево; наконецъ мужъ сказалъ ей, что естли ти будешъ плакать, то я сейчасъ еду и не пріеду до тебе никогда, синъ нашъ умеръ, но что дѣлать, дай толко Господи, чтобъ ти панское дитя викормила честно, то и дѣти намъ Господь дастъ. И такъ ея уговорилъ, что она весма мало тужила. Що жъ би ви думали?—начало совсемъ молоко прибавлятись и она весела и не тужитъ; благодаря Бога, сіе хорошо. Я три днѣ ихъ ещо подержала. Вотъ подумайте, какъ куріозно о покорму. .... (?) что какъ в..... (?), то толко отъ смерти рабіонка три недѣлѣ небило ничево въ грудяхъ. Пришлѣте ей что нибуль, чтобъ потѣшить ея, мужъ и обѣ матки такъ умни, что луче желать нелзя.

127. Душа моя Насточка! Радуюсь получа отъ тебе, ангелъ мой, писмо, что ти благополучно доехала. Даруй Въсевидущой въ непоколѣбимомъ пребивать до самихъ глубочайшихъ лѣтъ, отъ искреннѣйшаго моего сердца желаю. Дѣточки ваши, а мои дорогіе атютанти, благодарю Господа, дужи и здорови. Я, получа отъ тебе писмо, сейчасъ сожгла и уксусомъ руки витерла. Берегись душа моя, какъ дастъ Господь, что будешь ехать, чтобъ не брать оттоль ничево, да и бѣлья тамо мить не надобно, а луче въ Жукотки чорное отправить такъ мнѣ кажется, ти, какъ мать, сама здѣлаешь во всемъ предосторожность. Я писмо отъ Ивана Степановича получила, которой пишетъ, что онъ и дѣточки здорови, чему я сердечно радуюсь. Болше не распространяюсь, а кончу тіемъ, что я есмъ поколь духъ въ тѣлѣ вашею всехъдобръжелателнѣйшею и готовою ко услугамъ Н. П. 1802 году, генваря 11-го, изъ Боровичъ. Парасковьи Василіевнѣ прошу кланятись.

128. Государи мои, драгоцѣнѣйшіе вънуки Н. П. и І. С. Толко я собралась отправлять Марфу въ Чернѣговъ за многими дѣлами, о чемъ она сама вамъ перескажетъ, но все удерживало силное ненастье, чего то (sic) и удержана била; какъ же пріехала ваша нянюшка съ Москви, которую удержала я здесь, какъ мнѣ о томъ Настасія Петровна сказивала, чтобъ до ея сюда пріезда удержать сію

дѣвицу здесь, которая и остается до повелѣнія вашего. А какая съ Москви посилка и писма при Марфи посилаю зъ ею къ вамъ. Не гнѣвайтесь, что два писма распечатала, сіе единственно здѣлала потому, что искала нѣтли отъ Петрушенки писма и первое распечатала отъ учителя, или какъ сказать—отъ дядки Петрушенкиного, и не сискавъ ни одной строки отъ его, голова моя скружилась, такъ силно съпугалась, принужденна другое подъ одною печатью распечат(ат)ь, тутъ благодарю Бога сискала, хотя по французки не знаю, но тутъ же госпожа Чеботарева и мужъ ея о Петрушенки пишутъ. Благодарю Господа, что онъ въ добромъ здоровьи и по обнадеживаніи призирающихъ. Дастъ Господь что все будетъ благополучно. Сія дѣвица трижди была у Чеботарева и всякой разъ видала Петенку, но онъ нѣчего съ нею не говорилъ, а при отездѣ толко кланался папинѣ, маминки и мнѣ, болше ни слова не сказивалъ. Сія дѣвица, какъ мнѣ кажется сее, она годитемится для дому вашего, при томъ и краситъ разними красками чрезвичайно. Она изъ собою потрошку по привозила красокъ и шьетъ такъ какъ у васъ въ каретѣ на ступеникахъ, а при томъ и въ хозяйствѣ знается, и по казкамъ ея, велику охоту имѣетъ, словомъ съказать, кажется, весма будетъ угодна и помить плате разное, починить и все что ни приказано будетъ съ охотою и знаніемъ, какъ она сказиваетъ, но такъ бѣдна, что болше бить нелзя; въ ея есть сестра двоюродная, которую она воспитала и все что заработала, чрезъ весь свой вѣкъ, ей отдала, но по несщастю мужъ все попилъ (sic) и ея оставилъ въ какого то Савича, въ Бѣловодьи; она по отездѣ вашемъ съ Москви, получила отъ ея писмо и таперъ плачется объ неи жестоко, пишетъ къ неи писмо, а Марфа оное по почтѣ отправить къ ней. Какъ она сестру хвалитъ, не могу вамъ описать, какая она мастерица и поетъ превосходно по италіянски, не худо би и ея отискать, яко убори разніе такъ хорошо дѣлаетъ, что противо французанокъ, точно вамъ къ тому идетъ, что все сіе надобно. Да думаю, по нещастію, и не за болшую сумму могла би бить, подумайте и случая не упускайте. Извинѣте, что пустошью наполнила всю бумагу. А луче, наконецъ, съкажу то, что дѣточки ваши, а мои миліе атютанти, благодарю Бога, дужи и здорови, равно и я, слава Господевѣ, здорова, дай Господи и отъ васъ таковіе вѣсти имѣть. Наконецъ, поручаю васъ Божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду до послѣднихъ дней моей жизни вашею всѣхъ добръжелателнѣйшею и готовою ко услугамъ Н. П. 1801 году, ноября 29. Изъ Боровичъ.

129. Боже зъри мое смиренье,
Зъри мои плачевни дни,
Зъри мое огорченье,
И мене не обвини.
Что я, смертна тварь, дерзаю
Говорить съ моимъ Творцомъ
И что грѣшна называю
Безъпорочного отцомъ.
Покажи мнѣ путь къ спасенью,
Въ сердце утверди законъ,
Ухо приклони къ моленью,
И услишъ мой тяжкой стонъ.
Всю надежду полагала
На тебе, всесилной царъ,
И тебія въсегда възивала,
Не надѣяся на тваръ.
Не терпи, о Боже, въласти
Безъзаконихъ тіехъ людей,
Кои дѣлаютъ напасти
Толко въластію своей.
Боже, ти мя не остави,
Коль оставилъ человѣкъ,
И отъ бѣдъ мене изъбави,
И храни мене навѣкъ.

---

130. Уже со тмою нощи
Простерлась тишина,
Виходитъ съ темной рощи
Печалная луна.
Я лиру томну строю
Щѣтъ съкорбящой мой духъ
Пріиди грустить со мною
Луна печалнихъ другъ.
У хладной сей могилѣ,
Подъ тіенью древъ густихъ,
Внемли мой вопль унилой
И вздоховъ стонъ монхъ!
Зъдесь Юліи любезной
Прахъ милій погребенъ,

Я лить надъ ней токъ слезной
Въсечастно осужденъ.
Безъмолъвъною тоскою
Силно стѣснился духъ,
Пріиди грустить со мною
Луна печалнихъ другъ.

Оба стихотворенія находятся между письмами Настасьи Степановны и писаны ея рукою. Начала недостаетъ; не нашлось и того письма, при которомъ стихи Н. С—на прислала внучкѣ.

III. Письма Петра Степановича Милорадовича къ сыну Григорію Петровичу и письма къ послѣднему разныхъ лицъ.

1. Любезній сину мой Григорій. Въ писмѣ своемъ пишешь ты, что получилъ писмо отъ Василя Яковлевича Лизогуба, въ которомъ увѣдомляетъ тебя, что братъ его намѣренъ продать нѣякоесь село Гунковку, однакожъ безъ людей, зъ лѣсами, сѣнокосами и мелницами. Я удивляюсь весьма для того, что не слихалъ нигдѣ, чтобъ гдѣ какое либо село было безъ людей, однакъ недивно сему, ибо Лизогубы привикли писать (?) по своей природной гордости, а я подлѣнно знаю, что тамъ въ Лизогуба, брата его, ничого прямого нетъ и основателного, чтобъ продать, какъ толко одна мелница на Ворзнѣ, по праву же сторону рѣки лѣсъ Разсудовскій отрубной, на которомъ онъ, на берегу рѣки, поселилъ было слободку, и оная земля отсужена отъ его; а людей велѣно ему перевести. И на томъ именно мѣсто (мѣстѣ?) велѣлъ я Холимоненку нывѣшнею весною посѣять жито ярицу и до той землѣ брату его никакого дѣла нѣтъ, ибо она не ево. А по лѣву сторону рѣки Ворзни, гдѣ также Лизогубови поселенные люди находятся, грунтъ—сыбринный [1]) називается Губецкій, отколь когда люде переведенни будутъ, то земля никуда не годится, ибо пѣсчаная и неспособная ни къ чому; лѣсу жъ тамъ у ево никаково нѣтъ, ибо въ Губецкомъ грунтѣ находящійся лѣсъ есть Михайла Михайловича Стороженка, а не Лизогубовъ; а ежели есть какіе въ его лѣса и сѣнокоси въ другомъ мѣстѣ, то я оныхъ не знаю, а подлѣнно знаю, что

[1]) Т. е. общій.

около нынѣшней его Гунковки нѣтъ никакихъ лѣсовъ, сѣнокосовъ и землѣ. И для того надобно тебѣ, со всякою осторожностію, хорошенко посмотрѣть, а отъ Лизогуба потребовать описѣ, какие именно лѣси и сѣнокоси и въ какихъ урочищахъ онъ хочетъ продавать, кромѣ помянутихъ мелницъ, и имѣетъ ли онъ на тѣ грунта крѣпости, которие надлежитъ ему тебѣ самому показать и тебѣ осмотрѣть и продаваеміе имъ грунта лично, а не за глаза, дабы не послѣдовало обманства, а осмотрѣвши по описѣ тѣ грунта, которие онъ продаетъ тогда надобно съ нимъ въ торгъ ити, чего они стоятъ и такимъ порядкомъ должно тебѣ отписать до брата его Василя Яковлевича, а не прежде спрашиватся о цѣнѣ. Впротчемъ, за свиданьемъ моимъ съ тобою, я обстоятелнѣе съ тобою словесно поговору. И пребываю твой всего добра желателній отецъ Петръ Милорадовичъ. 1789 года, мая 28 д. Жукотки.

2. Увѣдомился я черезъ Халимоненка, что бѣжавшій отъ меня конюхъ Коломіецъ явился и нынѣ находился въ Любечѣ, и будто панщину дѣлаетъ, а какъ онъ извѣстно тебѣ здѣлалъ мнѣ немалую шкоду и бѣжалъ, и се уже онъ дѣлаетъ другий побѣгъ, бывши въ меня въ дворѣ, и есть человѣкъ вовся ненадежный, то какъ ево, такъ и Ластовку, который также при побѣгѣ своемъ кроми протчого одѣянія, которого онъ у меня еще незаслужилъ, укралъ новую кучерскую сукна голубого шинелю, которой цена рубліовъ девять, равно и Хорошуна, который отъ тебя бѣжалъ, когда будетъ повеленіе о вистатченіи погонщиковъ, непремѣнно прикажи отдать ихъ въ погонщики, и сими трома плутами и бродягами замѣнить другихъ мужиковъ добрихъ людей, которіе могутъ платить чиншъ или панщину дѣлать, что послужитъ и протчимъ въ страхъ таковымъ плутамъ и бѣглецамъ. Однакъ о семъ никому необявлять до надлежащаго времени, дабы они узнавши вторично не бѣжали, для того что при отдачи погонщиковъ въ армію всегда они отдаются въ колодкахъ за карауломъ, чтобъ не могли бѣжать и здѣлать затруднѣнія и безпокойства. При томъ прикажи Коломійца допросить съ прист(р)астіемъ, гдѣ Ластовка находится, который съ онымъ вмѣстѣ бѣжалъ, ибо онъ повиненъ знать. (1790 г., мартъ).

3. Любезній сину мой Григорій! Писмо твое съ Чернѣгова сего априля отъ 2-го, я получилъ 8-го числа, чрезъ почту, исправно, въ которомъ между протчимъ пишешъ, что былъ ты зъ женою въ Стол-

номъ, въ бабушкѣ вашей Авдотьи Михайловни [1]), а потомъ ездилы въ Боровичи, гдѣ потворили то самое положеніе раздѣлки, которое предъ симъ, въ битность мою тамо, между всѣми вами положенно было что и совершить должний будете на урядѣ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ маи; тогда ты и Полуботки получишъ, а нинѣ какъ Жукотками, такъ и всѣми приселками владѣеть бабушка твоя Настасія Степановна сама, и никому изъ наслѣдниковъ неотданни во ожиданіи конца вашему положенію, на что тебѣ обявляю, чтоби ты старался всяческій, дабы непремѣнно въ м—цѣ маи безъ всякого отлагательства раздѣлка конченна била и совершенна на урядѣ, а по дѣйствительномъ и совершенномъ окончаніи раздѣла, тогда и мѣровую подать прозбу, касателно доиску моего на бабушку твою и брата ея по извѣстнимъ тебѣ дѣламъ, по данному отъ меня тебѣ полномочію. Послѣ подачи же мѣрового прошенія, тогда писмо мое, писанное твоей сестрѣ, ей самой отдать, а отънюдь не прежде, но все совершивши, которое при семъ прилагается незапечатанное для усмотренія твоего, а въ надлежащое время самъ можешь запечатать. Въ томъ же писмѣ увѣдомляешь меня, что ты купилъ нѣякоесь маленкое имѣнийце около Пушкаровъ, до коего належитъ въ Пушкарахъ дворъ, въ коемъ продается уже горѣлка твоя, я о семъ прежде извѣстился, чрезъ писмо писанное ко мнѣ отъ Ивана Якимовича, однакъ о покупкѣ обстоятельно знать не могу, которая надѣюсь Силѣчу не очень пріятна. Такъже увѣдомляешь меня, что священникъ Козма Котовичъ зъ братьями и племѣнниками своимы и попадья Чигринчиха продали тебѣ на Високомъ полѣ, называемомъ Лисицею, всю часть своего пахатного поля; оное поле мнѣ извѣствое, на которомъ земля пѣщаная и глееватая, однакъ способна по тому болше, что весма близко къ мѣстечку Любечу находится; что жъ касается до грунту называемого Чистіе Лужы, которого половинную свою часть продаетъ Чигринчиха, то оной грунтъ находится въ отдаленности и несмѣженъ къ грунтамъ Любецкимъ, а при томъ я надѣюсь хуторъ, называемій Чистіи Лужи, которимъ владѣетъ также и попъ Козма Котовичъ не церковная ли земля, принадлежащая до бившой церкви Рождества Пресвятія Богородицы, такого роду, какъ и грунта бившіе во владѣніи священниковъ Горбиковъ, которіи указомъ сенатскимъ велено отобрать въ казну. И посему надобно въ покупкѣ имѣть великую осто-

[1]) Безбородко, жена б. генер. писаря Андрея Яковлевича и мать князя А. А. Безбородко. Дочь ея Ульяна была матерью жены Г. И. М—ча.

рожность и достовѣрную справку, чтобы иногда денги не пропали, и что тотъ грунтъ въ сторонѣ и несмѣженъ твоимъ землямъ, то я би его покупать не совѣтовалъ, а попадья Чигринчиха дешево не продастъ; а что попъ Горбикъ зъ своимъ братомъ и племѣнниками имѣніе продаютъ, то ежели оно ихъ собственное или есть наслѣдственное и несумнительное, а притомъ въ близкости и способности къ твоимъ землямъ находится, въ такомъ случаи купить можно. А что Каменецкій уступаетъ купленніе свои грунта около Брехуновъ, то я онихъ покупать тебѣ не совѣтую, ибо оніе тебѣ не по способности, ни въ смѣжности находятся. И на такіе грунта, которые находятся въ кускахъ и въ разныхъ мѣстахъ денегъ напрасно терять ненадобно и не совѣтую, ибо оніе никакой ползи не принесуть, а покупать надобно такіе землѣ или грунта, которіе въ срединѣ твоихъ или смежніе зъ твоими землямы, такъ какъ есть Гупъковская Лизогубова мелница, которую тебѣ весма купить способно; при той мельницѣ находится, при самой рекѣ Ворзнѣ, давно присужденная земля, гдѣ Лизогубъ поселилъ своихъ людей и построилъ винокурнѣ, и веленно ихъ свесты и землѣ очистить, токмо и понинѣ неочищенна, для того непремѣнно надобно тебѣ, не утекая вдаль, людей вислать и строеніе очистить, ибо Лизогубъ чрезъ долгое время упрамится, чтобъ иногда давности земской не упустить и землѣ не потерять, которую нинѣшною весною надлежало бы сорать и посѣять жито ярицу, или другій яринний хлѣбъ. Сей грунтъ, о которомъ я тебѣ пишу, находится въ отрубной Расудовской жалованной Полуботку пущы, о которомъ я долго хлопоталъ и имѣлъ дѣло и оное между протчіимы дѣламы тебѣ поручилъ и уводчій листъ на присужденную землю, также и протчіе уводчіе листы по бившимъ дѣламъ тебѣ отдалъ, какъ-то и о грунтѣ Радулскомъ зъ расколниками, по коимъ всѣмъ отданнимъ тебѣ дѣламъ, по описѣ, надобно имѣть недреманное наблюденіе и смотрѣніе Любецкой економіи. А что ты пишешь ко мнѣ, чтобъ я тебя одолжилъ нѣсколко денгами, въ разсужденіи покупаемихъ тобою грунтовъ, то я би тебѣ не отказалъ, ежели би былъ въ состояніи, ибо я здесь у дворянъ Мартосовъ покупаю сѣнокосную землю, весма близко и въ способности находящуюся къ землѣ Гамалѣевской, и далъ уже 200 рублей, а еще и тимъ надобно будетъ дать болше двухъ сотъ рублей; а кромѣ сей землѣ тѣ жъ Миртоси продаютъ футоръ въ близкомъ разстояніи находящійся къ Гамалѣевки, которого, за тысячу рублей купить неможно, а я думаю его не упустить, ибо и другіе покупщики находятся, а сверхъ того надобно докончить цер-

ковное строеніе, здѣлать колоколню и купить колоколъ, которихъ здесь почты ни одного нѣтъ и на то все потребно болше тисячи рублей. Съ писма жъ твоего выжу, что маляръ меня обманулъ, однакъ я надѣюсь лутчого нежели онъ майстра сискать; горѣлки прислать ко мнѣ надобно восемъ бочокъ, о которой я при семъ прилагаю писмо къ г. Вѣткевичу, а на тихъ подводахъ я пришлю къ тебѣ овса, полагая на каждую по 4 четверты, всего 32 четверты. А ты вели приказать, чтобъ били въ подводчиковъ мѣшки на показанное число овса. При отъездѣ моемъ отдалъ я тебѣ сребро, яко то: кафейний чайникъ, молочникъ и другіе разніе вещы, вѣсомъ на 10-ть фунтовъ, о коихъ имѣется у меня записка, для передѣлки на чайний приборъ, для того увѣдомь меня началъ ли серебренникъ оную работу дѣлать, которую надобно ему отдавать не всю заразомъ, но по частямъ, прежде же надобно при себѣ вѣрно свѣсить и отдавать сребреннику каждую вещь вѣсомъ же, а за работу я съ нимъ договорился отъ лота заплатить по 10 к. Еще увѣдомь меня имѣешь ли какіе писма отъ повѣренного съ Петербурга по извѣстному тебѣ дѣлу съ Силѣчемъ. Впротчемъ пребываю твой всегодоброжелателній отецъ Петръ Милорадовичъ. 1780 года, апріля 10 д. Гамалѣевка.

4. Любезній сину мой Григорій! Получилъ я отъ тебя съ Чернигова четири писма. Первое, чрезъ Тарчовского, минувшого апріля отъ 19-го числа, на которое обявляю, что Тарчовскій напрасно трудился и ездилъ до тебя, ибо онъ не имѣетъ ни отъ кого и никакой обѣди; а вмѣсто того, что онъ напрасно ездилъ къ тебѣ, должно бы ему самому старатся, дабы скорѣе надъ нимъ окончень былъ щотъ. А что въ его забратъ скотъ, то сего въ обѣду онъ почитать себѣ не можетъ, ибо такъ порядокъ велить съ тѣмъ, когда онъ отдасть отъчетъ по своей должности порядочно и не будетъ на немъ никакого начота и взисканія, тогда скотъ и все свое имѣніе получить безъ всякого задержанія, а ежели явится начотъ, а потому и взысканіе, тогда долженъ онъ денгами или имѣніемъ своимъ удоволствовать. Что жъ касается до Жидкова, которого онъ единственно по сорѣ своей отъ должности отрѣшилъ, то изъ Жидковимъ, такимъ же образомъ поступыть должно, какъ и съ Тарчовскимъ, по окончаніи щета. Онъ же Тарчовскій его Жидкова отрѣшилъ отъ должности вовся не надлежаще, единственно для своего угожденія, а несоблюденія порядка еко(но)мыческого, которий съ нимъ во многомъ спорилъ, и тебѣ представлялъ; а на мѣсто его опредѣлилъ тамошнего Бучковского мужика, извѣстного всѣмъ превеликого пяницу и бездѣлника.

Я извѣстенъ, что и писаръ тамошній Бучковскій пяница жъ. Такъ вотъ какіе порядки Тарчовскій подѣлалъ. Я этое узнавши чрезъ Курилова, велѣлъ мужика пяницу отъ должности отрѣшить и бить ему попрежнему въ числѣ протчіихъ мужиковъ, а на мѣсто его опредѣлить доброго и неподозрителнаго человѣка; Жидковъ же допущенъ до своей должности, для того, чтобъ по нынѣшному веснянному времени не упущенно было въ надлежащое время посѣять ярынки хлѣбъ, и протчихъ касающихся хозяйства дѣлъ, и велѣнно ему дѣлать припускъ лошадинни, чего опредѣленному отъ Тарчовского пяницы увѣрить неможно и сумнително. Сколько же какихъ денегъ есть въ собраніи въ Халимоненка, за оними посланъ Кезь принять отъ его, которіе и присланни будуть къ тебѣ зъ тими денгами, кои данни на мой щетъ зъ Любеча плотникамъ, столярамъ и малярамъ 30 рублей, при отправленіи ихъ яъ Гамалѣевку.

2-е) Чрезъ Конвисера, апрыля отъ 12-го, получилъ того жъ апрыля 19-го числа, и что касается до маляра, то я сыскалъ съ Кролевца искусного майстра, которій пысалъ графу (Румянцеву) въ церковъ въ Вишенкахъ иконостасъ, и заключилъ съ нимъ контрактъ, за одни его труда шестьсотъ рублей, кромѣ харчей, разныхъ красокъ и золота, что всіо искуплено будетъ на мои денги, и выходыть на сумму до тисячи рублей. Также договорилъ подрядчика, надежного и доброго человѣка, руського купца, жителствующого въ Гадячѣ, выписать зъ Москви четире колокола, первій—вѣсомъ въ сорокъ пудъ, другій—въ 20-ть, третій—въ 10-ть, а четверти—въ 5 пудъ; всего жъ во всѣхъ колоколахъ сѣмдесятъ пять пудъ, отъ всякого по 14-ть рублей съ поставкою въ Гамалѣевку, а всѣхъ денегъ тисяча пятдесятъ рублей, и оніе колокола подрядчикъ долженъ поставыть іюля къ 20-му числу, въ Гамалѣевку, а маляръ начнетъ пысать иконостасъ сего маия съ 20-го числа.

3-е) Чрезъ столярей, плотниковъ и малярей, кои прибыли въ Гамалѣевку сего мая 4-го и вступыли въ свою работу. Столяръ же Владимеръ Онищенко, буди онъ тебѣ надобенъ, пусть и остается. Покупку твою въ Пушкарахъ похваляю, хотя и недешево нѣсколко; что касается до пахатного поля, состоящаго въ нивахъ, по моему мнѣнію еще бъ и лутче было въ разсужденіи ихъ въ неболшомъ количествѣ землѣ и въ разныхъ мѣстахъ находящихся, достать замѣною въ одномъ или въ двухъ мѣстахъ положеніемъ, а ежели неможно буде, то отдать мужикамъ для хлѣбопашества, по способности ихъ жительствъ зъ вѣрною запыскою кому и въ какомъ въ урочищи и какая нива

будетъ дана, и что въ купчой крепости въ разсужденіи интрыгъ Силѣчевыхъ, весма ему свойственныхъ, написанна сумма превосходная на случай выкупу, поступленно весма разумно, нѣчимъ перемѣнить и съ такимъ человѣкомъ, каковъ есть Силѣчъ; и что купилъ ти въ селѣ Красковскихъ, на болшой дорогѣ, два двори зъ людми и ихъ грунтами, гдѣ и шинку быть способно, и то похвално, а что Постѣкаловъ продаетъ въ Любечѣ—дворъ зъ живущими въ онихъ людми, то оніе двори зъ людми, а хотя и безъ людей весма потребно тебѣ купить, ибо оніе находятся внутрѣ въ мѣстечкѣ Любечѣ и между твоимы мужикамы, и не знаю какову онъ цѣну просить. А я купилъ въ наслѣдниковъ Сибѣрского, также въ мѣстечкѣ Любечѣ, людей мужеска полу 18-ть душъ, кромѣ женска, со всѣмъ ихъ поселеніемъ, и заплатилъ 850 рублей, о чемъ можешь справится по купчой крѣпости, которая тебѣ съ протчіими крепостми порученна. Чрезъ приезжавшого ко мнѣ отъ сестри твоей съ писмами о родинахъ дочери еи, я никакого писма къ ней не писалъ, а словесно обявилъ присланному, что писать мнѣ до еи не слѣдуетъ покудова не будетъ конченно дѣло по данному отъ меня тебѣ полномочію и не получу отъ тебя извѣстія о миротвореніи, а подъ симъ разумѣется и раздѣлка, на томъ основаніи, каково положенно въ битность мою до отъезду моего въ Гамалѣевку, о чемъ уже я къ тебѣ предъ симъ писалъ.

4-е) Априля отъ 19-го числа, зъ Чернѣгова, получилъ сего мая 6-го, съ увѣдомленіемъ меня объ отправленіи ко мнѣ моей горѣлки и при ней людей колесника Гѣтка зъ его женою и шуриномъ, коихъ я намѣренъ поселить въ слободѣ Жоржовки, также и плотника Грицка Сыча, которой мнѣ весма нуженъ по его майстерству. Притомъ прошу отъ меня поздравить г. совѣтника Якова Ивановича Гулака съ новобрачною его женою и желаю имъ благополучного сожитія и сердечно радуюсь, что ты зъ женою своею и дѣтьми, по милости всемогущого Бога, находишся въ добромъ здоровьи, чего отъ усердія моего всегда желаю. Удивляюсь я, что ты по сю пору Антипа Крупянникова не договорялъ въ Любечъ приказчикомъ на такомъ основаніи, какъ я предъ симъ къ тебѣ писалъ и совѣтую его не упускать, ибо я узналъ доволно, что онъ человѣкъ добрій и чрезъ все время въ битность при мнѣ оказался неподозрителни и исправни. А что касается до щета прикажчиковъ, весма исправенъ и знающъ. Мужика жъ Иллю Бойка я тебѣ совѣтовалъ би отставить, для того, что онъ можетъ дать цинши (чинша) рубліовъ пять или болше, и способенъ для отправленія на байдакѣ за покупкою солѣ и для продажи діогтю и другихъ вещей

рѣкою Днѣпромъ. Я съ полученного репорта отъ Крупянникова увѣдомылся, что онъ при отдачи Жукотской и Полуботовской наличности весма обѣженъ отъ тамошнихъ мужиковъ и присланного отъ бабушкѣ твоей смотрителя Туржанскаго, которий, по наговору мужиковъ, его обѣдилъ вовся напрасно, заграбылъ у него вѣвесь скотъ рогатій, лошадь, овци и кози, въ числѣ которого и отъ меня ему данни, несправедливо и ненадлежаще, и оный Туржанскій и донынѣ скотъ его содержитъ въ Жукоткахъ подъ стражею, и за такую свою обѣду не можетъ инакъ обойтится, какъ подать искъ на госпожу и на мужиковъ ея. Для того ты за немъ уступись, не допусти къ обѣдѣ и о семъ напыши до бабушки твоей, чтобы она наговору мужиковъ не вѣрила и проси, чтобъ скотъ его приказала возвратить, ибо нехорошо будетъ, когда онъ подастъ искъ. А сей Туржанскій есть полякъ и видно такой будетъ прикажчикъ, какъ былъ у тебя Тарчовскій. При принятіи наличности въ Жукоткахъ, удержанъ станокъ мой зимній собственній, здѣланни мною въ Чернѣговѣ, когда я тамо жилъ, подъ карету, крепкій и вездѣ окованни, на которомъ болше до трохъ пудъ желѣза употребленно, для того оной станокъ вели непремѣнно отобрать и взять къ себѣ въ Чернѣговъ или въ Любечъ. Впротчемъ пребываю твой всегодоброжелателній отецъ Петръ Милорадовичъ. 1790 года, маія 7 числа. Гамалѣевка.

5. Любезній сину мой Григорій! Писмо твое съ Чернигова сего августа отъ 13-го, я августа 18-го получилъ, съ приложеніемъ копіи зъ исковой жалоби Лашкевычевой, поданной имъ въ уѣздны Чернѣговскій судъ, и въ томъ твоемъ писмѣ увѣдомляешь меня, что ты того жъ августа 13 отъехалъ въ Батурынъ для свиданья съ Андреянополскимъ и попросить его о написаніи апелляціи по дѣлу зъ Силѣчемъ о шинкахъ, равно и поговорить о предстоящемъ новомъ дѣлѣ съ Лашкевичомъ. Я получа твое писмо, заразъ поговорилъ изъ здешнымъ моимъ приятелемъ, знающимъ законы человѣкомъ, и далъ ему потребніе документа для написанія по дѣлу зъ Лашкевичомъ отъводу, который при томъ мнѣ обявилъ, что надобно по позвамъ явится на срокъ и тотъ доводъ сказать, а при томъ нужно имѣть съ уѣзднаго Городницкого суда выписъ изъ поданной отъ меня жалобы, прошедшого году, м—ца августа 9 числа, о изреканіи дочеры моей и о прочемъ, также и изъ учиненного по тоей моей жалобы въ Городницкомъ уѣздномъ судѣ опредѣленія, о которой жалоби и опредѣленіи тебѣ извѣстно, ибо въ бытность твою въ меня я далъ тебѣ съ оныхъ копіи, и какъ ты пишешь въ своемъ писмѣ, что на жалобы

Лашкевичевой уѣздни судъ здѣлалъ опредѣленіе дать намъ позовъ, которы уже и посланъ въ нижни земски судъ для порученія и назначеніе срока къ явки; о срокѣ же еще неизвѣстно; для того за нужное почитаю къ тебѣ написать, ежели уже позвы положены на имѣніи или поручени тебѣ, то до меня принадлежащи позовъ заразъ со всякимъ поспѣшеніемъ чрезъ нарочного, а не почту, присилай ко мнѣ, дабы я могъ предварительно заранше знать срокъ явки въ судъ. Ежели же намъ обоимъ одинъ позовъ данъ, то однако жъ пришли ко мнѣ копію поскорее, а я написанны отъводъ, какъ скоро будетъ здѣланъ, тотчасъ безъ всякого замедлѣнія пришлю къ тебѣ чрезъ нарочного и при томъ приложу къ тебѣ прозбу въ уѣздны Городницки судъ, о дачи вышеписанной випись, дабы оная выдана была предъ срокомъ о явки въ судъ, но со всѣмъ тѣмъ весма нужно и необходимо потребно, чтобы ты ко мнѣ, какъ можно скоро, самъ приехалъ на самое краткое время поговорить, о чемъ надлежитъ; на писменныхъ же перепискахъ весма неудобно въ такихъ обстоятельствахъ изъясниться; для того, какъ скоро возвратится зъ Батурина, заразъ ко мнѣ приежай почтою, а не на своихъ лошадяхъ. До Ивана Яковлевича г. Селецкого я писалъ съ прошеніемъ объ извѣстномъ тебѣ дѣлѣ, имѣющемся въ Новгородско-Сѣверской губерніи и писмо отправилъ къ тебѣ чрезъ Звонка, а нинѣ и вторичное писмо при семъ къ нему прилагаю, которое тотъчасъ чрезъ нарочного или чрезъ почту къ нему отправъ, понеже весма нужно, чтобъ сіе дѣло было рѣшено и съ оного получить випись, также къ представленію въ судъ по настоящему иску Лашкевичевомъ; и я объ оной Ивана Яковлевича прошу, чтобъ прислалъ к тебѣ прямо или же увѣдомилъ о рѣшеніи оного и за скорость хотя бы рѣшенія копію прислалъ. Впротчемъ пребываю твой всегодоброжелателній отецъ Петръ Милорадовичъ. 1790 года, августа 22 д. Гамалѣевка.

6. Любезній сину мой Григорій!

Писма твои мною получены, первое октября отъ 1-го числа, съ увѣдомленіемъ, что въ день праздника Покрова Богоматери освященъ домъ твой ,въ которомъ намѣрены вы переходить отъ того числа чрезъ двѣ недѣли, въ чемъ я отъ усердія моего желаю да благословитъ тебя Богъ зъ женою и дѣтми твоими и даруетъ мирно и во всякомъ здравіи и благополучіи въ ономъ жить на долгіе времена. Иконъ же, о которыхъ я тебѣ сказывалъ въ Гамалѣевки, послать понынѣ не могу, для того, что еще несовсѣмъ готовы иконописью, а какъ скоро поспѣютъ, то и присланы будутъ чрезъ нарочного, буди не будетъ

оказіи, ибо чрезъ почту послать ихъ неудобно. А послѣдніе три писма, сего мѣсяца разныхъ числъ, отъ тебя писанные, я получилъ въ одинъ день, тоесть сего сентября 11 числа, на которые симъ увѣдомляю: горѣлка твоя пѣнная въ 20 бочкахъ, числомъ 800 ведеръ, привезена и получена исправно, о которой Антипъ Крупянниковъ чрезъ тѣ подводы, кои оную привозили, тебѣ рапортовалъ, и будетъ стараніе о продажѣ сей горѣлки, чтобы продать ведро по два рубли, но навѣрное о таковой цѣнѣ сказать неможно, ибо въ здѣшнихъ мѣстахъ цена горѣлки упала, а до того времени неможно, чтобы небыло нѣсколко усошки. Присланные отъ тебя подводы за овсомъ при Любецкихъ мужикахъ Ивану Олейнику и Семену Пишке пріѣхали невесма вовремя, ибо овса небыло готового въ покупкѣ и въ превеликое безъдорожье скотъ свой вовсѣ изнурили, и прожили здѣсь чрезъ 6 дней, лошадей же кормить нечимъ было, а давана имъ солома, но и той недостаточно, для того, что по нынѣшней зимѣ и погодѣ весма сѣно дорого, такъ же и солома; да сѣна здѣсь въ деревнѣ и купить не въ кого, а хотя мужики имѣютъ у себя сѣно и солому, но они для прокормленія своего скота нужду въ томъ имѣютъ. Я и самъ думаю, чтобы Богъ помогъ выкормить свой скотъ чрезъ зиму, а сѣна продать не можно ни стебла, и для того впередъ совѣтую тебѣ присылать сюда подводы, узнавши перше и вѣрно, будучи надежнымъ о покупкѣ и о числѣ четвертей овса, то тогда присылать подводы, а не прежде. Покупщикъ же твой почталіонъ Семенъ Анастасьевъ едва могъ искупить 126 четвертей и 5 четвериковъ овса, но и того подводы дожидалися, а по наложеніи онаго, отправлены отсюда подводы сего мѣсяца 18-го ч. Однакъ, я думаю, ты его сполна не получишъ, ибо мужики изнуренные свои лошади принуждены будутъ кормить овсомъ, а тебѣ за пріездомъ отдадутъ свой собственный овесъ, въ кого есть, а кто не имѣетъ, то развѣ купитъ. На тѣхъ же подводахъ, которые горѣлку привезли, получилъ я заливную трубу исправно и далъ своего овса, по неимѣнію купленного почталіономъ въ Лофицѣ, 52 четверти и 2 четверика на щетъ тѣхъ денегъ, которые ты употребилъ на церковные вещи, тоестъ 31 рубль 20 копѣекъ; и такъ я тебѣ уже невиненъ. Покупщику твоему на покупку овса далъ я денегъ, къ прежде выданнымъ ста рублямъ, еще 50 рублей, а остается еще у меня 100 рублей, за которымъ вели прислать подводы тогда когда получишь вѣрное извѣстие, что [illegible] готовности, а не так какъ нынѣ прислалъ. Ежели потребны будутъ деньги на покупку до полности 500 четвертей овса, то я могу дать

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.